АВГУСТ 2011 г. • № 8 (259)

ISSN 2074-2975

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

Редакция журнала «Обозреватель-Observer»

Редакция журнала «Обозреватель-Observer»

Редакция журнала «Обозреватель-Observer»

Правомерные принудительные меры по уставу ООН

Д.ХАЛИДОВ

Информационная война в России

Н.АНИКЕЕВА

Проблемы безопасности в Европе

В.СЕРЫЙ

Имидж судебной власти в РФ

А.МАЯКОВА

Контрабанда и либерализация УК

Россия и Кипр – пример "прагматического идеализма"

ISSN 2074–2975 август 2011 № 8 (259)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Ñîäåðæàíèå íîìåðà

Партийная система и гражданское общество 5

Д.Гудков

Статья посвящена проблеме взаимодействия партийных систем и гражданского общества в России и за рубежом. Особое внимание уделяется возникающим противоречиям. Для переходных обществ опасность представляет как угроза возврата к однопартийности, так и проект «партийного плюрализма», который зачастую ведет к политическому хаосу.

В России вполне естественно наблюдается тяготение электората к формату «малопартийности» с доминирующей партией в лице «Единой России». При этом неоднократные попытки реализации двухпартийного проекта оказывались безуспешными, с одной стороны, ввиду их искусственного характера формирования «сверху», а с другой – в силу отсутствия социального запроса на данную модель.

Информационная война в России: горькие плоды западничества 14

Д.Халидов

На основе множества примеров показано, как эволюционировала отечественная масс-медийная система (за последние 20 лет) в сторону социально, нравственно и политически безответственного «пиара», который можно охарактеризовать как информационную войну с собственным народом. В статье раскрывается субъект этой войны, ее главные цели и задачи, которые укладываются в «формулу» «ЗР+Д»: разрушение, растление и разложение + дебилизация массового сознания.

Давая ответ на вопрос: «что делать?», автор предлагает в качестве защиты общества от медиа-террора программу минимум и программу максимум.

Проблемы безопасности в Европе 26

Н.Аникеева

Политическое руководство Испании и России в конце XX – начале XXI в. большое внимание уделяло проблемам создания общеевропейской системы безопасности и сотрудничества в Европе. Так, правительство Х.Л.Родригеса Сапатеро в 2008 г. приветствовало инициативу Президента Российской Федерации Д.А.Медведева о подготовке юридически обязывающего Договора о европейской безопасности, кроме того, испанское руководство имеет особую позицию, например, по вопросу размещения ПРО в Европе. Возможно, Мадрид будет оставаться одним из наших партнеров среди стран-членов НАТО.

Россия и Кипр – пример «прагматического идеализма» 34

К.Мелакопидес, М.Салвариди

Рассматривая различные аспекты двусторонних отношений России и Кипра со времен холодной войны вплоть до наших дней, авторы ставят перед собой цель выявить характерные черты, отличающие политику России от классического реалистического подхода, что дало основание отнести внешнеполитический курс России в отношении Кипра к «прагматическому идеализму».

Парламентаризм: выборы, политическое соперничество и политическая борьба 46

А.Борщ

В связи с приближением выборов в парламенты ряда стран, в том числе и России, в статье дается характеристика предвыборной кампании, парламентской деятельности и публичных мероприятий, которые могут им сопутствовать.

Политическая партия как социальная организация 57

Л.Яськова

В статье раскрываются теоретические аспекты понимания политической партии как социальной организации через такие термины, как общность людей и общность идей.

На основе эмпирического анализа даются научные методы проектирования политической партии.

Контрабанда на гребне третьей волны либерализации Уголовного кодекса России 65

А.Маякова

Исследуя вопрос соотношения ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации («Контрабанда») и ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации («Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»), автор обращает внимание на несоответствие видового и непосредственного объектов анализируемого состава преступления, останавливается на необходимости уточнения перечня предметов контрабанды и места ее совершения; говорит о трудностях, которые возникают при квалификации контрабанды объектов растительного и животного мира.

Имидж судебной власти в современной России 79

В.Серый

Статья посвящена исследованию роли судебной власти в системе государственной власти, определению научных и прикладных основ формирования и развития современного имиджа судебной власти, даются предложения по его улучшению.

Правомерные принудительные меры по Уставу ООН 85

Л.Тарасова

Исследуя вопросы правомерного применения международных мер принуждения, автор приходит к выводу, что принудительные меры будут правомерными только в том случае, если они отвечают условиям законности, то есть имеют юридические основания, вытекающие из Устава ООН, и критериям легитимности, то есть являются оправданными.

Восстание 1916 года в Туркестане 98

Т.Котюкова

В 1916 г. в Туркестане произошло самое крупное антироссийское восстание с момента завоевания Россией Средней Азии. За последние 90 лет по этой теме отечественной и зарубежной историографией накоплено значительное количество исследований. Не смотря на это, в истории восстания еще много «белых пятен», часть из которых автор пытается исследовать.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН

ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ

ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России

ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор

ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН

ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор

ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор

КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор

ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник

МУРАДОВ Г.Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»

ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН

ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН

ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН

СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор

ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН

ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН

ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»

ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор

ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Партийная система и гражданское общество

ДМИТРИЙ ГУДКОВ

Одним из стандартов современного государства, по словам президента РФ Д.А.Медведева, является «убежденность граждан в том, что они живут в демократическом государстве»[1]. При этом граждане должны не просто ощущать свое демократическое состояние, но и активно участвовать в реализации своих демократических прав и свобод (в рамках закона). Одновременно население демократических стран не должно проявлять ложного консерватизма и обязано стремиться к оптимизации государственного устройства.

Этот тезис Президента России созвучен со словам философа и социолога К.Поппера: «Проблема улучшения демократических институтов – это всегда проблема, стоящая перед личностями, а не перед институтами. Демократические институты не могут улучшаться сами по себе, их улучшение зависит от нас самих»[2].

Существуют две теоретические модели, представляющие демократию как различные варианты партийного соревнования[3].

Первая трактует демократию как межпартийное соревнование и опирается на шумпетерианскую концепцию. Согласно этой модели, основная роль партий в демократии – формирование группы лидеров для осуществления управления страной. Участие граждан сводится к выборам, на которых избиратели выбирают команду лидеров или просто способствуют отстранению правителей от власти.

Вторая рассматривает демократию как внутрипартийное участие и предполагает, что партии не просто соревную-

ГУДКОВ Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры «Политология» Финансового Университета при Правительстве РФ. E-mail: badkoff@mail.ru

Ключевые слова: выборы, политические партии, гражданское общество, однопартийная система, бипартизм, партийный плюрализм, переходные общества.

щиеся группы лидеров, но и демократические организации, расширяющие возможности граждан в плане политического участия. Члены партии и ее сторонники могут определять содержание предвыборных программ.

Представительная демократия предполагает сочетание логики обеих моделей при преобладании последней.

Гражданское общество имеет несколько измерений.

Во-первых, оно выступает как совокупность негосударственных общественных отношений и институтов, которые разрушают монополию государства на власть и уравновешивают государственную власть с властью негосударственных организаций и институтов. Таким образом, гражданское общество гарантирует защиту от государственного произвола и диктатуры.

Во-вторых, гражданское общество – это сфера реализации многообразия интересов отдельных индивидов и социальных групп. Отдельные личности и группы лиц через институты гражданского общества (партии, ассоциации и многие другие) имеют возможность выражать свои интересы помимо государственных институтов.

Взаимоотношения органов государственной власти с институтами гражданского общества имеют двухсторонний характер. С одной стороны, отношения в гражданском обществе подвергаются регуляции со стороны государства, а с другой – гражданское общество само воздействует на государство через свои политические институты (политические партии и общественно-политические организации).

Государство не может и не в состоянии напрямую учредить, декретировать, установить желательный для него образ гражданского общества. В этом смысле гражданское общество – объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений, который основан на признанных самим обществом требованиях справедливости и меры достигнутой свободы. Однако данный порядок формируется в пределах тех границ свободы, которые устанавливает государство в своих правовых нормах и прежде всего в конституционных институтах, закрепляющих основы политического, экономического и социального строя, прав человека и гражданина, деятельности государственных структур.

Взаимодействие социальных общностей между собой, а также с политической властью осуществляется в системе политического представительства, через которую граждане вовлекаются в процесс принятия политических решений[4].

Проблемы дальнейшего развития гражданского общества связаны с решением целого ряда задач. Важнейшей из них является задача более полного наполнения демократическим содержанием сложившейся политической системы, в немалой степени связанного с повышением роли политических партий в жизни общества и государства, развитием политического и социального многообразия.

В этом контексте весьма показательной является зависимость развития гражданской инициативы и гражданского общества от той или иной партийной системы.

Политические партии являются институтами, представляющими в политической системе общества те или иные интересы групп и социальных слоев. Основной функцией партий является защита интересов гражданского общества.

В идеале классическая политическая партия стремится к завоеванию или же участию во власти именно для реализации интересов соответствующих слоев общества, то есть власть для них является не самоцелью. Таким образом,

именно целеполагание делает политические партии структурами гражданского общества.

Применительно к однопартийной системе (и ее разновидностям) говорить о гражданском обществе не приходится. В условиях тоталитарного или жесткого авторитарного господства политическая система выстраивается четко по иерархическому принципу, в ней может существовать лишь один центр политического влияния, а граждане выполняют роль исполнителей решений вышестоящего руководства. Соответственно, гражданское общество либо в принципе отсутствует, либо имитируется, либо переходит на латентный уровень (вроде создания подпольного или полуподпольного диссидентского гражданского общества). Соответственно, однопартийная система также имитирует существование гражданской инициативы, а представители направляющей и руководящей силы серьезно ограничены в своей самостоятельности и зачастую осуществляют партийную работу не на добровольной, а на принудительной или корыстной основе.

Если брать отечественную практику советского периода, то мы видим, что в различные периоды истории СССР гражданская политическая инициатива не столько развивалась через партийную активность, сколько контролировалась и ограничивалась ею, поскольку власть не была заинтересована в несанкционированной активности граждан, способной подорвать монологизм тоталитарного режима. Поэтому даже гражданский энтузиазм строительства социализма 30-х – 40-х годов регламентировался, а все отклонения от нормы считались либо перегибами, либо целенаправленной подрывной деятельностью, направленной на дискредитацию партии и правительства.

Если брать так называемый период застоя, то в это время гражданская инициатива зачастую вообще стала формализоваться: для власти уже была необходима не столько реализация проектов, сколько имитация деятельности по их исполнению.

Такая же формализация касалась и партийной деятельности граждан. Помимо того что КПСС окончательно стала «корпоративной» структурой, ориентированной прежде всего на обслуживание интересов правящей элиты, она еще и во многом «дискредитировала» себя, гася инициативу и идеологическую искренность своих представителей.

Кризис коммунистической идеологии в совокупности с абсолютизацией номенклатурного принципа формирования и деятельности власти привел к тому, что членство в КПСС для большинства коммунистов того времени стало банальной возможностью сделать карьеру, повысить свой социальный статус, обеспечить приличный уровень материального благосостояния. Однако в таких условиях абсолютно терялась коммуникация и взаимопонимание между обществом и правящей партией, а значит, между обществом и властью в целом.

В условиях двухпартийной (двух с половиной партийной) модели право граждан на проявление политической инициативы ограничивается лишь их прагматическими устремлениями.

С учетом того что данные партсистемы существуют в основном в государствах англосаксонских, где симпатии граждан достаточно четко оформлены и имеют долгосрочный характер, дифференциация политической жизни не столь высока, а непосредственная (прямая) активность граждан преимущественно исчерпывается муниципальным уровнем.

Поэтому доминирующая роль основных партий воспринимается здесь насе-

лением не как ограничение его прав и свобод (тем более что при желании граждане всегда могут воспользоваться «услугами» альтернативных политических партий и организаций, которые обладают теми же юридическими возможностями, что и «базовые»), а как результат национального политического консенсуса. То есть в таких системах весьма высоким является доверие граждан к своим партийным представителям (к так называемой партийной элите, которая нередко являет собой часть правящего истеблишмента), а политическая инициатива населения – в определенной степени «спящей», поскольку граждан вполне устраивает эффективность и интенсивность защиты их интересов ведущими партийными структурами.

В то же время нужно отметить тот факт, что в условиях постепенной «элитаризации» и даже где-то «олигархизации» политического процесса в англосаксонских странах (особенно в США) возрастает опасность реализации проекта «манипулятивной демократии», предполагающей отстранение общества от определения приоритетов государственной политики и процесса принятия стратегических политических решений. При этом такое выхолащивание роли гражданского общества может осуществляться подспудно и косвенно; в частности, при помощи информационного и финансового ресурса власть может навязывать населению свое видение актуальной повестки дня, гасить невыгодную для себя активность снизу, формировать гражданскую позицию, вплоть до закрепления в общественном мнении тех или иных электоральных установок.

В этой связи нельзя не согласиться с современным исследователем И.И.Жуковским, который полагает, что «порой партии позволяют с помощью формально современных форм закреплять существующие несовременные и недемократические практики, способствуют не развитию конкуренции групповых интересов и политических альтернатив, а закреплению господствующего положения одной из групп»[5].

При мультипартизме абсолютное большинство мест у одной партии является исключением, необходимы коалиции, поддерживающие разнородные и нестабильные правительства.

В этой ситуации и власть, и ведущие политические партии в большей степени, чем при бипартизме, являются зависимыми от мнения и даже «капризов» граждан. То есть и те и другие вынуждены действовать с оглядкой на мнение потенциальных избирателей и стремиться завоевать их доверие. Такая модель чаще всего характеризуется повышенной актив- ностью гражданского общества, его консолидированностью в отстаивании своих интересов, исключительной интенсивностью политической жизни.

Одновременно партийный плюрализм стимулирует сегментированность гражданского общества и идеологическое многообразие. Подобное взаимодействие гражданского общества и партийной системы в большой степени соответствует приоритетам и политической культуре стран континентальной Европы, которые изначально выстраивались на консенсусной основе (например Италия).

Тем не менее далеко не всегда система партийного плюрализма, стимулирующая развитие гражданской инициативы и гражданского участия, является оптимальной с точки зрения политического и социально-экономического развития страны, стабильности демократических практик и институтов. «Зашкаливающая» активность гражданского общества зачастую лишает государственное руководство инициативы. При решении тех или иных важных вопросов власть вынуждена проходить длительную процедуру согласований и консультаций с вовлеченными группами и соци-

альными слоями, а основные политические партии вынуждены «нагнетать страсти», чтобы продемонстрировать своему электорату активность и заботу о его нуждах. Более того, нередко энергичное гражданское общество не столько усиливает, сколько ослабляет процесс демократизации. Из дискуссий на эту тему, как правило, ускользает потенциальная опасность конвергенции широкого, чрезвычайно мобилизованного гражданского общества и плохо институционализированной политической системы с перегруженным правительством, вынужденным заботиться не только о консолидации демократии, но и о решении других неотложных и политически «тонких» проблем, таких как децентрализация государства и либерализация экономики. В результате появляется гремучая смесь, которая может взорвать политическую ситуацию и привести к политической нестабильности, к социальному недовольству и, в самом худшем варианте, к демократическому сбою.

Опасность «широкой демократизации» подстерегает страны так называемого «демократического транзита». Причем подобные риски были отмечены представителями политической науки еще в 60-х годах.

Так, например, один из главных теоретиков «консервативной модернизации» Сэмюэл Хантингтон, выражал опасения по поводу того, смогут ли развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки безболезненно совладать с тем типом высоко организованного и мобилизованного населения, которое создается энергичными гражданскими обществами. Особенно это касается тех случаев, когда распространение политики обеспечения потребностей групп интересов опережает способность государства реагировать на социальные требования граждан.

Интересным является исследование причин падения Веймарской республики, осуществленное Шери Берманом из Принстонского университета, которое свидетельствует о том, что в межвоенный период увлечение Германии ассоциациями гражданского общества способствовало разрушению республики и облегчению прихода к власти Гитлера, поскольку многие из этих организаций стали социальной базой для подготовки нацистских кадров.

Берман приходит к заключению, что, «будь немецкое гражданское общество слабее, нацизм никогда не смог бы привлечь на свою сторону столь многих граждан или так быстро ослабить своих противников»[6].

Применительно к современным стра- нам третьего мира подобных примеров дестабилизации можно привести множество, причем именно к тем периодам, когда в них предпринимались попытки утвердить систему партийного плюрализма.

В частности, активизация и «расширение» гражданского общества стали серьезной проблемой для Бразилии. Хотя население этой страны сформировало целую сеть общественных институтов (профсоюзы, церковные общины и др.), но оно не создало жизнеспособную партийную систему. В результате сегодняшняя Бразилия имеет самую крупную и сильную сеть организаций гражданского общества в Латинской Америке и одну из слабейших в регионе, наиболее фрагментированную и наименее институционализированную партийную систему.

Таким образом, рост гражданского общества в Бразилии происходил за счет политической организованности и в итоге распылил политический потенциал общества.

Российская практика мультипартийности в условиях демократического транзита также оказалась не слишком

удачной. В 90-е годы в стране господствовал формат партийного плюрализма, порожденный, с одной стороны, неустойчивостью власти и ожесточенной политической борьбой переходного периода, а с другой – упрощенной процедурой создания партийных структур в соответствии с Законом об общественных объединениях, принятым еще во времена перестройки.

Все это привело к фактической неуправляемости партийного поля, к «войне всех против всех», к резким взлетам и падениям тех или иных акторов.

Такой партийно-политический хаос едва не привел к гражданской войне в 1992–1993 гг., когда политическое противостояние между сторонниками курса Б.Н.Ельцина и оппозиционными партиями, объединившимися в широкую коалицию Фронт национального спасения, вылилось в вооруженные столкновения в Москве (сентябрь-октябрь 1993 г.).

Однако даже после силовой победы пропрезидентских сил над оппонентами и создания первых «партий власти» («Выбор России», «Наш дом – Россия») господствовавший тогда партийный плюрализм регулярно угрожал самому существованию постсоветской российской государственности. С одной стороны, в условиях непопулярности правящего режима и тотального ослабления его поддержки обществом стали возможны неконституционные сценарии смены власти.

Так, например, в 1997–1998 гг. в Российской Федерации подобную активность, практически не скрывая своей ориентации на проведение военного переворота, проявляло Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки (ДПА) под руководством генерала Л.Я.Рохлина.

С другой стороны, в 1999–2000 гг. возникла фронда уже внутри самой власти, объединившаяся в рамках предвыборного движения «Отечество – вся Россия».

Приход к власти В.В.Путина и создание новой политической реальности в начале 2000-х годов привели к коренному реформированию как собственно партий, так и партийной системы в целом. Реконструкция субъектности российской государственности и политика стабилизации потребовали совершенно иной конфигурации партийного поля.

Первым шагом на пути к выработке новых принципов существования политпартий в России XXI в. стало изменение законодательства.

Так, 11 июля 2001 г. принимается ФЗ «О политических партиях», заменивший собой гораздо более либеральный Закон «Об общественных объединениях» от 9 октября 1990 г.

Новый закон более четко регламентировал статус политических партий, внутрипартийную жизнь и участие партий в электоральных кампаниях.

Фактически с этого момента прекращается «вольница» в деятельности партий, и они встраиваются в качестве структурного элемента в новую политическую систему. Такой относительно легкой унификации партийного пространства во многом способствовало изменение идеологических и мировоззренческих приоритетов населения страны.

Общественный «запрос на стабильность» приводит к тому, что радикалы и непримиримые оппозиционеры теряют социальную базу и превращаются в маргиналов, а наиболее устойчивые и системные партийные структуры «переквалифицируются» из «непримиримых» и «несогласных» в «оппозицию Его Величества», предпочитая сотрудничать и взаимодействовать с властью (прежде всего с «Единой Россией») в деле строительства новой государственности.

Таким образом, существующая ныне система малопартийности является соответствующей как реалиям развития России начала XXI столетия, так и поли-

тическим предпочтениям большинства населения.

При этом в данной системе речь не идет о диктатуре одной партии, как это иногда пытаются представить эксперты из либерального или ультракоммунистического лагеря.

Малопартийность есть отражение стабильности и зрелости российского общества, которое, не покушаясь на демократические принципы партийного многообразия, тем не менее, отдает приоритет наиболее дееспособным и эффективным политическим силам. Даже высокий процент голосов, полученный «Единой Россией» в последних федеральных и региональных избирательных кампаниях, стоит объяснять скорее консолидированным выбором народа и проявлением «разумной демократии» и «умной политики», нежели влиянием «административного ресурса», который в принципе не всесилен. Кстати, малопартийность предполагает и возможность смены лидера, и ротацию участников данной системы, что, безусловно, соответствует современным демократическим нормативам.

Более того, возврат к «тотальной многопартийности» образца 90-х годов (к чему регулярно призывают представители несистемной оппозиции) это шаг назад в развитии партийной системы чтраны, поскольку партийный плюрализм – феномен именно XX столетия с его охлократическими тенденциями, идеократией и политической прямолинейностью.

Обсуждаемый в элитных кругах переход к двухпартийной системе в России вряд ли возможен. Первые попытки создать партийную систему по образцу США и Великобритании предпринимались по инициативе власти еще в 1995 г. Причиной этому стал рост популярности левопатриотической оппозиции (прежде всего КПРФ). Поэтому для раскола «прокоммунистического» электората помимо основного, «правоцентристского» провластного электорального проекта – движения «Наш дом – Россия», был создан «побочный», «левоцентристский» Блок Ивана Рыбкина (БИР) во главе с экс-оппозиционером, тогдашним председателем Госдумы, перешедшим на сторону команды Ельцина в 1994 г. Однако данная попытка оказалась безуспешной. Слишком очевидным был искусственный характер создания БИР, а провластный электорат на тот момент был уже немногочисленным.

В итоге, в Государственную думу в 1995 г. прошел только НДР со скромным результатом в 10% голосов что же касается «левоцентристов», то они не только не смогли преодолеть 5% барьер, но даже не смогли оттянуть значительное число голосов у КПРФ Г.А.Зюганова (БИР получил всего 1,1%)[7].

Тем не менее идея реализации в стране проекта бипартизма продолжала существовать и новая попытка была предпринята в 1999 г., когда наряду с «правоцентристским» межрегиональным движением «Единство», в Государственную думу баллотировалось движение «Отечество – вся Россия», которое его лидеры Е.М.Примаков и Ю.М.Лужков позиционировали как «левоцентристское».

Несмотря на относительно высокие результаты (почти 13,5%), ОВР опять же не смогло стать значимой альтернативой коммунистам, которые формально выиграли выборы по партспискам, получив 24,3% голосов избирателей.

Более того, федеральная власть, окрепшая с появлением на посту Президента страны В.В.Путина, уже была заинтересована не столько в диверсификации, сколько в консолидации партийно-политического пространства страны. В итоге «левоцентристский» проект во второй раз был свернут, а «Единство» и ОВР, объединившись, создали новую «партию власти» – «Единую Россию».

Следующей, и пока последней, попыткой создать «левоцентристскую» альтернативу КПРФ стало появление партии «Справедливая Россия» под руководством ныне уже бывшего главы Совета Федерации С.М.Миронова. Основной проблемой при реализации проекта стало его «политтехнологическое» создание сверху без органичной поддержки гражданскимо обществом. Хотя следует отметить, что запрос на обновление левого партийного фланга у электората ощущался, поскольку КПРФ из-за длительности пребывания в «большой политике и безрезультативности своего оппонирования власти испытывала влияние фактора «морального износа». Это подтвердили довольно высокие результаты партии «Справедливая Россия» как на федеральных, так и на региональных выборах.

В частности, на выборах в Госдуму 2007 г. партия С.М.Миронова получила около 8% голосов (свыше 5 млн избирателей), в то время как КПРФ обогнала ее не столь кардинально – 11,5% (8 млн избирателей). И в дальнейшем конкуренция между коммунистами и «эсерами» была довольно острой, что проявлялось на региональных выборах (табл.).

Таблица

Данные Единого дня голосования 13 марта 2011 г.[8]

% поданых голосов

Регион	Барьер	«ЕР»	ПРФ	ЛДПР	«СР»
Республики					
Адыгея	7	58	18,8	10,45	9,5
Дагестан	5	66,3	7,7	0,05	13,1
Коми	7	50,5	16,1	14,8	12,6
Области					
Калининградская	7	40,8	21,4	12,6	10,1
Кировская	7	36,7	22,35	17,1	21
Курская	7	44,75	21,5	12,3	14,75
Нижегородская	7	43	28,8	12,8	12,7
Оренбургская	7	41,5	21,4	15,7	17
Тамбовская	7	65,1	18,2	7,3	5,75
Тверская	7	39,8	24,65	11	21,3
Автономные области					
Ханты-Мансийский	7	44,1	13,4	23,6	13,9
Чукотский	7	71,2	4,8	11,9	7,5

Как показала практика, «эсеры» не только перехватывали часть «левых» избирателей, но и отбирали голоса у «Единой России». Более того, с 2008 г. лидеры «справороссов» неоднократно пытались играть против «партии власти» и на аппаратном поле.

В 2008–2009 гг. они предпринимали активные попытки стать «базовой» структурой для Прези-

дента страны Д.А.Медведева[9], но глава государства все же предпочел ориентироваться на «Единую Россию».

И тут сказалось то, что партия «эсеров» создавалась не снизу, а по инициативе власти, причем ее лидеры были встроены в состав правящей элиты.

Поэтому накануне выборов в Государственную думу шестого созыва, судя по всему, было принято решение «свернуть» данный «левоцентристский» проект, что нашло свое отражение в смещении С.М.Миронова с поста спикера Совета Федерации и жестком административном прессинге в отношении «Справедливой России». В итоге на левом фланге опять «в одиночестве» остается КПРФ, а идея введения в стране двухпартийности откладывается на неопределенный срок. Хотя в целом такое развитие событий до сих пор представляется вполне рациональным значительной части отечественной элиты, которая видит в данной модели возможность минимизировать «охлократическую» составляющую «большой политики»[10]. Но, судя по всему, бипартизм вряд ли утвердится в России. Этому есть ряд причин.

Во-первых, в стране отсутствует консенсус по поводу базовых ценностей, национальных интересов и стратегического курса, а только в этом случае возможен вариант с введением компромиссной двухпартийной модели.

Во-вторых, идеологически наше общество сейчас гораздо более многообразно и диверсифицировано, чтобы принять упрощенную бипартийную схему. В случае же ее введения волевым решением сверху, значительная часть электората не найдет в ней места для своих политических симпатий и либо откажется от участия в выборах, либо примкнет к радикальным оппозиционным политическим организациям.

В-третьих, несмотря на прогнозы о том, что базовый электорат КПРФ Г.А.Зюганова сократится до минимума «естественным путем», выборы последних лет показывают, что происходит пополнение рядов коммунистов, а также существует традиция голосования за них по принципу «наследования». Это также препятствует созданию «левоцентристской» альтернативы.

Примечания

1 *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 137.

2 *Muller W.C., Strom K.* Conclusions: Party Behavior and Democratic Representation // Policy, Office, or Votes? How Political Parties in Western Europe Make Hard Choices // Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 303–304.

3 *Ананьева М.К.* Многопартийность в становлении и развитии гражданского общества современной России. М., 2009. С. 15.

4 *Жуковский И.И.* Становление партийной системы Республики Польша в 1989–2008 гг. М., 2009. С. 4.

5 *Павленко В.* Двухпартийная система: настоящее и будущее // Обозреватель-Observer. 1997. № 9(92).

6 *Симонов К.* Шанс на двухпартийность // Ведомости. 2011. 26 апреля.

7 http://www.golos.org/a4474.html

8 http://www.rb.ru/inform/123497.html

9 http://kremlin.ru/news/10163

10 www.russ.ru/politics/meta/20010222-tok.html

Информационная война в России: горькие плоды западничества

ДЕНЬГА ХАЛИДОВ

Предисловие

Об информационной войне с Россией, а в прошлом и с СССР, говорят и пишут часто, пытаются найти противоядие. Общим местом в рассуждениях на эту тему стал тезис о ключевой роли информационно-психологической войны в демонтаже СССР[1].

Теперь все чаще говорят об информационном терроре, или о войне на поражение массового сознания («консциентальная война», термин Юрия Громыко), направленной на полный слом культурного «кода» страны и цивилизационную перевербовку[2]. С ядерной бомбой, но только с нелетальным исходом, сравнил СМИ один из участников круглого стола на тему: «Информационная война против России: кто агрессор, что разрушено, как защищаться?»[3], который состоялся в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (ЦПАиГУП).

Но вот на какие вопросы хотелось бы обратить внимание.

Кто главный заказчик этой войны, каковы его стратегические цели и ценности?

В каком соотношении находятся объекты этой войны, методы и технологии?

Как противостоять этой войне и кто наши союзники в этом противостоянии?

Именно с этих позиций и будем анализировать деятельность отечественных масс-медиа.

ХАЛИДОВ Деньга Шахрутдинович – доктор политологии, кандидат философских наук, вице-президент Академии геополитических проблем, руководитель Центра стратегических исследований проблем этнополитики и ислама. E-mail: dhalid@mail.ru

Ключевые слова: культурная интервенция, западничество, D-маркетинг, медиакратия, национальная безопасность свобода слова.

Масс-медиа: упоение «свободой», или геополитическая ловушка

На Западе, главным образом в США, накоплен богатый опыт ведения информационных войн, в том числе и с собственным населением. Не надо этому удивляться, ибо медиакратия – это органичное продолжение глобальной олигархии. А у глобалистов (или мондиалистов) цели и задачи не сильно варьируются в зависимости от страны.

Достаточно ознакомиться со знаменитой «Смерть Запада» Патрика Ф.Бьюкенина, экс-советника президентов Никсона и Рейгана, чтобы убедиться в следующем: на 80% антиглобалистская аргументация американского патриота совпадает с доводами российских национал-патриотов[4].

В аналогичном ключе, но уже с позиций итальянской (левопатриотической) демократии пишет и известный журналист, депутат Европарламента Джульетто Кьезо[5].

В его работе звучит та же озабоченность засильем медиакратии и проводимой ею разрушительной работой; неподдельная тревога за судьбу детей и молодежи, души которых калечатся ежедневными программами передач медиаимперии С.Берлускони.

Интересное наблюдение сделал Дж.Кьезо: технологии манипуляции, прошедшие обкатку в США, различные медийные проекты и методы работы с массами, начинают внедряться в Италии через 10–15 лет. Примерно столько же времени, или даже меньше, требуется, чтобы американские медийные «шедевры» дошли и до России.

Да, безусловно, Запад наработал колоссальный опыт по оболваниванию и понижению интеллектуального и нравственного уровня потребителей информации. Накопленный на Западе опыт внедрения и легитимации принципов «свободы слова» помогает понять природу информвойны и поведение неолиберальных масс-медиа в России. У глобальных хозяев дискурса (термин израильского публициста и общественного деятеля Исраэля Шамира) свое мощное ответвление в России, которое Александр Панарин очень метко назвал агентурой глобализации. Их легко можно вычислить по выступлениям и комментариям на злобу дня, по целому ряду программ и ток-шоу, проведя контент-анализ их деятельности в СМИ и государственных структурах, в образовании, здравоохранении и т.д. Но мы не станем анализировать всю палитру их – агентуры глобализации или «5-й колонны» – деятельности.

Интересующимся можно порекомендовать монографию А.Панарина «Агентура глобализации».

Остановимся только на масс-медийной и экспертной его составляющей в России.

Краткое культурно-историческое отступление

Пища духовная (поиск смысла жизни и правды) всегда имела в России большое значение для человека и общества. Здесь мечта и образ будущего страны, ее места в мире всегда мобилизовывали авангард народа на подвиг и созидание.

На каких ценностях воспиты- вается сегодня наша молодежь, каково содержание культов, впитываемых с детских лет в нашем родном Отечестве, делают ли они осмысленной жизнь людей или же обессмысливают ее? Какой же духовной пищей потчуют наше общество оте-

чественные масс-медиа, искусство и культура?

И здесь, с сожалением, приходится отмечать, что пища эта насквозь отравлена. Яд, который несет в себе целый ряд программ и проектов на отечественном ТВ, в периодике и литературе, поражает сознание народа.

Негативное программирование сознания молодежи, очевидное в масс-медийной политике, лишает наши народы и страну будущего. Ситуация слишком серьезная, чтобы можно было ограничиться ссылками только на коммерческие интересы шоу- и реклам-бизнеса, медианачальство. Ибо то, что фиксируется исследователями к настоящему времени в сфере масс-медиа, искусства и культуры на Западе и в России представляет собой идеологию, которая укладывается в формулу: «ЗР + Д»: *Разрушения, Растления, Разложения и Дебилизации.*

Свобода слова: этапы разрушения

В той разрушительной и разлагающей антипросветительской работе СМИ можно выделить несколько этапов и логику трансформаций. В 90-е годы первая волна демократов в СМИ несла с собой определенный заряд позитивной энергии и созидания; возможно, они искренне верили в то, что полный политический разворот на Запад есть для нас благо неоспоримое. Но впоследствии логика развития страны и СМИ также требовала от них все большего отказа от тех ценностей и норм, с которыми они, собственно, и разрушали основы строя в Союзе.

Соответственно, в тот период можно было выделить две-три подгруппы, в деятельности которых в разной степени были представлены элементы информвойны против России и западные (главным образом американские) медийные технологии манипуляции.

В первой подгруппе были очевидны элементы искренности и социальной ответственности при минимуме манипулятивных установок и влияния западных рецептов.

Неприятие откровенной лжи, установка на минимум административной цензуры – таковы были, очевидно, мотивы этой плеяды отечественных журналистов. Конфликт этой группы и соответствующей практики с отечественной медиакратией, тесно связанной с властями, был неизбежен. Что и отразилось на их личной судьбе и судьбе их программ в начале 2000-х годов.

Во *второй подгруппе* отчетливо проявлялись установки на манипуляцию и смену культурного «кода» России в неолиберальном ключе; попытки «модернизировать» сознание россиян по рецептам американской теории и практики манипуляций.

Различного рода ток-шоу и программы в неявной (развлекательной) форме несли в себе функцию слома культурных образцов и привычных социальных норм российского общества. Хотя груз прошлого, в хорошем смысле этого слова, не позволял авторам этих программ опускаться до неподобающего уровня. Остатки социальной и моральной ответственности еще давали о себе знать.

Другие программы были заняты перепиской истории и демонизацией советского прошлого и Коммунистической партии, русской истории и культуры.

Третья подгруппа – это уже откровенные дельцы и циники на масс-медийном фронте: различные маги и колдуны, специалисты оккультных наук и экстрасенсорики, гипноза и астрологии, заполнявшие львиную и лучшую часть эфирного времени на отечественном ТВ. К этому же классу манипуляторов можно отнести и сатириков, подвизавшихся на обливании грязью российского

прошлого; деятелей шоу-бизнеса и авторов ток-шоу, работавших на разрушение артельных (солидарных) основ жизни русского общества, формирующих эгоцентрические и аморальные установки. Здесь уже чувствовался богатый опыт, накопленный на Западе, по части манипуляции сознанием людей.

Деятели последних двух групп отечественного масс-медийного сообщества вписывали Россию в «цивилизованный» мир Запада, но как «нерадивого ученика», вынужденного вновь открывать «окно в Европу». Дискурс на политическую и любую другую тему, почти всегда завершался нейролингвистической мантрой: «Россия – часть Европы и она непременно должна вернуться в семью цивилизованных народов».

С 2000-х годов первую группу талантливых и ответственных журналистов сменили безликие функционеры от масс-медиа, а вторая и третья подгруппы получили простор для разрушительного «творчества». Новые требования и новые предельно отвязные нормы стали играть решающую роль в политике неолиберальной и, по сути, антидемократической медиакратии. Ложь и цинизм – отличительная черта этой постперестроечной, постдемократической когорты информационных террористов. Именно благодаря им появляется все больше передач откровенно пошлого и безвкусного характера; все больше пиара вокруг наркотиков и секса, похоти и греха. Все больше на экране обывательского дебилизма, самодовольного и откровенно хамского. Все более агрессивно утверждаются и внедряются в общество антинорма и антиценности. Безвкусица и антинорма возводятся в ранг моды и транслируются с уверенностью в своей правоте.

Война с собственным народом

Медиакратия и субъект этого действа, который ежедневно присутствует на наших экранах, одновременно является и объектом внешнего, косвенного воздействия, ибо основные векторы и оценки тех или иных событий в концептуальном и сюжетном плане определяются за пределами информационных штабов России.

Вопросы содержания и смысла масс-медийной продукции находятся вне сферы общественного контроля, хотя это чрезвычайно важная сфера. Государственные мужи, как правило, остерегаются навлечь гнев медиакратии: ситуация абсурдная, напоминающая перевернутую пирамиду, вершину которой составляют медиабоссы и ведущие журналисты. Люди, никем не избранные, имеют колоссальное влияние на сознание и ситуацию в обществе, а люди олицетворяющие власть и обязанные ограждить общество от разрушительного влияния масс-медиа, не смеют перечить сильным мира сего в сфере масс-медиа.

Соответственно, эта ниша заполняется продукцией, медленно, но верно подтачивающей национальную безопасность страны в полном соответствии с идеями мондиалистов – «сброса» наций-государств в «объятия» мировой империи Золотого тельца. Имена людей, которые определяют стратегию медиаполитики, широкой публике абсолютно ничего не говорят, и как «инструмент» внешних сил наше информационное «начальство» вполне органично вписано в глобальный сценарий. Именно большая ложь и создает ежедневный информационный фон, а альтернативное мнение, будь оно хоть трижды верно, просто тонет в море лжи.

В рамках теории и практики новой геополитики, соответствующей инфор-

матизированному обществу, вовсе не обязательно добиваться уничтожения (расчленения) государства или физического присутствия и военно-политического контроля над его территорией. Достаточно контролировать правящую элиту, сознание общества и финансовую политику государства. Это не «старый» неоколониализм, а **постнеоколониализм** эпохи агрессивной глобализации и ускоренного движения к мировому правительству. И здесь медийные методы и технологии манипуляции имеют решающее значение.

Именно об этом говорил известный идеолог мондиализма, экс-советник президента Франции Фр.Миттерана Жак Аттали (1992 г.), рассуждая о перспективах человечества в XXI в.

Подробный анализ всей палитры методов и «технологий» манипуляции в российских СМИ (90-х годов XX в.) приведен в обширной монографии Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием».

Нет смысла повторять их, заметим только следующее. Все 90-е годы прошлого века продолжался процесс американизации масс-медиа в технологическом и методологическом отношении, завоевания все большего сегмента информационно-культурного фронта голливудской продукцией.

К началу 2000-х годов уже около 60–70% рынка киноиндустрии было заполнено нравственно разлагающей и развращающей продукцией из-за океана, чуждой российскому менталитету. Так же обстояло дело и на рынке видеопродукции и компьютерных игр, согласно исследованиям отечественных ученых Т.Шиловой и И.Медведевой[6].

С другой стороны, именно в 90-е годы постепенно в информационное пространство вбрасываются темы полового просвещения и специальной (ювенальной) юстиции для детей, планирования семьи и толерантного отношения, тотального плюрализма (относительности истины и отрицание абсолютных ценностей) и прав человека и т.д. Все это из арсенала цивилизационной перевербовки и смены идентичности в стране: все в России должно быть как в «развитом» (западном) мире»(!).

СМИ и межнациональные отношения

В 90-е годы неолиберальные масс-медиа славно потрудились на ниве управления и провоцирования межэтнических конфликтов, играя на иррациональных мотивах, сначала демонизируя чеченцев и вообще российских кавказцев. Тема «этнических преступных сообществ» стала центральной с подачи Е.Севастьянова, экс-руководителя ФСК Москвы и Московской области в начале 90-х годов. Затем, после начала Первой чеченской кампании, демонизировали уже федералов и, в неявной форме, героизировали сепаратистов за счет пиарной возгонки некоторых фигур. Таким образом, социальный протест канализировался в безопасное для нового «класса» хозяев страны русло. Опора на хорошо показавший себя на Западе метод управляемых конфликтов(и кризисов) была здесь очевидна.

С 2000-х годов этнический маркер уступил место религиозному, а демонизация ислама приобрела уже масштабы, сопоставимые с антинацистской пропагандой в прошлом. Безусловно, здесь очевидна связь с трансформацией идеологической базы мятежвойны на Северном Кавказе, а также с гигантской провокацией в Нью-Йорке (11 сентября 2001 г.).

Тема международного терроризма стала доминирующей как в отечественном, так и в западном информационном пространстве. Здесь ложь была густо замешана на полуправде и намеках, на непроверенных фактах, а негативный образ ислама выполнял роль нового инструмента консолидации российского

общества. Периодически разогреваемые страсти в масс-медиа вокруг строительства мечети в Москве – из этого же разряда. И это притом, что в Москве всего 4 мечети (для сравнения: в Париже и Лондоне их более 50), притом, что Россия – единственная родина для более чем 15% мусульманского населения.

Тем не менее этническая и мигрантская тема с кавказской «окраской» все еще остается для «агентуры глобализации» в масс-медиа одним из инструментов канализации русского протеста в ложное русло.

Протест направлен против следствий, а не основной причины. События на Манежной площади в Москве (11 декабря 2010 г.) – наглядное тому свидетельство. Здесь также очевиден заказ компрадорского крупного капитала.

Внешнее управление?

Можно задаться вопросом: управляли ли в прошлом и в настоящее время из-за рубежа(США, Великобритании) нашими отечественными масс-медиа?

Ведь слишком схожи используемые методы и технологии, обсуждаемые темы и пр.

Вряд ли мы вправе говорить о явном, структурно связанном управлении. Но косвенное управление как результат единства ценностей и целей, разделяемых немалой частью отечественной медиакратии и их западных единомышленников, очевидно. Соответственно, и технологии, и методы манипуляций (апробированные на Западе), наиболее обсуждаемые повестки дня творчески осваивались в родном Отечестве, обслуживая как корпоративные интересы медиакратии, так и российской олигархии и части высшей бюрократии. А согласованная работа мировых (неолиберальных) СМИ, как правило, обеспечивается на заседаниях закрытых структур западного мира, прежде всего Международного института стратегических исследований (МИСИ) в Лондоне, Бильдербергского клуба и др.

В МИСИ, между прочем, входят более 200 медиабоссов и авторитетных аналитиков, главным образом, из англо-американских ТВ-компаний, известных изданий и информационных агентств, служб изучения общественного мнения и пр.

Когда синхронно по всему миру начинается информационная атака (на Иран и Ливию, Сирию и Северную Корею или Владимира Путина) и к этому хору подключается российское ответвление мировых «хозяев дискурса», можно не сомневаться: все идет по плану. Здесь попросту агентура глобализации на медийном фронте органично дополняла (и дополняет) компрадорскую олигархию в финансово-экономической сфере страны – и та, и другая с нетерпением ждут и приближают «похороны» России как державы и великой цивилизации.

Потому особенность использования западных технологий и методов в масс-медиа в России заключается в попытке ускорения социального времени; в стремлении сжать эволюцию медийных технологий, апробированных на Запада в течение 2-й половины XX в., до 10–20 лет. Отсюда поражающий западных экспертов и журналистов цинизм и чрезвычайное (даже по западным меркам) обилие жестокости и аморальности на отечественном ТВ и в печати; недопустимо низкий интеллектуальный уровень передач и отсутствие по-настоящему просветительских программ (попытка ускорения дебилизации).

Никого не должны вводить в заблуждение державно-величественный ассоциативный и образный ряд, апелляция к советским достижениям и ценностям. Все это не более чем легкая припарка

для травмированного политического сознания россиян, виртуальный фон, имеющий мало общего с реальностью.

Интеллектуальная элита страны бьет тревогу, но власть пока глуха к этим призывам. Она строго следует (неявному) контракту: «вы, медиакратия, не трогаете нас, а мы даем вам полную свободу творчества», которая трансформируется в информационный террор по заданным (на Западе) лекалам. Соответственно, мы получаем тот результат, который С.Сулакшин блестяще представил с данными, иллюстрирующими падение жизнеспособности страны, ее неспособность сохранить свою культурно-цивилизационную идентичность и способность к аутентичному развитию[7].

Культурная интервенция

Авторитетный исследователь масс-медийной жизни страны Н.Е.Малькова пишет: «Радиоэфир и телевизионное время, клипы, журнальная и газетная продукция, видеофильмы и аудиокассеты – все это создает мощный идеологический пресс…»[8].

Далее она продолжает: «При исследовании информации, по различным каналам поступающей на целевую аудиторию от 12 до 25 лет, обнаруживается железная закономерность: все каналы коммуникации поставляют для молодежи один и тот же набор из явно идеологически окрашенных тем:

1. Секс-пропаганда, включая и девиантный секс.
2. Молодежная мода.
3. Девиантность (отклоняющееся поведение) и преступление. Разрушение табу и общепринятых кодов поведения.
4. D-мифология. Экстремальность, безбашенность; скрытая пропаганда наркотиков под видом постижения мистики, <…> астрология, ужасы, пришельцы, НЛО.
5. Рок-звезды и рок-музыка.
6. Места развлечений.

Это идеология нарушения социальных норм, идеология выпадения из общества и преступления <…> Идеологическое и тематическое однообразие информации ТВ- и радиопередач, печати, видео и кинопродукции, компьютерных игр и т.д., направленной на аудиторию 12–25 лет, указывает на центральный источник координации, контроля и финансирования. Перед нами глобальный маркетинг <…> Эти темы являются составляющими маркетинга наркотиков не только в России, но и во всем мире <…>.

D-маркетинг стремительно расползается по всему миру <…> Проследите каналы коммуникаций, распространяющих эту моду и новые смыслы, и вы обнаружите общий центр. Корпорация D проникает в политическую жизнь любой страны мира, выстраивает искусственные общественные структуры, и с их помощью паразитирует на экономике и ресурсах.

Излюбленные лозунги западной демократии на деле защищают бихевиористский комплекс D-маркетинга (шесть тем), ведущий к культурной дезориентации, угрожающий существованию государства и безопасности личности. Запад порабощен разросшимся фашизоидным монстром, существующим благодаря постоянно воспроизводимой девиантности и разынтегрированности общества; наркотизирующим и устраняющим "лишних" сограждан <…>.

Культуринтервенция корпорации D, за минувшее десятилетие поразившая социальные структуры России, требует немедленного отражения».

Автор исследования приводит обширный список российских СМИ, включенных в разрушительный D-маркетинг.

К интересным выводам пришел в своем исследовании А.Минкин[9]. Множество ТВ- программ и проектов рассчитаны исключительно на невзыскательных, малообразованных и психологически зависимых (закомплексованных) людей, по реакции которых и определяются рейтинги. После ряда этапов отбора остается всего около 5%(!) включенных в опрос так называемых «экспертов,

которые и соглашаются на участие в проекте определения рейтингов ТВ-программ. Для этого контингента экспертов – социальных маргиналов сам факт включения в программу мониторинга ТВ является чуть ли не единственным способом общественной активности и выхода за пределы узкосемейного быта. В итоге каковы «эксперты», таково и качество программ.

А.Минкин еще приводит и шокирующие цифры динамики сексуальных преступлений в России: «В 26 раз выросло количество сексуальных преступлений против малолетних за последние шесть лет. Маньяки вылезли на экран в 2001 г. Сцены, которые тогда шокировали, теперь норма. Бешеный рост самой грязной и жестокой преступности произошел именно в те годы, которые гордо названы годами стабильности, экономического процветания, торжества государственности <...>».

Характерные признания, не оставляющие сомнений: в России с начала 2000-х годов ведется настоящая необъявленная война на поражение массового сознания людей (в особенности молодежи). Результат этой войны – многократный рост фактов педофилии и самоубийств, наркомании и абортов, асоциального поведения среди молодежи и разрушение института семьи.

Таким образом подвергается негативной «прополке» культурный «код» народов страны. Все, что еще недавно представляло собой ценность и олицетворяло общественный идеал, объявляется признаком ретроградства, отсталости и нецивилизованности. Окончательно добивает молодежь образовательная «реформа» с введением ЕГЭ, которая, по сути, отучает от логики и рационального мышления, способствует, в скрытой форме, дебилизации молодежи. Дело довершают всякого рода программы на ТВ с участием астрологов, пропаганда магии и оккультизма.

Мы вправе говорить о сознательной, деструктивной политике, которую проводит отечественная медиакратия и целая система из шоу- и реклам-бизнеса, контркультурной «элиты» и финансовых групп. Все это сообщество антисистемного свойства выступает как продолжение и органическое звено западной медиакратии.

Эфир, в целом виртуальное пространство и печатное слово конструируют наше будущее и картину мира. Нет другой политики или жизни, кроме медийной. Нет самого человека или факта, если их игнорирует масс-медиа. А между тем в Российском государстве отсутствует орган, который бы нес ответственность за состояние эфира как важнейшего социального блага. Известный социолог-исследователь сферы масс-медиа Д.Дандурия уверен, что «ТВ, может быть, слишком значимая сфера, чтобы исследователям позволили в ней копаться <...> это тотально необсуждаемая тема»[10].

На этом фоне телевизионные топ-менеджеры выдвигают насквозь лживые объяснительные модели, вроде таких как: «Телевизор – это обычный бытовой прибор» (директор НТВ Вл.Кулистиков), или: «Телевидение – это общественная столовая <...> Мы работаем в сфере обслуживания» (К.Эрнст).

Отечественное ТВ упорно не хочет связывать себя с пропагандой светлого, доброго, созидающего.

О связи идеологии корпорации-государства и масс-медиа

Масс-медийная политика в стране является логическим (естественным) продолжением идеологии государства как инструмента крупных корпораций, оперирующих терминами «рентабельное и нерентабельное население». В рамках модели «государства-корпорации» проблемы демографии или культурной идентичности, равно как и просвещения, уважения к традиционным

ценностям. В общем, реальная проблематика страны присутствует в медийном пространстве лишь эпизодически или как отражение очередной кампанейщины.

Такое состояние умов и информационной политики вполне отвечает логике функционирования крупного бизнеса в стране, его целям и ценностям и той органической вписанности этой логики в глобализационные (западноцентрические) сценарии, когда «нерентабельное население» должно уйти в небытие, а «рентабельное» должно состоять из миллионов «одномерных человеков», бездуховных и легко манипулируемых существ.

Сообщество таких «био» и социальных роботов должно составить общество из породы новых российских кочевников. Именно таков главный мейнстрим информационной и культурной политики в стране.

Поскольку социальная политика государства также вполне органично вписывается в эту модель, то получается, что государственные (и корпоративные) СМИ и финансово-экономический блок правительства работают в унисон: одни на ментальном уровне, другие – на зримо физическом. Именно поэтому масс-медийная политика в России оставляет отчетливое ощущение противоречивости и, в конечном счете, антирусскости. И, наконец, отечественные масс-медиа в таком контексте выступают как органичное звено глобальной медиакратии в России.

К вопросу что делать?

В рамках поставленной проблемы мы выделяем два рода задач:

– *первая* – защита и обеспечение минимально необходимого уровня национальной безопасности в сфере масс-медиа;

– *вторая* – своеобразная наступательная задача, в рамках которой информполитика подвергается серьезной ревизии.

Если первая задача не связана (непосредственно) с проблемой власти, то вторая безусловно связана. Вторую задачу вряд ли можно решить без политической модернизации, проще говоря, без национально-державно ориентированной власти.

1. *Защита общества от медиатеррора.* Рассмотрим пока первую задачу обеспечения минимально необходимого уровня национальной безопасности в сфере политического сознания и социокультуры.

Для начала необходимо разработать концепцию федеральных законов под условным названием «Национальная безопасность» и «свобода слова» или «Национальная безопасность в сфере социокультуры и масс-медиа». Лучше второй вариант.

На основе концепции уже можно предложить разработать конкретные законопроекты и проекты решения правительства России. Пока же юридическая практика, законы и Конституция страны не позволяют решать задачи обеспечения национальной безопасности в связи с деятельностью масс-медиа и информационной войной.

Кстати, в Венгрии с начала 2011 г., в действие вступает новый Закон «О СМИ», предполагающий достаточно серьезные ограничения на свободу разрушения и растления молодежи и детей.

Поскольку мы пришли к выводу, что все признаки информационной войны против России налицо, то нам необходимо найти некий инструмент к выявлению значимых признаков этой войны.

Для этого в социологии есть метод контент-анализа и смыслового анализа информационных блоков за определенный период времени, ког-

да информация анализируется с точки зрения частоты повторения определенного содержания и смысла. Можно и нужно проводить содержательный и смысловой анализ информационных блоков в течение определенного периода времени.

Мы очень быстро получим (в течение 3–6 месяцев) результаты, которые однозначно свидетельствуют, что ряд федеральных ТВ-каналов, а также целый ряд федеральных изданий работают на разрушение и растление молодежи, на понижение жизнеспособности страны. Разумеется, необходимо обеспечить сопряжение научных выводов подобного анализа с некими критериями оценки порогового (критического) уровня нацбезопасности, ее связи с социокультурными и политкультурными нормами, с состоянием общественного сознания и социальной патологии. Это отдельная научно-практическая задача, решаемая в принципиальном плане.

Для реализации вышеуказанных предложений в рамках задачи № 1 достаточно сформировать рабочую группу до 5–9 чел.(из лингвистов, социологов, юристов) в структуру Федерального агентства по печати и средствам массовой коммуникации (или в Совете Безопасности России) , которая бы систематически мониторила и проводила научно-практический анализ деятельности центральных СМИ, прежде всего ТВ-каналов.

Вообще, актуально на самом высоком уровне поставить вопрос об адекватности функционального наполнения Федерального агентства по печати и средствам массовой коммуникации и, соответственно, о новой концепции его работы.

2. *Государственная комиссия по вопросам эфира, федеральных СМИ и изучения зарубежного опыта.* Необходимо срочно создать такую комиссию. К примеру, во Франции с 1986 г. действует закон, на основании которого Высший аудиовизуальный совет страны контролирует содержание программ, способных нанести вред детям.

Французскому ТВ запрещено демонстрировать эротические или содержащие насилие сцены до 22.30 и их рекламу до этого же времени.

В Китае вышел указ о запрете «аудио- и видеопродукции, содержащей ужасы и насилие» (издан 14 февраля 2008 г.).

Для начала целесообразно хотя бы довести до логического конца идею Наблюдательного совета за передачами федеральных каналов ТВ. В Академии геополитических проблем имеются научные методы анализа и оценки информации, что позволяет организовать эффективный контроль в сфере масс-медиа без цензуры и покушения на конституционные нормы «свободы слова».

В сфере масс-медиа следует ограничить политику приватизации. Частные СМИ – основные проводники разрушительной информполитики.

Характер наступательных задач напрямую коррелирует со степенью сопротивления новациям. Некоторые самые актуальные меры перечислены ниже.

3. *Основной закон и СМИ.* Необходимо установить демократический контроль за сферой массовой коммуникации и ТВ. Деятельность СМИ должна регулироваться Конституцией страны. На все ТВ-каналы (государственные, частные и полугосударственные) должен распространяться общественный контроль. Коммерческие каналы должны периодически проходить процедуру контроля на этичность своих программ, ибо продукция, которую они предлагают, – это «товар», предназначенный для всех. Контроль должен распространяться также и на способы зарабатывания каналами, поэтому должна быть обеспечена открытость бухгалтерской отчетности.

3. *Контроль рекламы.* Необходимо поставить заслон лживой, мошеннической рекламе; ввести практику контроля за этичностью рекламы. Возможно, целесообразно выделить для рекламы

отдельный канал и запретить или резко (в разы) снизить частоту рекламы на государственных и полугосударственных каналах ТВ. Необходимо создать государственно-общественную комиссию по контролю за рекламой на федеральных каналах.

4. Контроль интернет-пространства. Если в Китае озаботились влиянием Интернета на умы и сердца детей и молодежи и ввели запрет на эротические и порно-сайты, то почему бы эту практику не вести и в России. Согласно мнению подавляющего большинства экспертов, это одна из самых актуальных проблем в России.

5. Кадровая политика на государственных ТВ-каналах. Это не менее важное направление в сфере масс-медиа в связи с проблемой национальной безопасности. Без такого вмешательства трудно будет произвести «национализацию» федеральных каналов ТВ, такую организацию их деятельности, которая бы отражала проблемы и жизнь народов страны во всем их многообразии. Неолиберальное (прозападное) лобби сделает все, чтобы не менять суть и стратегию вещания и печати.

6. Создание государственного научно-популярного ТВ-канала «Образование» (или «Просвещение») желательно на метровом диапазоне. Канал «Культура» не удовлетворяет в должной мере научно-познавательные запросы многих миллионов жителей страны.

Вместо заключения: геокультура России и неогеополитика

Призвание России как государства – носителя «старо»-новых смыслов и ценностей заключается в эффективном решении проблем, соответствующих глобальным вызовам и угрозам. Во всяком случае, к этому надо стремиться, чтобы остаться в истории и развиваться.

Но решение этой задачи в немалой степени зависит от второй (по значимости) власти. Ибо мы живем в период, когда четвертая власть давно уже превратилась во вторую. Эта власть почти тотальна и всепроникающа, тогда как реально избранная власть эпизодична, фрагментарна и зависима от медийного сообщества.

Здесь нужна более глубокая трансформация.

Речь не идет о возврате к временам цензуры, но смысловой и ценностный ряд государственных масс-медиа и близких к государству корпоративных СМИ должен соответствовать стратегии строительства национогосударства (государства–цивилизации) в России.

Разумеется, все должно быть профессионально и ненавязчиво, интересно. В равной мере сказанное относится и к культурной политике.

В перспективе России вполне по силам постановка на «индустриальную» основу производства альтернативной (англосаксонскому типу) культуры, системы образов и смыслов, которая непременно найдет широкий отклик как минимум в евразийском пространстве. Но пока надо хотя бы обозначить этот дрейф от основательно себя дискредитировавшего и разрушительного пиара в сторону созидательного, с опорой на науку и искусство, воздействия на тончайшие ментальные струны человека.

Именно здесь национальные символы, в том числе и религиозные, могут быть включены в новую (пропагандистскую) систему лишь в «снятом» виде, без раздражающей и отторгающей других форме, без этнонационализма. Новые «Катюши» и

«Подмосковные вечера», новые «Судьба человека» и «Журавли», а не жалкие копии с голливудского суррогата и другие носители культурного «сигнала» России на новом, поистине судьбоносном этапе истории должны превратит страну в плацдарм образцового решения проблемы смысла жизни на евразийских просторах.

Но для всего этого нужно освободиться от не самой почетной роли звена глобальной медиакратии. Это – необходимое условие перевода страны с режима инерционного (почти, деградационного) пути на рельсы подлинного развития.

Без такой глубокой трансформации медийной и культурной политики любая инициатива или проект развития будет подвергаться саботажу и дискредитации.

Примечания

[1] *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств 1945–1991. М.: Вече, 2004. С. 159–165, 287–290; *Обрежа В.В.* Применение Западом новейшего оружия массового уничтожения – причины гибели СССР и разрушения России. М.: АлМи, 2006. С. 62–188.

[2] *Громыко Ю.* Разрушение страновой идентичности и стоящих за ней ценностных матриц сознания – важнейшая проблема идеологии нашей страны // www.km.ru

[3] http://www.rusrand.ru/about/news/news_550.html

[4] *Бьюкинен П.Дж.* Смерть Запада. М.–СПб.: АСТ, 2003. С. 280–346.

[5] *Кьеза Дж.* Война империй. Восток-Запад. М.: Эксмо, 2006. С. 250–268.

[6] *Шилова Т., Медведева И.* Орден глобалистов: российская ложа. Тайны современной политики. М.: Алгоритм, 2006.

[7] *Сулакшин С.* Доклад на круглом столе в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (02.12.2010 г.) // URL: http://www.rusrand.ru/about/news/news_550.html

[8] *Малькова Н.Е.* Культуринтервенция. Ч. 1. Корпорация D (*drug*) и ее глобальный маркетинг // URL: www.netda.ru

[9] *Минкин А.* Под властью маньяков. О причинах и механизмах общественной деградации как в России, так и в других цивилизованных странах // МК. 2008. 21–25 апр.

[10] *Дондурей Д.* Российское телевидение: всего лишь бизнес? Интервью главного редактора журнала «Искусство кино», члена Совета по культуре и искусству при Президенте России.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su Тел.: (495) 959-22-53 E-mail: observer@nasled.ru

Проблемы безопасности в Европе

Взгляд Москвы и Мадрида

НАТАЛЬЯ АНИКЕЕВА

Политическое руководство Испании и России в конце XX – начале XXI в. большое внимание уделяло проблемам создания общеевропейской системы безопасности и сотрудничества в Европе.

В Испании отмечали, что в середине 90-х годов после окончания периода холодной войны стали все ощутимее проявляться собственные национальные интересы отдельных стран Запада. Если раньше перед лицом общей угрозы с Востока объединяющим фактором были наднациональные или коллективные интересы, то теперь национальный аспект все в большей степени дает о себе знать. Что касается вопроса строительства европейской системы безопасности, то в Мадриде полагали, что чрезвычайно важно найти адекватный баланс между этими интересами. Окончание холодной войны привело в Европе к парадоксальному на первый взгляд результату: ослабление угрозы глобального ядерного конфликта сопровождается ростом числа и интенсивности очагов нестабильности.

В Мадриде считали, что конец 90-х годов стал решающим в концептуальном оформлении общеевропейской системы безопасности и сотрудничества. Постепенная и позитивная трансформация НАТО и ЗЕС, наполнение конкретным содержанием ОБСЕ и ПРМ («Парт-

АНИКЕЕВА Наталья Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России. E-mail: anikeevan@yandex.ru

Ключевые слова: европейская безопасность, внешняя политика Мадрида и Москвы, НАТО.

нерство ради мира»), ликвидация конфликтных очагов и зон нестабильности, налаживание неконфронтационных партнерских отношений с Россией и другими странами СНГ – вот только некоторые, но чрезвычайно важные задачи, стоящие перед европейцами в создании основ системы безопасности и сотрудничества на континенте[1].

Развитие собственной политики безопасности и обороны в рамках ЕС рассматривалась в Испании в 2000-е годы в качестве ключевого направления интеграции, формирования политического союза и превращения Евросоюза в крупного авторитетного и дееспособного игрока на мировой арене.

Лиссабонский договор (2009 г.), несомненно, является существенным шагом вперед в развитии и структуризации политики ЕС в сфере безопасности и обороны, но в то же время оставляет за скобками большой перечень вопросов, ответы на многие из которых может дать лишь практика. Первое изменение, которое вносит Лиссабонский договор, терминологическое: Европейская политика и безопасности и обороны (ЕПБО) заменена Общей политикой безопасности и обороны (ОПБО)[2].

МИД Испании неоднократно подчеркивал необходимость усилий, направленных на укрепление безопасности в Европе с тем, чтобы Европейский континент был в состоянии выполнять стоящие перед ним серьезные задачи, а также выступать как единое целое на международной арене. Результатом этих усилий стало постепенное возникновение нового военного компонента ЕС, который в перспективе должен был усилить военную роль Европы в мире. Испания поддержала этот процесс и активно участвовала в его развитии.

Вопрос о формировании европейской оборонной идентичности приобрел важное значение еще в середине 90-х годов. После событий в Боснии и Герцеговине, а также в Косове, когда стало очевидно, что страны ЕС не способны управлять кризисными ситуациями, Испания наряду с другими европейскими государствами начала придавать большое значение идее создания сил быстрого реагирования Союза.

На саммите в Вене (11–12 декабря 1998 г.) Франция, Великобритания и Германия существенно продвинули идею формирования общей политики ЕС в этом направлении.

На встрече на высшем уровне в Кельне (10–11 мая 1999 г.) было принято решение о создании новых структур ЕС (Комитета по политике и безопасности, Военного комитета, Военного штаба и др.).

Участники Хельсинкского саммита (10–11 декабря 1999 г.) пошли еще дальше и решили создать к 2003 г. Силы быстрого развертывания (СБР) численностью 50–60 тыс. чел. с необходимыми командными, штабными, разведывательными структурами, транспортными системами, авиационными и морскими элементами.

На Лиссабонской встрече на высшем уровне (23–24 марта 2000 г.) были положительно оценены работы в этом направлении, которыми руководил испанец Х.Солана, возглавлявший Комитет по ОВПБ (Общей внешней политике и политике в области безопасности), и намечены пути их конкретизации (принято решение об образовании контингента еще из 120 тыс. военнослужащих). При этом Великобритания, Франция, Германия и Италия обязались выделить по 12 тыс. солдат и офицеров, а Испания – 6 тыс.

Испанские военнослужащие находились по решению ООН в Афганистане с мая 2002 г. для выполнения гуманитарной миссии – обеспечение безопасности при проведении парламентских выборов в этой стране[3].

Наступление 2003 г. ознаменовалось появлением новой общеевропейской реалии: на смену оперативной группе Международной полиции ООН в Боснии и Герцеговине пришли полицейские силы Европейского союза, мандат которых был рассчитан до 2005 г. Это стало

первой операцией, которую самостоятельно проводил ЕС. В марте 2003 г. к выполнению своей первой военной миссии намерены были приступить Силы быстрого реагирования – европейские военнослужащие сменили силы НАТО в бывшей югославской Республике Македония. В начале 2004 г., когда формирование контингента СБР уже завершилось, ЕС взял на себя еще одну функцию на Балканах – командование Международным миротворческим контингентом в Боснии и Герцеговине (СФОР), которое ранее также осуществлялось структурами НАТО. Численность, вооружение и подготовка этих сил, по мнению военных экспертов ЕС, должны были быть такими, чтобы при необходимости они могли участвовать в урегулировании двух кризисов одновременно. Главными аспектами деятельности СБР провозглашались:

– гуманитарное вмешательство после природных катаклизмов;

– миротворческая деятельность в случае возникновения вооруженного конфликта;

– наблюдение за территориями для поддержания мира и предотвращения кризиса.

Формирование СБР имело свои особенности.

Прежде всего следует обратить внимание на лидирующую роль Германии, которая выделила в состав формируемых СБР 13,5 тыс. чел., 93 боевых самолета, 20 единиц военных кораблей, обеспечив себе больше командных постов в новой военной структуре, чем любая другая страна.

На втором месте по количеству выделяемых солдат находилась Великобритания – 12,5 тыс. чел.

Испания предоставила СБР контингент численностью 6 тыс. солдат и офицеров, 40 боевых самолетов и две штаб-квартиры на Пиренейском полуострове.

После объявления о формировании Сил быстрого реагирования 15 государств, не являющихся членами Европейского союза, выразили готовность участвовать в этом мероприятии. В их числе новые члены НАТО: Польша, Венгрия, Чехия, а также нейтральные государства.

Необходимо отметить, что еще в 1995 г. Испания, Португалия и Франция подписали соглашение о создании объединенных вооруженных сил – Европейских сил быстрого реагирования (ЕСБР) численностью около 14 тыс. военнослужащих из числа стран-подписантов, которые передавались в непосредственное подчинение Союза. В их задачу входило обеспечение безопасности в районе Средиземноморья. Предусматривалось, что при необходимости эти силы могут быть использованы НАТО и ООН. Однако следствием работы различных форумов стал вывод, что политика Евросоюза тоже может стать камнем преткновения в отношениях Европы и Средиземноморья.

По мнению европейских экспертов, это была больше проблема недостатка информации и избытка дезинформации в регионе, где проводилась данная политика. Как отмечало руководство Европейского союза, в частности тогдашний верховный представитель ЕС по Единой внешней политике и политике безопасности (ЕВПБ) Х.Солана, настороженность со стороны стран Южного Средиземноморья постепенно исчезнет, если ЕС будет проводить широкомасштабную кампанию по информированию и разъяснению целей своей политики. Если ЕС создаст концепцию безопасности ЕВПБ, в которой будет четко прописано, что силовое вмешательство ЕС может быть осуществлено только в случае, если такие полномочия будут предоставлены Советом Безопасности ООН, тогда большинство южносредиземноморских партнеров уже не будут так обеспокоены, как, например, при вмешательстве НАТО в косовский кон-

фликт или в последний конфликт в Ираке[4].

Альянс официально передал управление миротворческими операциями в Боснии и Герцеговине в ведение Сил быстрого реагирования ЕС (Еврофорс).

Торжественная церемония состоялась в Сараеве в 2004 г. при участии Х.Соланы и Генерального секретаря НАТО Яапа де Хооп Схеффера.

Несмотря на то что руководство миротворческими операциями в Боснии и Герцеговине перешло от НАТО к ЕС, в этой стране продолжал работать небольшой контингент Североатлантического альянса. В ходе операции, которая получила кодовое название «Альтея», под командованием Еврофорс в Боснии и Герцеговине разместили 7 тыс. солдат.

Присутствие испанского воинского контингента за границей руководство Испании всегда рассматривало как одно из условий реализации внешнеполитической стратегии государства. Испанцы активно участвовали в работе НАТО, а также других европейских военных структурах: Еврофора, Марфора.

В начале 2000-х годов в операциях по поддержанию мира было задействовано 3700 испанских военнослужащих. Из них на Балканах – 1900 чел., в Центральной Азии – 1800 (в том числе в Ираке – 1400, в Афганистане – 130), контингент ВМС в Индийском океане насчитывал 270 чел.

В связи с возникшей острой нехваткой личного состава (в том числе для службы за границей) после перехода (1998 г.) испанской армии на профессиональную основу вопрос ее комплектования стал одной из главных проблем, от которой зависел международный престиж Испании.

Вооруженные силы страны в 2003 г. насчитывали 69 500 солдат и матросов вместо запланированных на 1 января 2004 г. 86 000 чел.

Официальные расходы министерства обороны в 2004 г. составили 1,3% от ВВП (в 2003 г. – 1,26%), что, по мнению руководства Генерального штаба Испании, позволило в 2004 г. держать в составе военных миссий за рубежом до 3800 военнослужащих[5].

В результате победы на парламентских выборах в Испании (март 2004 г.) Испанская социалистическая рабочая партия сдержала свое предвыборное обещание и к 30 июню того же года вывела испанский контингент численностью 1300 чел. из Ирака. США и Великобритания выразили тогда опасение и неудовлетворенность в связи с тем, что такое действие может повлечь за собой подобные шаги со стороны других государств.

Вывод испанских войск из Ирака вызвал охлаждение испано-американских отношений. Тем не менее Испания продолжала принимать участие в миротворческих операциях НАТО. В частности, присутствующий в Афганистане испанский контингент миротворцев в первой половине 2007 г. насчитывал около 700 солдат и офицеров. При этом Вашингтон настаивал на том, чтобы испанская сторона активнее участвовала в борьбе с талибами и террористами «Аль-Каиды».

Что касается событий, связанных с кризисом в Ливии в 2011 г., то испанское руководство поддержало резолюцию Совета Безопасности от 17 марта 2011 г. ООН № 1973 «О положении в Ливии», предусматривающую установление над Ливией бесполетной зоны[6].

В рамках международной военной операции, которая получила название «Одиссея. Рассвет» Испания направила в распоряжение коалиции четыре истребителя класса *F-18*, самолет-заправщик *Boeing-707* и патрульный самолет *CN-235 ВМС*, также в операции приняли участие подводная лодка *S-74 Tramontana* и фрегат *F-100 Mendez Nunez*. Численность испанского контингента составила порядка 500 военнослужащих.

Тот факт, что Мадрид выступил на стороне Парижа и Лондона, обозначил поворот во внешней политике премьер-

министра Х.Л.Родригеса Сапатеро, которого в мировом сообществе привыкли считать миролюбивым политиком.

В своем специальном выступлении в конгрессе депутатов, посвященном вопросу участия испанских военнослужащих в международной коалиции, Сапатеро отметил гуманитарные цели начавшейся операции. По его словам, «международное сообщество не может оставаться безучастным перед лицом трагедии, когда диктаторский режим уничтожает собственный народ». При этом он сделал акцент на принципиальных различиях между операцией «Одиссея. Рассвет» и другими военными конфликтами, в урегулировании которых принимала участие Испания, прежде всего в Афганистане и Ираке. В частности, подчеркивалась международная легитимность военных действий против режима М.Каддафи, одобренных не только ООН, но и рядом арабских стран.

Такую особую точку зрения по ливийскому вопросу председателя правительства ИСРП Х.Л.Родригеса Сапатеро, контрастирующую со сдержанной позицией канцлера Германии А.Меркель, можно объяснить стремлением испанского руководства продемонстрировать лидерство Мадрида в международных делах и улучшить неблагоприятную внутриполитическую ситуацию, связанную с антикризисными мерами правительства.

Необходимо отметить, что испанское руководство в 2009 г. приветствовало инициативу Президента России Д.А.Медведева о подготовке юридически обязывающего Договора о европейской безопасности и выразило заинтересованность в участии Испании в Контактной группе по разработке этого документа.

По мнению руководства Испании, серьезный договор по проблематике безопасности на Евро-Атлантическом пространстве давно назрел, так как ее архитектура является во многом продуктом прошлого. Несовершенство существующих структур безопасности четко проявилось, по мнению испанцев, в событиях вокруг Косова, Абхазии и Южной Осетии. Для успешного продвижения Договора о европейской безопасности необходимо, как считают в Мадриде, стремиться к созданию вокруг инициативы благоприятного политического климата, что предполагает, в частности, восстановление диалога во всех форматах между Россией и НАТО, в том числе по линии Совет Россия – НАТО[7].

Напомним, что в июне 2008 г. Президент России Д.А.Медведев выступил с инициативой подготовки Договора о европейской безопасности.

«Во-первых, речь шла не о формулировании новых принципов межгосударственных отношений, а о подтверждении уже принятых, таких как неприменение силы или угрозы силой, суверенное равенство, территориальная целостность государств, нерушимость их границ, мирное урегулирование споров, неделимость безопасности и др. Во-вторых, планировалось расшифровать в договоре конкретное содержание и единообразное понимание этих принципов во избежание в будущем разногласий по поводу их трактовки и применения "двойных стандартов". Наконец, в-третьих, предполагалось согласовать и изложить в договоре механизмы, которые обеспечивали бы единообразие»[8].

На современном этапе правительство Х.Л.Родригеса Сапатеро рассматривает НАТО в качестве базисного элемента в схеме евро-атлантической безопасности.

В Мадриде поддержали принятие новой Стратегической концепции альянса (2010 г.), которая, как здесь считают, отражает его стремление адаптироваться к изменившимся глобальным реалиям, возникновению новых угроз и вызовов. Стратегическая концепция представляется Испании сбалансиро-

ванной, должным образом учитывающей их приоритеты. Вместе с тем в Мадриде понимают, что документ отражает достигнутые при его подготовке компромиссы между неодинаковыми позициями стран-участниц НАТО. В частности речь идет о ядерных вооружениях.

Испания не обладает таким оружием, но поддерживает соответствующие положения концепции из солидарности с союзниками. Вместе с тем испанская сторона удовлетворена тем, что документ вполне отражает желание НАТО содействовать разоружению, борьбе с распространением ядерного оружия. В Мадриде также хотели бы, чтобы больший акцент делался на вопросах сотрудничества альянса со странами Средиземноморского региона, исходя из его значения для обеспечения безопасности Европы.

Сближение НАТО с Россией и взятый в Лиссабоне (2010 г.) курс на стратегическое партнерство в Испании восприняты весьма положительно. Для Х.Л.Родригеса Сапатеро это «историческая веха». В работе над концепцией испанская сторона последовательно настаивала на фиксации отношения к России как к партнеру.

Напомним, что Президент России Д.А.Медведев (20 ноября 2010 г.) принял участие в заседании Совета Россия – НАТО на уровне глав государств и правительств на тему: «Следующие шаги в сотрудничестве России – НАТО».

Глава российского государства представил свои предложения по выстраиванию дальнейшего взаимодействия России с Североатлантическим альянсом.

По итогам заседания Совета Россия – НАТО было принято совместное заявление глав государств и правительств стран-членов Совета. В документе, в частности, отмечалось, что безопасность всех государств в евро-атлантическом сообществе неделима, а безопасность НАТО и России взаимосвязана. Стороны намерены укреплять сотрудничество в борьбе с терроризмом, пиратством, наркоугрозой, в том числе на афганском направлении.

Кроме того, Совету Россия – НАТО было поручено разработать всеобъемлющий совместный анализ будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны. Правительство Испании приветствовало достигнутую в Лиссабоне договоренность продолжить обсуждение вопросов сотрудничества в области противоракетной обороны[9].

Необходимо в связи с этим отметить позицию России по вопросам противоракетной обороны, высказанную в послании Президента России Д.А.Медведева главам государств-членов Совета Россия – НАТО. В этом документе, в частности, подчеркивается, что Лиссабонский саммит СРН (20 ноября 2010 г.) открыл возможности для выстраивания стратегического партнерства, основанного на принципах равноправия, неделимости безопасности, взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости.

Д.А.Медведев подтвердил заявленную в Лиссабоне готовность России взять на себя долю ответственности за поддержание стратегической стабильности и безопасности, включая формирование совместной ПРО в Европе. В послании отмечалось, что система европейской противоракетной обороны сможет стать по-настоящему эффективной и жизнеспособной только в случае равноправного участия в ней России, и подчеркивалась необходимость надежной гарантии того, что развертываемые в Европе ПРО не станут подрывать стратегическую стабильность и не будут направлены против какой-либо из сторон[10].

В свою очередь, руководство ИСРП во главе с Х.Л.Родригесом Сапатеро еще в 2007 г. заняло особую позицию в отношении высказанного властями США намерения разместить противоракетную систему на территории Польши и Чехии. Эта идея вызвала «большие сомнения» у правительства Испании, поскольку это могло негативно отразиться на отношениях стран Евросоюза с Россией и арабскими странами.

Тогдашний министр иностранных дел Испании М.А.Моратинос, в частности, отметил, что он «будет настаивать на детальном обсуждении данного вопроса в рамках Евросоюза и НАТО для выработки общего решения; размещение американских ракет в некоторых странах Восточной Европы может усилить гонку вооружений и иметь негативные последствия для международных отношений, в первую очередь с Россией».

Правительство Испании создало специальную комиссию в рамках министерств обороны и иностранных дел с целью изучения возможных последствий американской инициативы. Характерно, что обеспокоенность России планами США по развертыванию элементов ПРО в Польше и Чехии полностью разделил бывший премьер-министр Испании Ф.Гонсалес[11].

В связи с этими обстоятельствами важно упомянуть, что 8 июня 2011 г. в Брюсселе состоялось заседание Совета Россия – НАТО, на котором в результате встречи глав военных ведомств фактически завершился процесс восстановления связей, пострадавших в результате войны в Закавказье (август 2008 г.). Были обсуждены направления сотрудничества, начиная с совместной борьбы против терроризма. Министр обороны РФ А.Сердюков должен был постараться убедить коллег из стран НАТО принять российское предложение о подписании юридически обязывающего договора о ненаправленности ЕвроПРО против России. Однако эта идея не была принята генсеком НАТО Андерсом Фогом Расмуссеном в канун министерской встречи в Брюсселе.

Расмуссен заявил, что «НАТО не может передавать странам, не входящим в альянс, обязанности по коллективной обороне, а Россия не может быть непосредственным участником запланированной НАТО системы ПРО»[12].

На встрече Президента РФ Д.А.Медведева с участниками заседания Совета Россия – НАТО и Генсеком НАТО Андерсом Фогом Расмуссеном (Сочи, 4 июля 2011 г.) вновь велись переговоры по созданию совместной ПРО в Европе. В итоге этих переговоров стало понятно, что НАТО и Москва должны прийти к решению о конфигурации европейской ПРО к маю 2012 г. Именно на это время намечено проведение саммита альянса в Чикаго. Таким образом, вопрос о противоракетной обороне остается открытым.

Испанский премьер-министр Х.Л.Родригес Сапатеро считает, что в области европейской безопасности основные угрозы для Европы и самой Испании исходят не с Востока, а с Юга.

Прежде всего это проблемы, связанные с терроризмом, нелегальной миграцией, ростом антизападных настроений в мусульманском мире. В связи с этим необходимо добиваться сосредоточения именно на этом направлении внешнеполитических и оборонных усилий НАТО. Поэтому в Мадриде не разделяют планы дальнейшего расширения альянса на Восток, в том числе за счет Украины и Грузии. По мнению испанской стороны, это может обернуться для НАТО утратой военно-политической и организационной эффективности. Кроме того, прием новых членов здесь обусловливают не только их готовностью, но и тем, насколько это будет способствовать общей безопасности. Поэтому на саммите Североатлантического альянса в Бухаре-

сте (3 апреля 2008 г.) было отложено решение о присоединении Грузии и Украины к Плану действия по членству. МИД Испании считает, что эти страны еще не готовы к вступлению в НАТО.

Позиция Москвы по вопросу безопасности была высказана в выступлении на военном параде, посвященном 66-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне Президентом России Д.А.Медведевым, который 9 мая 2011 г. заявил, что «Россия отстаивает принципы мирного сотрудничества, последовательно выступает за неделимую систему безопасности, вносит свой вклад в общие усилия по поддержанию глобальной стабильности в мире, а наши вооруженные силы эффективно участвуют в миротворческих миссиях»[13].

Подводя итог изложенного, стоит еще раз отметить, что Испания в течение последних лет приобрела опыт участия в мероприятиях, проводимых НАТО, в том числе в миротворческих операциях.

При этом Мадрид будет оставаться одним из лояльных партнеров в рамках Североатлантического альянса. В то же время это не означает, что испанское руководство откажется от активного продвижения собственных национальных интересов, конечно не будет высказывать собственное видение вопросов европейской безопасности.

Примечания

[1] Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperacion // www.maec.es

[2] Какими станут внутренние и внешние политики ЕС в результате вступления в силу Лиссабонского договора. Материалы международной конференции МГИМО(У) МИД России, 22 февр. 2008. М., 2009. С. 33.

[3] Коммерсантъ. 2005. 30 мая.

[4] *Аникеева Н.Е.* Испания в современном мире:1976–2004 гг. М., 2007. С. 97.

[5] El Pais. 2004. 28.02.

[6] El pais. 2011.18.03.

[7] kremlin.ru (03.03.2009).

[8] *Загорский А.* Договор о европейской безопасности: развитие идеи и перспективы реализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2010. № 19(35). С. 4.

[9] Заседание Совета Россия – НАТО // kremlin.ru (20.11.2010).

[10] Послание Президента РФ Д.А.Медведева главам государств – членов Совета Россия – НАТО. 14.05.2011 // kremlin.ru

[11] Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperacion // www.maec.es (21.03.07).

[12] *Блинов А.* Министры обороны продолжили спор о ПРО // Независимая газета. 2009. 06 нояб.

[13] kremlin.ru (09.05.2011).

Россия и Кипр – пример «прагматического идеализма»

КОСТАС МЕЛАКОПИДЕС
МАРИНА САЛВАРИДИ

В качестве рабочей гипотезы в данной статье выступает идея о том, что политика России в отношении Кипра отличается в значительной степени от классического реалистического подхода, традиционно ассоциируемого с политикой великих держав и хрестоматийно с курсом СССР и США периода холодной войны. На наш взгляд, политика России в отношении Кипра включает в себя элементы «политического реализма» наряду с подлинными характеристиками «политического идеализма». Именно этот синтез Костас Мелакопидес в своей книге, анализирующей внешнюю политику Канады, назвал «прагматическим идеализмом»[1]. Фактически в годы холодной войны подобное поведение было свойственно целой группе «средних стран со схожими убеждениями» (Дания, Норвегия, Швеция, Австрия и Новая Зеландия).

Как утверждает профессор К.Мелакопидес, внешнеполитический курс этих стран демонстрирует приверженность нормам международного права, принципам и ценностям Организации Объединенных Наций, многополярности и солидарности с нуждающимися странами, принципам сдерживания и приоритету дипломатических путей в решении международных проблем, а также продвижение «всемирной повестки дня», которая включает права человека, поддержание мира, контроль и сокращение вооружений, международную помощь и охрану окружающей среды. Эти «идеалистические» компоненты выступали неразрывно с мерами по обеспечению обороны и безопасности, делая акцент на средствах сдерживания, что, в свою очередь,

---

МЕЛАКОПИДЕС Костас – доктор политической философии, профессор Международных отношений (Университет Кипра). E-mail: comel@ucy.ac.cy

САЛВАРИДИ Марина Николаевна – аспирант (Санкт-Петербургский государственный университет). E-mail: marina.salvaridi@gmail.com

Ключевые слова: «прагматический идеализм», «реальная политика», холодная война, отношения Россия – Кипр, политическая культура, «мягкая сила».

представляет «прагматическую» составляющую этого синтеза. Первоисточником подобного поведения стран служит политическая культура, провозглашающая неравнодушие, солидарность и человечность взаимоотношений вообще.

Может ли эта теоретическая база способствовать объяснению уникальности политики России по отношению к Кипру? Утвердительный ответ будет основываться на характерных вербальных и невербальных действиях Москвы, а также на заявлениях российских и кипрских аналитиков и непосредственных участников политических событий. Одним из самых веских аргументов в поддержку высказанной прагматико-идеалистической гипотезы являются эксклюзивные интервью, которые мы провели с двумя бывшими президентами, многими бывшими министрами иностранных дел Республики Кипр и другими политическими деятелями. Важно отметить, что ни один из собеседников не опроверг нашу гипотезу. В заключение, также отметим, что наша позиция серьезно выигрывает от сравнения политики в отношении Кипра, проводимой Москвой, и «реальной политики» Вашингтона и Лондона. Полученные выводы ставят под сомнение известный стереотип о том, что «у государств нет постоянных союзников, а только постоянные интересы».

Общие размышления

Советский Союз, а затем и Россия в своей кипрской политике всегда последовательно выражали приверженность ценностям и нормам ООН. Это демонстрируется, во-первых, неизменной поддержкой соответствующих резолюций ООН и, во-вторых, различными инициативами, направленными на «защиту» Никосии от своекорыстных намерений Великобритании и Соединенных Штатов. Более того, помимо поддержки резолюций, осуждающих двойное вторжение Турции в 1974 г. и одностороннее провозглашение независимости на оккупированной северной части острова, Москва не только продолжает заявлять, что признает единственное законное правительство Республики Кипр, но также проводит и соответствующую политику в противоположность Вашингтону и Лондону, которые оправдывают турецкую агрессию 1974 г. и продолжающуюся оккупацию 37% территории Кипра*.

Тот факт, что Россия не поддерживает никаких отношений с так называемой Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК), делает очевидным принципиальный отказ Москвы признавать де-факто разделение Кипра. Кроме того, в апреле 2004 г. Россия, применив право вето, твердо выступила против попыток постфактум узаконить военное вторжение. Россия отрицает также попытки Турции преподнести свои действия в качестве «миротворческой операции», политика США и Великобритании выглядит как стремление обелить действия Турции и реабилитировать ее в глазах мирового сообщества.

Следовательно, политика России выступает в противовес аморальной реальной политике Вашингтона и Лондона, принципы которой со времен холодной

* Действия Турции в 1974 г. были восприняты как «вторжение» (то есть «незаконное военное вмешательство») независимыми экспертами во всем мире. Одностороннее провозглашение независимости в 1983 г. осуждалось неоднократно в ООН, ЕС, Европейском суде по правам человека, Суде Европейского союза. Так называемая Турецкая Республика Северного Кипра признана только Турцией.

войны были перенесены в положения «Плана Аннана». Вдобавок, США и Великобритания не желали замечать тот факт, что после отклонения плана на референдуме в 2004 г. 76% греков-киприотов он должен был уйти в прошлое*. Москва продемонстрировала отказ смириться с массовыми нарушениями прав человека и основных свобод всех граждан, законно проживающих на территории Кипра.

Таким образом, Россия подтвердила свою приверженность принципам международного права как необходимого и достаточного условия для осуждения *status quo*, сложившегося после военного вторжения, и для справедливого и жизнеспособного решения Кипрского вопроса.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что если политика России постсоветского периода в отношении Кипра руководствуется моралистическими соображениями, то это дает нам право отнести ее к «политическому идеализму».

Москва и Кипр: период холодной войны

Во времена холодной войны важность геостратегического положения Кипра превратила остров в яблоко раздора для НАТО и отличную возможность для Советского Союза использовать разногласия в Западном блоке.

Бывший заместитель Госсекретаря США Джордж Болл так описал восприятие внутреннего кризиса на Кипре в своей стране: «Рассматриваемый из Вашингтона вопрос предельно ясен. Кипр является стратегически важным объектом недвижимого имущества в споре между двумя членами НАТО: Грецией и Турцией. Мы должны сохранить его под контролем НАТО»[2].

Следовательно, когда Турция угрожала осуществить вторжение в 1964 г., Москва заявила о поддержке молодой республики. За этим (июнь 1964 г.) последовало письмо Президента США Линдона Джонсона, предостерегавшего Турцию от каких-либо военных действий против Кипра. Больше всего турков разозлило заявление Джонсона о том, что Вашингтон не станет оказывать военную помощь своему союзнику по НАТО в случае вмешательства СССР.

Тем временем помощь Москвы в Совете Безопасности ООН становилась все более ощутимой.

В интервью бывший министр иностранных дел Кипра, доктор Эрато Козаку-Маркулли заявила: «Поддержка Москвы была очень важна для нас. Без этих резолюций ООН мы могли бы не выжить как государство.

Например, есть резолюция 184 (1964 г.), которая учредила Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре. Упоминание правительства Республики Кипр и того, что миротворческие Силы будут действовать с одобрения правительства Республики, было чрезвычайно важно.

Была негативная реакция со стороны некоторых стран, но Советский Союз постоял за нас и за эту крайне важную формулировку. Знаете, некоторые страны ставили под сомнение существование правительства как такового после выхода из него турок-киприотов. Однако факт того,

* В соответствии с текстом «плана Аннана-5» (Приложение V, вступление в силу Нового положения дел): «если Учредительный договор не будет принят на одновременных раздельных референдумах, <...> он будет аннулирован и не будет иметь законной силы». Для более детального пояснения причин негативного голосования греков-киприотов, а также планов и мотивов, которыми руководствовались Анкара, Лондон и Вашингтон см.: *C.Melakopides*, Unfair Play: Cyprus, Turkey Greece, the UK and the EU // Centre for International Relations, Queen's University. Kingston, Ontario, Canada, 2006.

что в резолюции была четкая ссылка на правительство Республики, и то, что эта резолюция обновляется каждые шесть месяцев, является двойным подтверждением легитимности правительства.

Таким образом, мировое сообщество через Совет Безопасности признает, что правительство Республики Кипр представляет весь Кипр и весь народ Кипра. Как видите, помощь Москвы оказалась жизненно важной в критический момент»[3].

Затем последовали годы постоянной политической и материальной поддержки Кипра со стороны Москвы. Помимо благосклонного голосования в СБ ООН поставки вооружения из Советского Союза, а затем из Чехословакии укрепляли чувство защищенности Республики от угроз Турции[4].

Братские отношения, которые связывали Коммунистическую партию Кипра (АКЕЛ) и КПСС, наряду с активным участием Кипра в Движении неприсоединения, содействовали укреплению отношений между Москвой и правительством Президента Макариоса по вопросам «высокой политики». Вдобавок, Москва и Никосия предпринимали инициативы «низкой политики» с долгосрочной перспективой, такие как, например, обучение тысяч киприотов, предоставление им щедрых стипендий, о чем многие из них до сих пор вспоминают с благодарностью.

Когда произошло двойное вторжение турецких войск на Кипр (июль и август 1974 г.), Москва отреагировала в тандеме со всеми членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

Советское правительство не осудило немедленно действия Турции в одностороннем порядке, но, как отметил один из наших собеседников, «все мировое сообщество было вначале сбито с толку»*.

Позднее тем не менее, как пишет американский проф. Нортон, «советские комментаторы называли турецкую армию на Кипре оккупационными войсками. Например, в комментарии 1988 г. события 1974 г. описываются, как "иностранная военная оккупация, разделившая остров, как болезненный шрам"» .

Более того, как отмечал проф. Нортон в 1990 г., СССР «осуждал любые политические условия, которые могли бы способствовать разделению острова»[4].

В ноябре 1983 г. Советский Союз немедленно осудил одностороннее провозглашение ТРСК, как вопиющее нарушение резолюций ООН.

Как писала «Правда» от 18 ноября 1983 г., «советские правящие круги заявили, что руководству турок-киприотов было рекомендовано отозвать свое решение»[4].

В 80-х годах СССР неоднократно призывал провести Международную конференцию для обсуждения справедливого и окончательного урегулирования Кипрской проблемы в соответствие с принципами международного права.

Впервые такое предложение было высказано в 1982 г. во время официального визита Президента Спироса Киприану в Москву.

Попытка была повторена (январь 1986 г.) и снова с энтузиазмом встречена в Никосии.

Год спустя Президент Киприану во время визита в штаб-квартиру ООН поднял вопрос об инициативе Москвы в СБ, но встретил неодобрительную реакцию западных постоянных членов.

Затем в феврале 1989 г. состоялся четырехдневный визит на Кипр главы Информационной службы МИД СССР Г. Герасимова, который сказал, что «Республика Кипр должна оставаться независимой, территориально целостной и объединенной, что все иностранные войска должны

---

* Как заявил в интервью бывший министр иностранных дел Кипра Йоргос Якову, «СССР проявлял интерес к Кипру, но не имел "ключей". Турция преподнесла военное вмешательство, как "миротворческую операцию" для возврата к Конституции». (Источник: интервью, данное М.Салвариди, Никосия, 23 февраля 2011 г.)

быть выведены с острова и установлены международные гарантии»[4]. Его заявление было основано на неизменной приверженности Москвы букве резолюций СБ ООН и всецело отражало собственную позицию Никосии.

Сейчас прокипрская политика Москвы в первые 30 лет существования Республики (1960–1990 гг.) может рассматриваться через призму холодной войны как стремление:

– остановить экспансию НАТО;

– создать, по возможности, раскол в Западном блоке;

– предотвратить создание новой военной базы на Кипре помимо двух британских суверенных военных баз.

Таким образом, даже если позитивные настроения, основанные на исторических и культурных связях, не подвергаются сомнению, кто-то все равно может попытаться объяснить «прагматический идеализм» курса периода холодной войны тем, что СССР просто был вынужден принять собственную версию «реальной политики» для соревнования с Западом. Иной вопрос тем не менее касается природы и истоков политики Москвы в отношении Кипра после окончания холодной войны, так как эта политика последовательно продолжала защищать права киприотов, выступая за соблюдение принципов ООН и норм международного права.

Россия и Кипр с 1990 года

Кроме общих интересов, которые объединяют Россию и свободный Кипр, есть еще одно важное направление – это духовная взаимосвязь между нашими народами. В конечном итоге, если бы Москва пожелала проводить в отношении Кипра «реальную политику» в чистом виде, разделяя, таким образом, мировоззрение Анкары, Вашингтона и Лондона, это бы вполне соответствовало Гоббсовским представлениям о поведении сверхдержав и не стало бы ни для кого сюрпризом. В таком случае Москва предпочла бы сохранять неопределенную или нейтральную позицию по Кипрскому вопросу вместо поддержки «идеалистических» принципов и норм Устава ООН, международного права. Становится очевидно, что политика России в отношении Кипра обнаруживает черты «идеализма», абсолютно несвойственные «реальной политике».

Источником подобных признаков «идеализма» в политике России служат глубокие исторические связи с эллинизмом, крепкие узы православного христианства, культурная и лингвистическая общность, глубокое понимание и высшая оценка художественных и литературных произведений, наравне с душевной близостью народов России, Кипра и Греции. Подобные взгляды разделяли все наши собеседники, высказанные в интервью, проведенных с февраля 2010 по май 2011 г.

Серьезные аргументы в поддержку нашей гипотезы можно найти в книге бывшего посла России на Кипре Г.Мурадова «Россия – Кипр: наш общий путь». В коллекции интервью и лекций, представленных в книге, Мурадов освещает различные аспекты взаимоотношений наших стран.

К примеру, на вопрос «Существуют ли помимо религии другие связующие моменты между эллинизмом и русским народом?» он ответил: «Конечно! Я думаю, что у нас схожий менталитет, общие моральные ценности. Безусловно, по прошествии времени к этому добавились экономические, политические и культурные связи. Я говорю о древних временах, когда первые русские цари и князья женились на гречанках»[5].

А в интервью Кипрской радиовещательной корпорации он отметил: «Я верю, что наши две

цивилизации очень тесно взаимосвязаны. Ментальность, традиции, христианство связывают наши народы. И я должен сказать, что именно культура дает людям моральные ценности, и я вижу, что для киприотов и греков, для эллинизма вообще, и для русских людей эти ценности одинаковы. Я говорю о ценностях современного мира»[5].

Обсуждая «новый мировой порядок» (что мгновенно ассоциировалось с натовскими бомбежками Сербии), господин посол, высказывая свое мнение и представляя позицию своего правительства и российского народа, выражал свои мысли в типичных прагматико-идеалистических категориях: «По моему мнению, политика не может существовать без морали. Мы слышим иногда о том, что политика – это грязная игра, что там нет места морали. Я думаю, что если дела будут обстоять действительно так, то мы, как человечество, не уйдем далеко в своем развитии, мы будет потеряны. Международные отношения – это форма социальных отношений, а в социальной жизни мораль играет очень важную роль»[5].

Обоснованность наших предположений была неоднократно проверена во время интервью, поведенных автором – М.Салвариди в начале 2011 г. Ее собеседниками были два бывших президента и большинство бывших министров иностранных дел Республики Кипр. Вот наиболее характерные высказывания. Йоргос Якову, бывший министр иностранных дел: «Русским, как и многим другим паломникам в Средние века и эпоху Ренессанса, приходилось по пути в Святую землю останавливаться на Кипре. Общая христианская традиция лежит в основе наших исторических отношений. Она глубоко укоренена в душах людей, что не в силах были изменить даже долгие годы насаждения атеистической философии. Со стороны России всегда был интерес к Кипру, Советский Союз придерживался антиимпериалистического и антиколониального подхода и поддерживал киприотов в борьбе за независимость»[6].

Эрато Козаку-Маркоулли, бывший министр иностранных дел: «Я не знаю другую такую страну, помимо Греции, отношения с которой бы развивались на столь высоком уровне на протяжении долгих лет. Кипр всегда чувствовал поддержку Советского Союза, а позднее Российской Федерации в силу многих исторических, политических, экономических и других причин, связывающих наши страны и наши народы. Мы всегда очень высоко ценили наши отношения, которые достигли максимального уровня за последние годы. Но, несомненно, еще остались области для дальнейшего развития. Например энергетика»[3].

Российское вето в Совете Безопасности ООН

Возвращаясь к эмпирическим иллюстрациям политической и дипломатической поддержки, оказываемой Кипру со стороны России, хочется обратиться к недавнему примеру – вотированию Москвой резолюции в Совете Безопасности (апрель 2004 г.).

Россия впервые за последние 10 лет воспользовалась правом вето. Это произошло всего за несколько дней до двойного референдума по вопросу объединения острова, когда Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан предложил Совету принять резолюцию, предусматривающую дополнительные меры по обеспечению безопасности на Кипре в случае, если киприоты проголосуют за объединение. На греков-киприотов оказывалось давление со стороны Секретариата ООН, но, как показали общественные опросы, большинство греков-киприотов приняли решение отказаться от плана как несправедливого и нефункционального. В свою очередь, заместитель российского представителя в ООН Г.Гатилов заявил, что Москва выступила против предложенной резолюции, так как ее принятие накануне референдума могло повлиять на его итоги.

«Волеизъявление должно проходить свободно, без какого-либо вмешательства или давления извне»[7].

То, что это был хорошо продуманный и рациональный поступок в поддержку Никосии подтверждает и заявление ми-

нистра иностранных дел России С.Лаврова по итогам встречи с его кипрским коллегой Йоргосом Якову 20 апреля 2004 г. Господин Лавров заявил, что Россия выступает против любых решений ООН до результатов референдума.

Фактически, как рассказал нам господин Якову, Секретариат ООН предоставил членам СБ ООН неодинаковые варианты окончательного текста плана.

«Возмутительно, что лишь британцы и американцы имели возможность работать с полным текстом (который лишь несколькими днями ранее был предоставлен грекам- и туркам-киприотам!). Российской, французской и китайской делегациям были розданы сокращенные варианты в 14 страниц. <...> Когда я приехал в Москву, то, будучи знаком с Лавровым на протяжении многих лет, открыто спросил: "Как получилось, что Совет Безопасности будет работать только с британцами и американцами, а вам даже не дадут полную копию текста?" Мой вопрос раздосадовал его. После частной беседы я покидал переговоры в приподнятом настроении: я был уверен, что Россия поддержит нас в Совете Безопасности»[6].

В завершение господин Якову поделился с нами еще одним интересным эпизодом: «Госсекретарь США Колин Пауэлл позвонил Сергею Лаврову накануне голосования в Совбезе и склонял его не применять вето (в действительности ходили слухи, что Россия намеревается воспользоваться этим правом). Лавров ответил: "Колин, не расстраивайся. Россия придерживается в своей кипрской политике того, о чем попросил меня мой друг Йоргос Якову"»[6].

Сотрудничество России и Кипра

На протяжении всего периода после окончания холодной войны политический диалог между сверхдержавой и маленьким островным государством продолжался, как продолжались встречи их лидеров, министров иностранных дел и других политиков – от министров и представителей парламента до местных администраций регионов.

Одним из самых плодотворных был визит в Москву в ноябре 2008 г. Президента Республики Кипр Димитриса Христофиаса, который вместе с Президентом России Д.А.Медведевым подписал Совместную декларацию о дальнейшем углублении отношений дружбы и всестороннего взаимодействия между Российской Федерацией и Республикой Кипр[8].

Помимо сотрудничества в сфере политики эта Декларация охватывала и другие направления: от экономики и региональных связей, военно-технического сотрудничества и противодействия новым угрозам и вызовам, заканчивая объемным параграфом о сотрудничестве в культурной, духовной и гуманитарной областях.

Этот раздел начинается словами: «Стороны подтверждают, что развитие двустороннего сотрудничества в гуманитарной области имеет прочную основу, принимая во внимание историческую, культурную и духовную близость народов двух государств»[8].

Учитывая тот факт, что экономические связи представляют собой фундамент «прагматической» составляющей двусторонних отношений, считаем необходимым напомнить некоторые факты.

Уже много лет Кипр стабильно занимает свое место в тройке лидеров по инвестициям в экономику России[9].

Согласно данным Госкомстата, в 2001 г. Кипр уверенно вышел на первое место среди стран-инвесторов (16,3% от суммарных поступлений иностранных инвестиций), далее следуют США (11,2%) и Великобритания (10,9%)[10].

На август 2010 г. общий объем накопленных инвестиций Кипра в экономике России составлял 52 млрд долл. США, 38 млрд из которых являются прямыми иностранными инвестициями[11].

Хорошо известно, что большая часть этих финансовых средств имеет россий-

ское происхождение и возвращается таким образом, используя выгодные условия кипрского законодательства, применяя редакцию межгосударственного соглашения об избежание двойного налогообложения[12], которая является пересмотренной версией договора 1982 г. Среди прочих факторов, привлекающих деньги российских бизнесменов, можно назвать благоприятные условия, предлагаемые Кипром как ведущим региональным и мировым бизнес-центром, что важно стабильность и безопасность в сочетании с традиционно дружеским отношением населения.

Этот вопрос затрагивался Н.Кардаш, главным редактором ежедневной русскоязычной газеты «Вестник Кипра» на конференции по российско-кипрским отношениям (Никосия, конец 2010 г.).

Показательным был ответ г-жи Кардаш на вопрос «Почему русские выбирают Кипр?»: «Вы, наверное, знаете причины, которые обычно упоминаются на деловых конференциях. Налоги, погода. <...> Но главная причина – люди. Киприоты любят русских. Русские чувствуют себя здесь очень уютно. Есть много стран с хорошим климатом и схожими условиями для бизнеса. Но Кипр, в чем я совершенно уверена, лучшая страна в Европе, если принимать во внимание отношение людей к русским»[13].

Упомянутые причины объясняют и тот факт, что все большее число русских выбирают Кипр в качестве места постоянного проживания.

Как отметила г-жа Кардаш, на сегодняшний день около 50 тыс. русских проживают на Кипре. Большинство, около 46% – это гости, зарабатывающие деньги за границей и тратящие их на Кипре.

Остальные 54% составляют: русские бизнесмены и их семьи – 26%; служащие местных и международных компаний – 13%; жены киприотов – 11%; студенты, обучающиеся на Кипре – 4%[13].

Эти цифры иллюстрируют высокий уровень инкорпорированности россиян в кипрский уклад жизни: русскоговорящих детей около 25–30 тыс.; четыре русскоязычные школы работают в Республике; «уществует более 10 образовательных центров, которые дети посещают после обеда; около 20 музыкальных и танцевальных школ, где русский язык используется как основной[13].

Все упомянутые факторы привели автора к следующим выводам:

«– р усские выбирают Кипр из-за киприотов;

– русские любят Кипр;

– русская община вкладывает значительные средства в экономику острова;

– русские готовы интегрироваться в кипрский уклад жизни»[13].

Хочется также отметить динамично развивающиеся региональные связи Кипра с Москвой и Московской областью, Краснодарским краем, Татарстаном.

С октября 1999 г. в Краснодаре работает российско-кипрский Инвестиционный банк Кубани, предлагающий новые возможности для делового сотрудничества.

Заслуживает особого внимания и возрастающее значение сотрудничества в области туризма, так как помимо чрезвычайно важной экономической составляющей для острова Афродиты это очередное подтверждение симпатии наших народов друг к другу.

Обращаясь к цифрам и фактам, хочется отметить, что число русских туристов, ежегодно посещающих Кипр, впечатляет: со 130 тыс. в 2000 г. оно поднялось до 181 тыс. в 2008 г., а с увеличением на 50% после серьезного спада в кризисном 2009 г. оно достигло 224 тыс. туристов в 2010 г.[14].

Взаимная заинтересованность позволила преодолеть сложности, связанные с вводом визового режима в 2004 г., как результат полноправного членства Кипра в ЕС. Они были смягчены рядом соглашений, направленных на упрощение визовых формальностей.

Таким образом, 20%-ный спад числа туристов в 2004 г. был практически «возмещен» в 2005 г. (прирост 16,4%) и легко преодолен в последующие годы[14].

В октябре 2010 г. Президент Д.А.Медведев посетил Кипр с официальным визитом, первым за всю историю двусторонних отношений. В результате были подписаны 15 различных соглашений, которые, по словам Президента А.Д.Медведева, «создадут крепкий фундамент для будущего делового сотрудничества». Особое значение в этом контексте занимают изменения, внесенные в Российско-Кипрское соглашение об избежание двойного налогообложения, так как «Кипр рассматривается нашими бизнесменами как очень удобная площадка для того, чтобы осуществлять инвестиции»[15], отметил Медведев.

«Подписанные изменения как раз и направлены на то, чтобы сделать эту сферу еще более предсказуемой, прозрачной и понятной для контроля властей»[15].

Таким образом, новый документ о налогообложении должен способствовать окончательному исключению Кипра из «черного списка» государств и территорий, где российские контрольные органы, в частности Минфин России, не могут в достаточной мере сотрудничать с налоговыми инстанциями.

Визит Президента Д.А.Медведева в очередной раз подтвердил, что Москва поддерживает ведущиеся переговоры по объединению и заявил, что позиция России «остается неизменной: единое государство с единым суверенитетом, с двумя общинами»[16]. Затронул он и крайне важный для греков-киприотов вопрос о том, могут ли повлиять процветающие экономические отношения России и Турции на политику России по кипрскому урегулированию?

В свете растущих геополитических и геоэкономических амбиций Турции опасение, что Турция может оказывать давление на Россию, часто звучит из уст греков-киприотов.

Однако помимо уверенности эллинистического мира в том, что отказ от прежней позиции будет необоснован, сомнению не подвергается, и то, что Турция заинтересована в отношениях с Россией гораздо больше, чем последняя нуждается в первой. Анализ постоянных заверений российских официальных лиц, а также заявлений наших собеседников во время интервью говорит о том, что культивирование материальных интересов в отношениях России и Турции может сосуществовать со стабильной приверженностью России принципам международного права и моральным ценностям в ситуации с Кипром.

Отвечая на этот вопрос, Президент Медведев подчеркнул, что динамично развивающиеся экономические и политические отношения с Турцией «ничем не могут грозит Кипру»[15]. Он также добавил: «Наши отношения остаются такими же дружественными и взаимовыгодными, Россия не изменит свою позицию по Кипрскому вопросу. Она заключается в том, что Кипр должен оставаться единым государством с единым суверенитетом, с двумя общинами. Будем и дальше работать над этим вопросом»[17].

Принимая во внимание значимость вопроса, мы обратились за комментариями к эксперту по российско-турецким отношениям, историку и журналисту Игорю Торбакову: «Можете ли вы представить себе, что помимо укрепляющихся чисто деловых связей с Турцией Москва допустит перемены в исключительных отношениях с Кипром?»

Ответ: «На мой взгляд, несмотря на передовые экономические связи и широкое сотрудничество в газовой сфере, отношения достаточно неоднозначные, так как в любой сфере турки и русские соревнуются и сотрудничают в равной степени.

Большинство турецких аналитиков сходится во мнении, что есть два вопроса международной политики, где Москва и Анкара не находят общего языка: Нагорный Карабах и Кипр. И этот факт расстраивает турков <...> Я не склонен думать, что ситуация может измениться в ближайшее время»[18].

Так же, мы считаем, что Россия и Кипр не должны становиться заложниками игры, в которой нет победителей,

но могут получать дивиденды от обоюдовыгодных отношений. Можно сделать вполне рациональный вывод о том, что, если отношения Россия – Турция строятся исключительно на материальной основе, то Россия и Кипр могут пользоваться всеми преимуществами как материального, так и морального характера, исходящими из принципов и ценностей «прагматического идеализма».

Заключение

Многочисленные доказательства наличия «идеалистической» составляющей в отношениях России и Кипра представляются нам достаточно убедительными. Кроме резкого контраста политического курса, избранного Россией, с «реальной политикой», которой традиционно придерживается США и Великобритания, существуют многочисленные свидетельства исторических и культурных, религиозных и духовных, эмоциональных и социально-психологических связей, а также принципов и моральных ценностей, разделяемых Россией и эллинизмом. «Прагматический идеализм» свидетельствует о сбалансированном сосуществовании прагматизма и идеализма, однако мы не беремся за определение точного процентного соотношения, это право мы оставляем за аналитиками.

Если очевидность «идеалистических» связей между двумя народами трудно отрицать, то хотелось бы подробнее остановиться на возможных путях развития «прагматического» направления двусторонних отношений. Вот некоторые предложения.

1. Кипр является для России прочным мостом в Европу, где Россия стремится развить и укрепить многосторонние отношения в политической, экономической, энергетической сферах, а также по вопросам безопасности.

Так, бывший министр иностранных дел Кипра Йоргос Лилликас рассказал нам, что после подписания в 2006 г. Договора о сотрудничестве в сфере безопасности с Францией, «они [вместе с ныне покойным Президентом Тассосом Пападопулосом] занимались подготовкой к подписанию идентичного договора с Россией»[19].

2. Во взаимодействии Россия – ЕС опыт конструктивных отношений с Кипром мог бы помочь России лучше понять Европу и то, как она функционирует, особенно в вопросах принятия решений.

3. Недавние исследования в эксклюзивной экономической зоне Кипра показали высокую вероятность наличия там больших запасов углеводородов. Привлечение огромного опыта России в этой сфере могло бы принести значительные дивиденды обеим сторонам. Подобное сотрудничество было бы способно поднять на новый уровень взаимовыгодные отношения.

4. Россия как страна с федеративным устройством, обладающая пестрым калейдоскопом наций в составе населения, могла бы поделиться опытом с Кипром в вопросах рационального и жизнеспособного федеративного решения.

5. Давняя идея России о проведении Международной конференции по кипрскому урегулированию также представляется важной в силу многих причин:

– во-первых, Россия при поддержке Китая и Франции может выступить противовесом англо-американскому альянсу, жертвой прагматической политики которого становился Кипр неоднократно за свою историю;

– во-вторых, такая разнонаправленная помощь Кипру со стороны России будет способствовать дальнейшему укреплению чувства благодарности среди греков в отношении русского народа и России в целом.

6. Проведение Россией политики, которая характеризуется заботой и защитой таких небольших и слабых региональных государств, как Кипр, увеличит ее авторитет как сторонника «мягкой силы», укрепит тем самым ее международный престиж. Другими словами, «прагматический идеализм» благодаря своей природе обещает принести не только этическое удовлетворение, но и реальную выгоду как для Кипра, так и для России.

Итак, «прагматический идеализм» был создан для описания политики Канады и нескольких других стран времен холодной войны.

Целью было показать, что правовые принципы и моральные ценности могут одержать победу над «прагматическими» интересами, так как эти ценности в конечном счете могут служить гораздо большему числу «интересов» государства.

Данный факт подрывает непогрешимость политического реализма в теории международных отношений. Более того, на сегодняшний день не известна другая теоретическая парадигма, в рамках которой супердержава, не утрачивая своего статуса, при желании может отступить от основных канонов «реальной политики» в международных делах*.

Другими словами, утверждение о том, что политика России в отношении как минимум одного государства (Кипр), хотя история дает нам и другие примеры (Сербия и Греция), исходит из соображений не только чисто материальных интересов, но также правовых принципов и моральных ценностей, которые ассоциируются с дружескими и даже братскими чувствами, существенно снижает значение циничных и глубоко пессимистических суждений, принимаемых на веру приверженцами реалистической концепции мироустройства.

Примечания

[1] *Melakopides C.* Pragmatic Idealism: Canadian Foreign Policy 1945–1995 // Montreal & Kingston: McGill-Queenr's University Press, 1998. P. 241.

[2] *Ball G.W.* The Past Has Another Pattern. Memoirs. N.Y., 1982. P. 342.

[3] Interview with former Cypriot FM. Dr. Erato Kozakou-Markouli to Marina Salvaridi. Nicosia, March 24, 2011.

[4] *Norton A.R.* Soviet Union and Cyprus // Norma Salem (ed.), Cyprus: A regional conflict and its resolution. St. Martin's Press, Ottawa, 1992. P. 105–107, 109.

[5] *Muradov G.L.* Russia – Cyprus: Our Common Way. Nicosia: M.S. Satellite Publication Ltd, 2000. P. 134, 123, 124.

[6] Interview with former Cypriot FM, Giorgos Iacovou to Marina Salvaridi. Nicosia. 2011. 23 February.

[7] BBC News // http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3648000/3648405.stm.

[8] Press and Information Office of the Republic of Cyprus // http://www.cyprus.gov.cy/MOI/pio/pio.nsf/All/60895A8B06E9435CC2257507003E3507?Opendocument&print МИД РФ // http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/d1b2b67266bee163c325752e004c2802!OpenDocument

---

* Профессор Мелакопидес приводит доводы о том, что ЕС, который он однажды окрестил «растущей сверхдержавой с моральными установками», также принял «прагматический идеализм», который является близким по духу «нормативной силе Европы».

[9] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ // http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_39/IssWWW.exe/Stg/14–13.htm

[10] http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/f5afbe990361f97dc32576bf0048bfb5!OpenDocument).

[11] Данные Всероссийского научно-исследовательского института потребительского рынка и маркетинга // http://www.vniiprim.ru/news/show.php?news_id=519

[12] Agreement between the Government of the Republic of Cyprus and the Government of the Russian Federation for the avoidance of the double taxation with respect to taxes on income and on capital. Nicosia, December. 5. 1998.

[13] *Kardash N.* Russian Community in Cyprus: Advantages and Challenges. Paper presented during the Conference entitled «The Republic of Cyprus and the Russian Federation: Past, Present and Future Challenges». 2010. University of Nicosia, 2 November. P. 1.

[14] For figures see Statistical Service of Cyprus (CYSTAT) // http://www.cystat.gov.cy/mof/cystat/statistics.nsf/services_71main_en/services_71main_en?OpenForm&sub=1&sel=2

[15] Moscow Times. 2010. 08 October // http://www.themoscowtimes.com/business/article/medvedev-resolves-cyprus-taxation/418969.html

[16] РИА Новости // http://ria.ru/politics/20101007/283167700.html

[17] Official web site of the President of Russia // http://eng.news.kremlin.ru/transcripts/1099/print.

[18] Correspondence with Costas Melakopides. 2010. 15 September.

[19] Interview with former Cypriot FM, Giorgos Lillikas, to Marina Salvaridi. 2011. Nicosia, 7 February.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su E-mail: observer@ru.ru E-mail: observer@nasled.ru

Парламентаризм: выборы, политическое соперничество и политическая борьба

АЛЕКСАНДР БОРЩ

Вместо введения

Парламентаризм – это особая система государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенстве закона при ведущей роли парламента для утверждения и развития отношений социальной справедливости и правопорядка.

Попытки расширительного толкования понятия «парламентаризм» за счет наложения его на политическую систему в целом или, напротив, сужения до понятия государственного режима ведут к утрате парламентаризмом своей специфики как особого способа организации государственной власти, не говоря уже о размывании и тем более о каком-то столкновении самих понятий политической системы, политического режима и государственного строя.

Развитие демократических основ государственного строя означает такое движение к парламентаризму, при котором все его составляющие – разделение властей, верховенство закона, парламент с его правотворческими и контрольными функциями – могут работать согласованно.

БОРЩ Александр Александрович – кандидат юридических наук. E-mail: boretz.alexandrer@yandex.ru

Ключевые слова: парламент, парламентские выборы, парламентские партии, парламентская деятельность, парламентское соперничество, парламентская борьба.

Парламентаризм не может существовать без парламента, и в то же время парламент основан на нескольких принципах парламентаризма, основными из которых являются разделение властей, представительность и законность. Эти принципы нашли свое отражение и в Конституции Российской Федерации. В предоставлении парламенту законодательной власти реализуется принцип народного суверенитета как основы легитимации правопорядка. В результате парламент законодательно регулирует жизнь страны и содействует формированию правового государства.

По характеру закрепленной в конституциях законодательной компетенции парламенты делят на три группы: с абсолютно неограниченной, абсолютно ограниченной и относительно ограниченной законодательной компетенцией.

К первой группе относятся парламенты, юридически обладающие правом принимать законы по любым вопросам (Великобритания, Италия, Ирландия, Греция, Япония). Ни в основных законах, ни в других актах не дается перечень вопросов, которые должны рассматриваться парламентами и решаться в принимаемых ими законах.

Перечисление в Конституции Швеции вопросов, которые решаются только путем принятия законов риксдагом, не является ограничением его законодательной компетенции: Конституция определяет его исключительные права, но одновременно устанавливает, что риксдаг может принимать законы и по вопросам, отнесенным к компетенции правительства[1].

Во вторую группу входят парламенты преимущественно федеративных государств, чьи конституции четко разграничивают права федерации и ее субъектов.

Так, при определении компетенции конгресса США Конституция закрепила за ним не законодательную власть вообще, а только предоставленную ею[2].

На современном этапе эта вторая группа пополнилась парламентами некоторых унитарных государств. К их числу относится Франция.

Конституция Франции жестко ограничила перечень вопросов, по которым может законодательствовать парламент[3]. Причем даже в этих ограниченных областях по одним вопросам он может принимать законы, а по другим лишь устанавливать общие принципы.

Третью группу составляют парламенты, рамки ограниченной законодательной компетенции которых довольно подвижны. Это парламенты некоторых федераций, где имеется совместная законодательная компетенция федерации и ее субъектов.

В тех унитарных государствах, в которых созданы автономные образования, объем законодательных прав парламента, как правило, не определен. Однако в законе установлен перечень вопросов, входящих в компетенцию этих автономных образований. По ним не может законодательствовать парламент государства.

Следует отметить, что даже в тех странах, чьи парламенты имеют абсолютно неограниченную законодательную компетенцию, эта компетенция на практике стала уже. Ограничение законодательных прав парламентов проходит прежде всего по таким главным направлениям, как утрата законодательной инициативы, которая теперь в значительной мере сосредоточилась в руках правительства, и делегирование права издания актов, имеющих силу закона, исполнительной власти.

Но при этом парламент все же стремится сохранить за собой контроль за делегированным законодательством. В большинстве стран, где оно допускается, правительство должно (иногда по требованию парламента, а иногда в обязательном порядке) представлять акты делегированного законодательства на утверждение парламента.

В статье предлагается рассмотреть вопросы парламентской деятельности. Но вначале немного о самом парламенте.

С чего начинается парламент?

Парламент в общепринятом толковании представляет собой высшее государственное представительное собрание, которое существует в подавляющем большинстве современных стран. Деятельность парламента заключается в разработке, обсуждении и принятии нормативных правовых актов членами парламента, направленых на решение проблем, стоящих перед страной. На эту деятельность парламентарии тратит свое основное время и, по тому как они справляются с этой обязанностью, судят об их профессиональных качествах и политическом успехе.

В этом смысле парламентская деятельность это следствие профессионализации, специализации и дифференциации политической жизни общества и государственного управления. Профессионализация деятельности парламентариев была обусловлена ростом объема законотворчества, что неудивительно, ибо усиливается вмешательство государства в регулирование социально-экономической и политической жизни общества, возрастает сложность проблем, стоящих перед страной.

Парламенты играют важную стабилизирующую роль как инициаторы социально-экономических и политических реформ. Именно в их стенах обсуждаются все возможные альтернативы и точки зрения, выслушиваются все мнения и сравниваются аргументы конкурирующих сторон, происходит достижение компромисса и его юридическое оформление в виде принятых законов.

Законодательные учреждения впоследствии контролируют выполнение намеченных реформ. Даже в том случае, если главным вдохновителем и исполнителем реформ являются не парламенты, а правительственные органы, все равно последние не могут обойтись без законодателей.

Система парламентской деятельности не ограничивается рамками правового регулирования функций, полномочий, прав, обязанностей и ответственности парламентариев на уровне отдельной личности. Она предназначена к исполнению функций и полномочий государства от имени и по поручению различных социальных групп общества.

Существует несколько систем парламентских выборов – мажоритарная, пропорциональная и смешанная.

При *мажоритарной системе* избранным считается тот, за кого было подано большинство голосов, а голоса, поданные за остальных кандидатов, не учитываются.

В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2003 г. «О выборах Президента Российской Федерации»[4] предусматривается избрание главы российского государства на основе мажоритарной системы абсолютным большинством.

В соответствии с п. 3 ст. 76 указанного Закона избранным Президентом Российской Федерации считается зарегистрированный кандидат, который получил более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

Однако Президент Российской Федерации в Послании Федеральному собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. предложил отменить мажоритарную систему в регионах. Д.Медведев внес в Госдуму соответствующий законопроект. Глава государства предлагает ввести схему, при которой в районах и городах, где в законодательном органе заседает более 20 депутатов, не менее половины парламентариев избирается

по пропорциональной системе. Другая половина может быть избрана по мажоритарной системе.

Чтобы войти в местный парламент, партийный список должен получить не менее 5% избирателей. При этом субъект Российской Федерации может увеличивать проходной барьер в своем регионе. Президент предложил на выборах представительных органов в городских округах и муниципальных районах с численностью депутатов не менее 20 чел.[5] сделать обязательными пропорциональную или смешанную избирательные системы.

При *пропорциональной системе* места в парламенте распределяются между политическими партиями в соответствии с количеством набранных голосов. При использовании пропорциональной системы с порогом в парламент не проходят партии, набравшие менее определенного процента голосов. В России на данный момент порог составляет 7 %. Голоса, отданные за партии, не прошедшие в парламент, пропорционально распределяются между другими партиями.

Пропорциональная система выборов действует в России с 2003 г.

Данная система также применяется при выборах в Израиле, Италии и др.

Смешанная система представляет собой синтез двух принципов организации избирательной системы.

При данной системе часть депутатов избирается в округах по мажоритарной системе, а остальные – по партийным спискам по пропорциональной системе.

Смешанная система использовалась на Украине на выборах народных депутатов Украины 1998 г. и 2002 г.

С 2006 г. на Украине также действует пропорциональная система выборов в Верховную Раду, 10 июля 2010 г. был принят законопроект, согласно которому выборы депутатов Верховного Совета Крыма, областных, районных, городских, районных советов в городах проводятся по смешанной системе[6].

Нельзя забывать и об электорате.

Активность электората, как правило, начинает проявляться в период предвыборной кампании, но многие избиратели определяют свой выбор только на избирательном участке. Однако всегда среди избирателей имеются относительно устойчивые социальные группы, являющиеся убежденными сторонниками той или иной партии, того или иного политического направления. Такие группы составляют электоральное ядро, которое придает партии политическую жизнестойкость и сохраняет ее потенциал даже в условиях кризиса.

В последние годы в России сложилась практика проведения выборов региональных парламентариев как весной, так и осенью в единый день голосования. За последние три сезона выборы прошли в 26 субъектах Российской Федерации.

Так, явка избирателей 13 марта 2011 г. была 50,94% граждан, обладающих правом голоса. Рост составил 3% и 5%, по сравнению с 10 октября 2010 г. – 45,85%.

Повышение явки 13 марта наблюдалось и в сравнении с днем голосования в субъектах Федерации.

Если ранее участвовали 43,53% избирателей, то сейчас почти на 7,5% больше. Альтернативный взгляд на явку избирателей получается несколько пессимистичный, если ее сравнивать с выборами депутатов Госдумы России в декабре 2007 г. – минус почти 13,5%.

Наряду с ретроспективным взглядом на гражданскую активность избирателей объективно востребована оценка электоральной привлекательности правящей политической партии современной России – «Единой России».

Результаты указывают, что, с одной стороны, с увеличением явки уменьшается процент избирателей, проголосовавших за «единороссов», а с другой – электоральная привлекательность партии «Единой России» растет.

Если на прошлых выборах (декабрь 2010 г.) в этих же 12 субъектах Российской Федерации за нее проголосовали 44,41%, то в марте 2011 г. – 50,36%, что почти на 6% больше.

Простой подсчет отданных голосов свидетельствует, что партия получила почти на 750 тыс. избирателей больше, чем на предыдущих выборах в этих регионах.

В мартовских выборах принял участие каждый второй избиратель и каждый второй голосующий поддержал «Единую Россию».

Социально-экономическое развитие России после кризиса повлияло на качество жизни и благополучие россиян. Демонстрация восстановления докризисного уровня жизни является для избирателей недостаточным. Россияне ожидают качественно новых позитивных изменений, которые с партией «Единая Россия» не всегда ассоциируют.

Так, электоральный вес бренда первого лица партии находится в пределе 10–20 % голосов избирателей.

Электоральный результат «Единой России» декабря – 2007 г. базировался на трех показателях: личном рейтинге популярности лидера, личных рейтингах популярности региональных руководителей, их умении эффективно использовать избирательные технологии[7].

В избирательном процессе важны не только результаты голосования (но и то, кто считает), но и сам факт участия в выборах.

Низкая электоральная активность менее 12,5 %, уклонение от голосования (абсентеизм), как правило, свидетельствуют не только о кризисе доверия к отдельным политикам, но и о разочаровании общества в функционировании всей политической системы.

Парламентская деятельность изнутри

Сначала посмотрим на возможную расстановку политических сил внутри парламента, ибо она, в конечном счете, определяет характер и результаты парламентской деятельности.

Так, парламент представляют политические партии, прошедшие в его состав. Их деятельность начинается с выборов и продолжается в период парламентской деятельности, хотя, например, Республиканская и Демократическая партии в США, Консервативная и Лейбористская партии в Великобритании свою активность проявляют, главным образом, в период избирательной кампании.

Как правило, тон парламентской деятельности задает партия, получившая на выборах большинство голосов избирателей. Она ищет союзников в лице оппозиционных партий, прежде всего из числа политических единомышленников. У них обычно одни интересы, и поэтому их парламентская деятельность носит характер соперничества при осуществлении своей программы, не предусматривающей слом существующего политического строя. Другое дело взаимоотношения господствующей партии с непримиримой оппозицией, например, в 2004 г. «Единой России» и «Справедливой России» с КПРФ в Государственной думе, которые защищают прямо противоположные взгляды (табл.).

Как видно, самый высокий накал конфликтности у КПРФ в отношениях с «Единой Россией» (24% выявленных в публикациях связей).

Конкурентный характер отмечен в 59% публикаций. Имелись незначительные проявления отношений контакта и партнерства (по 3%).

Палитра связей КПРФ со второй партией власти – «Справедливой Россией» еще не так богата. Поэтому здесь прежде всего в материалах СМИ выделяются отношения конкуренции (95% случаев).

Действительно, в парламентах большинства стран мира политические разногласия между партиями не носят антагонистического характера. Все споры решаются путем дискуссии, носящей

Таблица

Тип взаимосвязей между КПРФ и партиями «Единая Россия» и «Справедливая Россия»[8]

%

Партии / Тип связей	Конфликт	Конкурент	Контакт	Нейтральный	Партнер
КПРФ – «Единая Россия»	24	59	3	11	3
КПРФ – «Справедливая Россия»	5	95	0	0	0

подчас острый характер. Но в результате все решается мирным путем.

Другое дело разногласия в парламентах, где политические партии преследуют прямо противоположные социальные цели. Конечно, побеждает парламентская группировка, обладающая большинством, как, например, «Единая Россия» в Государственной думе. Но и в этом случае считается, что оппозиция, уступающая по численности, должна упорно отстаивать интересы своих избирателей путем использования парламентской трибуны в пропагандистских целях и повышения своего авторитета в массах.

Так поступает в Национальном собрании Франции и партия Ж.-М. Ле Пена, которую сейчас возглавляет дочь оппозиционера Мари Ле Пен). Подобным образом ведет себя и фракция КПРФ в Государственной думе Российской Федерации.

Рост независимости законодателей впервые возник на рубеже XIX–XX вв. и вызвал горячие дискуссии как среди специалистов, так и общественности.

Именно в это время рабочее движение таких стран, как Франция, Германия, Англия, Бельгия, Нидерланды, было удивлено и возмущено тем обстоятельством, что члены социал-демократических партий, избранные в парламенты благодаря поддержке этих партий и пролетариата, часто не следовали принципам классовой солидарности и блокировались с представителями буржуазии.

Позднее же измена законодателей своим предвыборным обещаниям и избирателям стала обычным делом и мало кого удивляла.

Общей чертой всех капиталистических стран является диспропорция в представительстве буржуазии и трудящихся. Лишь в некоторых европейских странах, да и то в течение довольно коротких периодов, в парламентах преобладали партии социалистического направления, которые традиционно опирались на массы. Но и при этом среди социалистов и социал-демократов было мало парламентариев, происходящих непосредственно, скажем, из рабочих или крестьян.

Например, в США, где влияние левых партий всегда было слабым, в конце 80-х годов в конгрессе не было ни одного промышленного или сельскохозяйственного рабочего, но зато насчитывалось 170 бизнесменов и банкиров, 25 крупных фермеров-капиталистов.

В определенной степени такое положение наблюдается и в российской Государственной думе.

В демократических государствах парламент избирается гражданами. Зачастую места в парламенте распределя-

ются для обеспечения прямой отчетности парламентария перед избирателями, принадлежащими к определенной географической, этнической, религиозной или иной группе. Эта непосредственная связь с избирателями является основой представительской функции парламента.

Парламент как квинтэссенция этих различий представляет убеждения и взгляды всего народа. Эффективное осуществление представительских функций парламентариями заключается в поддержании ими диалога со своими избирателями для выяснения их взглядов, а также в использовании своих полномочий (то есть принятие законов, участие в дебатах, составление парламентских запросов и т.д.) для озвучивания основанных на этих мнениях предложений.

Во многих странах парламентарии могут от имени своих избирателей лоббировать определенные проекты или финансовые инициативы. Представительская роль членов парламента подразумевает то, что они должны встречаться со своими избирателями и отчитываться о достигнутых результатах.

Парламент должен обладать институционными возможностями для осуществления представительской функции. Многие парламенты имеют службы связи с общественностью, которые обеспечивают обмен информацией между парламентом и обществом. У демократических парламентов также есть свои теле- и радиостанции, веб-сайты и издания, призванные обеспечить участие граждан в политических процессах. В некоторых странах парламенты выделяют парламентариям финансирование для создания офисов по связям с избирателями и покрытия командировочных расходов.

С представительской тесно связана другая функция парламента – обратной связи. Как и всякая саморегулирующаяся система, государственный механизм любой страны нуждается в каналах связи с объектом ее воздействия, то есть членами общества. Это необходимо для того, чтобы оценивать последствия тех или иных акций и учитывать результаты этих оценок в последующей деятельности. Без этой обратной связи государственный аппарат не в состоянии долго поддерживать достаточную социальную базу для реализации своего политического курса.

Из предыдущей функции логически вытекает и другая – мобилизация поддержки со стороны граждан в пользу политического руководства. Это одна из самых ранних функций представительных учреждений, унаследованная ими от эпохи ранних буржуазных революций, когда нужно было сплачивать народ на борьбу против феодальной реакции или внешней агрессии.

При целенаправленном воздействии на рядовых граждан происходит своего рода социально-психологическая самоидентификация избирателей с законодателями, вырабатывается чувство групповой общности и причастности к государственному управлению. Основываясь на этой социальной поддержке, парламентарии заявляют о наличии у них «мандата народа», который позволяет им творить законы и политику от его имени.

СМИ постоянно пытаются дискредитировать парламентские дискуссии как пустую болтовню и ненужную трату народных средств на содержание депутатов; здесь формируется оппозиция. Чтобы парламентская оппозиция стала постоянным субъектом эффективной борьбы за реальные, причем общие, а не корпоративные интересы народа, нужны существенные политические и правовые предпосылки:

– конституционное закрепление за Федеральным собранием Российской Федерации контрольных функций за

деятельностью правительства и ограничивающих единовластие президента Российской Федерации;

– объективная систематическая информация общественности (через СМИ) о дискуссиях в Федеральном Собрании Российской Федерации и ее фактических результатах;

– всестороннее освещение и анализ в периодической прессе конфликтных ситуаций, возникающих и разрешающихся в парламенте, и др.

Выборам, по определению, присуща честность, открытость, гласность. Публичный характер избирательного процесса всегда проявлялся в его освещении, разъяснении посредством межличностного общения или через СМИ всем и обо всем.

Автор предлагает говорить о трех временных периодах, в рамках которых решается задача информированности и формирования мнения избирателей.

Первый – предвыборный период

Обнародование в СМИ результатов соцопросов предпочтений и электоральной готовности избирателей проголосовать за того или иного субъекта избирательной гонки на протяжении последних кампаний выступает чуть ли не основным инструментом влияния.

По итогам выборов 13 марта 2011 г. видно, как опубликованные в СМИ результаты опросов отличаются от результатов голосования избирателей. В информационном поле преувеличение рейтинга «Единой России» при одновременном преуменьшении рейтинга других партий не подкрепилось после подсчета голосов. Следствием этого явилось сформированное еще большее недоверие к получаемой информации о ходе предвыборной кампании.

Второй – собственно выборный период.

Здесь информирование граждан включает сообщения о начале голосования, ходе голосования, реальной и прогнозируемой явке. Организуемая разъяснительная деятельность в день выборов реально способна повлиять на увеличение или уменьшение явки избирателей. Кроме того, введение в некоторых регионах альтернативной системы голосования (переход от бумажной к электронной форме) создало некую дополнительную интригу: было интересно наблюдать, как роль членов избиркомов при подсчете голосов предельно минимизируется, а технический протокол оформляется через несколько минут после голосования.

Третий – поствыборный период.

Он включает анализ объективной статистики результатов с позиции не только победы, но и конъюнктуры.

Больше всех, пожалуй, постоянная связь и координация борьбы с внепарламентской активностью нужна оппозиции. Тем не менее последняя еще не смогла овладеть механизмами ее стимулирования.

Не парламентаризмом единым

Важным дополнением к парламентаризму являются публичные мероприятия.

Право граждан проводить публичные мероприятия относится к группе политических прав, что позволяет представить определенные способы выражения общественного мнения как форму политической борьбы, как форму участия в политической жизни.

Право на публичные мероприятия (ст. 31 Конституции России) вытекает из свободы мысли и слова (естественные, неотчуждаемые свободы) и наследует их естественный, неотчуждаемый характер, являясь правом человека.

Признаком, объединяющим собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикетирование, является цель – свободное обсуждение проблем, касающихся

политики органов государственной власти или протеста против них, стремление сделать свою позицию в том или ином вопросе достоянием общественности, принудить органы государственной власти к принятию каких-либо решений.

Запрет для оппозиции собираться, организовываться открыто, доводить свое мнение до органов государственной власти и местного самоуправления ведет к созданию таких организаций, как тайные общества и конспиративные кружки.

После федеральных выборов по избранию депутатов Государственной думы четвертого созыва, где конституционное большинство получила партия «Единая Россия», и переизбрания В.Путина на второй президентский срок новый проект закона, внесенный правительством страны, быстро прошел все этапы и вступил в законную силу. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», несмотря на детальную регламентацию организации и проведения акций, можно оценить как либеральный.

Публичное мероприятие определяется названным законом как «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений. Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики».

Законодательство предусматривает несколько разновидностей публичных мероприятий: собрание, митинг, демонстрация, шествие, пикетирование.

Вместе с тем число публичных акций, проводимых политическими партиями и движениями, остается значительным. Сказанное выше в наибольшей степени проявляется в период предвыборных кампаний, в ходе которых задействован обширный арсенал политических технологий, которые большинство исследователей разделяют на собственно *PR*-технологии, к которым в политической науке более всего применимо определение «деструктивные».

При проведении публичных мероприятий часто применяются элементы обоих видов политических технологий.

Так, наряду с раздачей агитационных материалов в ходе митингов нередко распространяются слухи компрометирующего характера о политических противниках, провоцируются силовые действия со стороны сотрудников правоохранительных органов и пр.

Анализ общественно-политической активности в нашей стране позволяет сделать вывод о том, что публичные мероприятия приобретают все большую популярность не только среди оппозиционных, но и лояльных к власти политических сил. Причем на современном этапе политического развития нашей страны и у тех и у других просматривается подход к публичным мероприятиям именно как к политической технологии.

Публичные мероприятия как политическая технология, используемая политическими партиями и движениями, характеризуется, прежде всего, с точки зрения влияния на общественное мнение. Это влияние осуществляется за счет использования приемов массовой коммуникации, собраний, публичного выступления, манипулирования массовыми настроениями.

Формирование общественного мнения – ключевой аспект публичной политической деятельности, оно отражает динамический процесс формирования межличностных и групповых коммуникаций по различным значимым соци-

альным, экономическим и политическим вопросам.

Общественное мнение можно рассматривать как социальную силу, которая через механизмы воздействия на общество, передачу широкого спектра социальных норм, ценностей, традиций участвует в регулировании общественных отношений. Наибольший эффект достигается при воздействии на относительно устойчивые целевые группы общественности, например, на традиционную для КПРФ возрастную категорию – пенсионеров, а также на приоритетные, с точки зрения ситуативного подхода, группы общественности, сформировавшиеся вокруг одного или ограниченного числа взаимосвязанных интересов. Примером являются попытки целого ряда политических сил использовать в своих целях социально активные и относительно сплоченные группы обманутых дольщиков жилищного строительства.

Выступления на публичных мероприятиях позволяют политическим деятелям применять приемы вербального и невербального общения.

Относительная малочисленность проводимых публичных мероприятий объясняется не только падением интереса населения к политике (за исключением периодов предвыборных кампаний, когда под воздействием усиленной агитационной риторики политизация населения заметно возрастает) либо ненадлежащей организационной подготовкой, но в значительной степени ориентированностью на освещение акции в СМИ.

Так, в практике партии «Единая Россия» распространение получили небольшие по масштабу и короткие по длительности митинги и пикеты, на которые приглашаются представители СМИ.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что публичные мероприятия как формы политической борьбы востребованы в практике парламентаризма как политических партий и движений различной идеологической направленности, так и отдельных политических деятелей. При этом проводимые акции, как правило, не отличаются массовостью. Будучи неотъемлемой составной частью политических и избирательных кампаний, публичные мероприятия являются политической технологией массовых коммуникаций и используют большой набор приемов воздействия на различные группы населения[9].

Следовательно, конституционное право на свободу собраний, митингов, шествий, демонстраций и пикетирования является высшей формой других конституционных прав личности, в частности свободы мысли, слова, совести. В связи с этим конституционное право на свободу публичных мероприятий, которые дополняют парламентскую деятельность, не следует относить к числу абсолютных прав, и оно может быть ограничено. И здесь важно найти те границы, за которые не должны переходить граждане в пользовании правом на публичные мероприятия. Но это должны хорошо понимать и политические партии и движения накануне выборов в Государственную думу страны.

Таким образом, парламентская деятельность сообщества является важным средством борьбы за власть, предполагающим мирное разрешение острых социальных конфликтов на основе официального волеизъявления народных масс.

Это вполне закономерная акция со стороны господствующей политической силы для удержания в повиновении избирателей.

Существенным дополнением к парламентской борьбе являются публичные мероприятия, которые властями разрешаются с единственной целью – сбить социальное напряжение во избежание возникновения взрывной ситуации.

Примечания

[1] Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // [электронный ресурс, 16.07.2011]: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstitucija_shvecii.asp

[2] Конституция Соединенных Штатов Америки от 17 сентября 1787 г. // Под ред. О.А.Жидкова. Пер. В.И. Лафитского. М.: Прогресс, Универс, 1993.

[3] Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г.

[4] Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации».

[5] http://www.garant.ru/news/291277/

[6] Закон Верховной Рады Украины от 25 марта 2004 г. № 1665-IV «О выборах народных депутатов Украины».

[7] *Назаренко С.* Выборы в России: прошлое и настоящие // Наша власть: дела и лица. 2011. № 03-04 (113). С. 30.

[8] ЦИПКР. По данным системы «Медиалогия» // http://www.cipkr.ru/research/ind/28012007vz.htm

[9] *Шмырев М.* Публичные мероприятия как форма политической деятельности: Журнал «Власть». 2008. № 12.С. 68–70.

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России»–«Хроника» (1985–2009гг.) на CD; информация и аналитика;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах.

Политическая партия как социальная организация

Проблемы становления

ЛЮДМИЛА ЯСЬКОВА

Пропорциональная система выборов в Государственную думу и часть законодательных органов в регионах предполагают выход на первый план коллективистских мотивов вступления в ту или иную политическую партию и голосования за нее или ее кандидатов. В единое партийное пространство людей объединяют такие понятия, как общность людей и общность идей.

Политическую партию можно рассматривать как структурно-функциональную партийную общность людей, связанных общностью идей.

Для воссоздания партийного пространства используем модель, основанную на количественной характеристике численности людей на каждом уровне, которая будет включать два фактора: мотивацию политического участия и электоральную активность.

Первый фактор – электоральная активность – характеризует позицию избирателей по отношению к выборам и подразделяется на две степени активности:

– первая степень – активный избиратель, принимающий участия в выборах;

– вторая степень – пассивный избиратель, не принимающий участия в выборах.

На рис. 1 эти уровни разделены вертикальной пунктирной линией, что ха-

ЯСЬКОВА Людмила Валерьевна – депутат Липецкого областного совета депутатов, ассистент кафедры новейшей истории России (ГОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет»); аспирант кафедры философии и социально-политических теорий. E-mail: rpp_lipetsk@mail.ru

Ключевые слова: коллективизм, миссия, идеология, электоральная активность, политическое пространство, мотивация политического участия, иерархическая структура, сетевая организация.

Рис. 1. Модель партийного пространства

рактеризует изменение удельного веса пассивных и активных избирателей от выборов к выборам. На основе фактора электоральной активности можно сделать выводы о результативности работы партии как с ее членами, так и с населением в целом.

Второй фактор – мотивация политического участия – характеризует отношение человека к политическому процессу и его участия в нем.

Здесь можно выделить шесть уровней (чем выше уровень, тем более сильная мотивация): функционер, член партии, сторонник, неопределившийся, протестующий, игнорант (рис. 1).

1. Функционер – элемент партийной общности, организующий политическую партию, обеспечивающий ее функционирование. Как правило, функционерами являются руководители партии, представители партии во власти и ведущие сотрудники аппарата.

2. Член партии – лицо, формально вступившее в политическую организацию. Члену партии выдается партий-

ный билет. Он ежегодно уплачивает партийные взносы, имеет право принимать участие во всех мероприятиях партии, избирать и быть избранным в руководящие и контрольные органы партии, быть выдвинутым в органы власти и управления всех уровней.

3. Сторонник, или симпатизант[1] – избиратель, заявляющий о своем благосклонном отношении к доктрине партии и периодически оказывающий ей поддержку, но не являющийся членом партии.

4. Неопределившийся – избиратель, не имеющий четко выраженных политических убеждений и электоральных предпочтений, но в целом не против участия в политической жизни страны.

5. Протестующий – избиратель, который против сложившейся политической ситуации.

6. Игнорант – избиратель, не интересующийся политической жизнью в стране.

По уставу политической партии ее основу составляют региональные, местные и первичные отделения, которые создаются по территориальному признаку.

Руководящими органами партии являются съезд и высшие политические руководящие органы («Единая Россия» – Президиум Генерального совета, КПРФ – Центральный комитет, ЛДПР – Высший совет и т.д.). Съезд правомочен решать все вопросы, связанные с деятельностью партии, в том числе изменять структуру и компетенцию руководящих органов.

Партия является юридическим лицом, создается и действует на основе принципов добровольности, самоуправления, законности, не отвечает по обязательствам государства и его органов, имеет эмблему, флаг и гимн.

Региональные отделения партии создаются по решению главных руководящих органов партии и имеют статус юридического лица. Руководящие органы регионального отделения – конференция и соответствующий коллегиальный орган, который из своего состава избирает председателя. Региональное отделение имеет право выступать от имени всей партии по вопросам, имеющим общероссийское политическое и общественное значение, только будучи уполномоченным на это главными руководящими органами.

Местные отделения создаются в городах, районах и других административно-территориальных единицах для координации и организации работы первичных отделений, которые объединяются в региональные структуры. Решение о создании местного отделения принимаются высшими руководящими органами партии либо по собственной инициативе. Руководящими органами являются общее собрание и председатель.

Первичное отделение создается по месту жительства членов партии в пределах дома, квартала, микрорайона, иных территориальных единиц, входящих в состав муниципальных образований. Первичное отделение организуется по решению региональных органов партии при наличии заявлений не менее 10 членов партии. Руководящим органом является собрание членов первичного отделения, которое из своего состава избирает председателя.

Из этого описания видна прямая иерархическая структура политической партии, где прослеживается единоначалие (у каждого члена организации один начальник), жесткая функциональная специализация, преимущественная роль «вертикальных» взаимодействий, поступательное развитие.

Чтобы понять процесс образования партии, вычленить исходный социальный базис, механизм вовлечения членов, используем метод, который основывается на одном включенном наблюдении, а не на всей их совокупности. Объектом такого наблюдения возьмем региональное отделение политической партии.

Такой подход хорошо согласуется с обоснованной в свое время Ареном Лейпхартом стратегией «порождающих гипотезы исследований случаев» (*hypothesis generating case studies*)[2].

Объект наблюдения – создание Липецкого регионального отделения политической партии «Российская партия

пенсионеров» (РПП), так как данное региональное отделение образовалось в Липецкой области в 2004 г., не имея базовой структуры в регионе.

Рассматриваемый период – с 2004 г. по октябрь 2006 г., момента объединения политических партий «Родина», «Российская партия жизни» и «Российская партия пенсионеров» в политическую партию «Справедливая Россия».

Законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» были определены критерии и требования: политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, то есть не менее 46 региональных отделений. Кроме того, численность членов партии в региональном отделении этих субъектов Федерации должна быть не менее 100 чел., в остальных – не менее 50. Председатель «Российской партии пенсионеров» В.Гартунг, возглавивший партию в марте 2004 г., стал активно создавать новые региональные отделения партии. В Липецкой области ставка была сделана на активного участника избирательных кампаний в качестве сборщика подписей, агитатора, пиар-технолога избирательных кампаний в г. Липецке Артура Яськова.

Липецкое региональное отделение РПП было зарегистрировано Управлением Федеральной регистрационной службы по Липецкой обл. 5 апреля 2004 г. Количество членов на момент создания – 100 чел. (большинство заявлений было собрано по принципу 10 руб. за человека, и к 2005 г. большинство этих людей были исключены из партии по п. 3. 10 Устава «за утерю связи с партией»).

Электоральный рейтинг политической партии «Российская партия пенсионеров» в округе № 102 (Липецкая обл.) по данным Тульского информационно-аналитического центра «Статус» на 22 сентября 2003 г. составлял 1,1%.

Мотив заниматься партстроительством в регионе был один – возможность стать депутатом законодательного органа любого уровня.

Работа по привлечению членов в партию велась среди городских Советов ветеранов и военной службы, и к июню 2004 г. был сформирован актив в составе 10 чел. Председателем Липецкого городского местного отделения политической партии РПП была избрана ассистент кафедры истории и экономической теории Липецкого государственного педагогического университета Яськова Людмила Валерьевна, 1971 г. р.

Активу была поставлена задача, привлечь по 10 убежденных сторонников РПП. К октябрю 2004 г. в партии состояло 102 активных члена, проживающих в г. Липецке. К этому моменту удалось достигнуть договоренности с двумя липецкими бизнесмена – Чеботаревым В.Н., директором ООО «Липецкглавснаб», и Курочкиным А.А., директором ООО «Спецпромснаб», о финансовой поддержке партии; взамен предлагалось использование бренда партии на предстоящих выборах в Городской совет депутатов г. Липецка.

Информационную поддержку партии стала осуществлять ежемесячная партийная газета «Старая гвардия» в Липецкой области. Региональные СМИ материал на публикацию брали только на коммерческой основе.

Для сравнения: 10 тыс. экземпляров газеты стоили 5 000 руб., одна публикация в региональном СМИ – от 1000 до 3000 руб.

Газета распространялась бесплатно среди членов партии, на пикетах и стационарных точках в продуктовых магазинах по г. Липецку.

Избирательная кампания Яськовой Л.В., кандидата от «Российской партии пенсионеров», строилась главным образом на личных встречах с населением избирательного округа № 21, и в этом ей активно помогали члены партии, которые обходили дома, раз-

носили партийную газету, листовки с биографией кандидата и программой партии, приглашали избирателей на встречи. Бюджет кампании составил 60 тыс. руб.

Первоначальный рейтинг Яськовой Л.В. на октябрь 2004 г. по избирательному округу, то есть на начало избирательной кампании составлял 0% (РПП – 1,1%), кандидат не проживал в данном округе, сопричастность определялась работой в Липецком государственном педагогическом университете и близостью с избирательными округами Чеботарева В.Н. и Курочкина А.А., чтобы показать массовость кандидатов от РПП.

В поддержку кандидата в депутаты была собрана 281 подпись. На встречах присутствовало около 150 избирателей.

Итогом выборов стало 2-е место – 16,81%, или 581 избирателей поддержали кандидатуру в депутаты от РПП, уступив 1-е место самовыдвиженцу, члену политической партии «Единая Россия», действующему депутату Коротаеву А.С., набравшему 52,21% или 1805 голосов, 3-е место занял кандидат от КПРФ Трофимов В.Ю. – 10,59% (366 голосов).

Самовыдвиженцы – члены политической партии «Российская партии Пенсионеров», Чеботарев В.Н. занял 1-е место по округу № 22 – 59,43% (представитель «Единой России», действующий депутат Юров В.А. получил 14,81%) и Курочкин А.А. – 61,48% (от «Единой России» Тихонов А.В. получил 20,16%), также заняв 1-е место по округу № 23, – стали депутатами Липецкого городского Совета третьего созыва.

Стоит отметить, что выдвижение кандидатов в депутаты согласовывалось с Центральным советом политической партии «Российская партия пенсионеров» в соответствии с уставом, но в избирательную кампанию руководство партии не вмешивалось.

На данном этапе развитие функции собственно партии как организации, способной непосредственно воздействовать на политическую жизнь, привело к тому, что выборы использовалиь для пропаганды самой партии. Фактически назначенные партией кандидаты в депутаты выносятся на всенародное одобрение, для чего проводится развернутая пропаганда. Роль патии состоит в том, что система возрождает технику плебисцита: личный плебисцит по поводу одного человека заменяется коллективным – по поводу ин- ститута.

2005 г. стал годом развития Липецкого регионального отделения политической партии РПП.

6 февраля 2005 г. на внеочередной конференции регионального отделения, где присутствовало 64 чел. (более 50% реальных членов партии), председателем Липецкого регионального отделения была единогласно избрана Яськова Л.В.

Появление на политической арене активного политического игрока стало главным информационным поводом на страницах региональных СМИ и местном телевидении. С этого момента начался постоянный приток активистов в партию «с улицы». Таким образом, проявился естественный процесс расширения рядов партии; следует отметить, что и на данном этапе строительства партии идеология играла значительную роль: идеи становились тогда консенсуальными, когда акторы начинали верить в их ценность и обоснованность. С расширением партийного пространства необходимо было открывать местные отделения в районах области.

Поиск функционеров в районных городах велся по личным связям и рекомендациям. Процесс был сложным, так как убедить человека, проживающего в деревне с консервативным менталитетом в том, что есть партия, которая будет защищать его права во властных структурах, было практически невозможно.

После получасового объяснения 70-летнему Кочетову И.Н., проживающему в Добровском районе и возглавлявшему в с. Каликино организацию «Общество инвалидов», сущности деятельности РПП, Иван Николаевич стал меня поддерживать, соглашаться, но на вопрос «За кого будете голосовать на выборах?» ответ был однозначным: «За КПРФ!».

Остро проявился кадровый вопрос: функционеры не обладали навыками организации и убеждения. Возраст (большинству активистов было за 60 лет) не позволял выезжать в отдаленные районы области или приезжать в региональный центр.

Итогом работы по районам стало открытие к маю 2006 г. шести местных отделений партии: Данковский район – 25 членов; Задонский – 20; Краснинский – 22; Становлянский район – 20; Тербунский – 23. В остальных 11 районах были подобраны активисты, которые проводили агитационную работу за партию без создания местных отделений.

Липецкое местное отделение, насчитывавшее 500 чел., было разделено по районам г. Липецка на Советское, Октябрьское, Правобережное и Левобережное отделения.

По социальному составу члены партии распределялись следующим образом: 80% – пенсионеры; 1% – предприниматели; 1% – работники образования; 15% – работники сферы торговли; 3% – работники производственных предприятий.

Главная проблема организационной структуры состояла в том, что первичные отделения по уставу можно было организовывать по территориальному признаку, а люди вступали в партию по сетевому принципу, то есть по личным связям, и у каждой группы был свой куратор.

В ноябре 2005 г. вступление в партию было приостановлено, так как нависла угроза закрытия регионального отделения в Липецкой обл.

26 сентября 2005 г. по заявлению С.Атрошенко Таганский районный суд Москвы постановил, что решение съезда РПП об избрании В.Гартунга ее руководителем является недействительным. 17 декабря 2005 г. председателем РПП избран вице-губернатор Тульской обл. Игорь Зотов. В феврале 2006 г.

Центральным руководством партии было принято решение оставить региональное отделение политической партии РПП по Липецкой области в составе Общероссийской политической партии «Российская партия пенсионеров».

8 октября 2006 г. должны были состояться выборы в Липецкий областной совет депутатов четвертого созыва, который впервые должен был избираться в соответствии с требованием Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» где половина состава законодательного органа обязана избираться по пропорциональной системе по закрытым спискам при заградительном барьере 7%.

За данный период партия прошла успешную социализацию в обществе.

Было организовано несколько митингов совместно с КПРФ, где присутствовало от 500 до 3000 чел. (против отмены льгот пенсионерам – 18 января 2005 г.; в поддержку военных пенсионеров 26 марта 2005 г., 23 февраля 2006 г.; против реформы ЖКХ 28 января 2006 г.).

Члены партии активно сотрудничали на переговорных площадках, круглых столах по всем вопросам общественно-политической жизни региона с другими политическими партиями, общественными организациями и органами власти.

Для членов партии обязательным условием было участие в партийных конференциях, проходивших один раз в полгода.

В сентябре 2006 г. для членов и сторонников партии был организован концерт с участием Эдиты Пьехи в Липецке и Ельце.

Действовала сеть общественных приемных. В связи с тем что основной контингент партии составляли пенсионеры, партийные взносы не собирались. Мероприятия финансировались за счет пожертвований юридических лиц.

Значительным событием в жизни липецких партийцев был приезд на межрегиональную партийную конференцию председателя Центрального Совета «Российской партии пенсионеров» Игоря Зотова и руководителей 15 региональных отделений партии Центрального федерального округа. Конференция состоялась 11 сентября 2006 г. и была посвящена обсуждению проекта новой редакции программы партии.

Вышеуказанные мероприятия сопровождались освещением в партийной газете «Старая гвардия», региональных СМИ и местных телевизионных программах.

По данным социологического опроса, на сентябрь 2006 г. по Липецкой обл. (всего респондентов – 2686) рейтинг «Российской партии Пенсионеров» составлял по области от 5,0% до 8%.

На выборы в Липецкий областной совет депутатов четвертого созыва было выдвинуто 12 кандидатов.

Тройку лидеров составляли Яськова Л.В., председатель партии, Курочкин А.А., депутат Липецкого городского совета, директор ООО «Спецпроиснаб», Лелецкий В.Д., пенсионер, возглавляющий Совет ветеранов войны и военной службы.

Идея социальной справедливости пронизывала всю избирательную кампанию.

Результаты двухлетней работы по партийному строительству : «Российская партия пенсионеров» получила 11,1% (46 199 голосов) или четыре мандата в Липецком областном совете; конкурс в региональный законодательный орган составил в среднем 5 кандидатов на одно депутатское место. При этом среди всех 338 зарегистрированных кандидатов 91% – выдвиженцы политических партий.

Финансовые возможности у партий оказались разными.

По сведениям избирательной комиссии, в избирательный фонд:

– «Единой России» перечислено 18,5 млн руб.;

– партии «Жизни» – 12,8 млн руб. (включая залог 4,5 млн руб.);

– партии «Народная воля» – 12 млн руб. (включая залог);

– партии «Пенсионеров» – 9 млн (из них 4,5 млн было возвращено. Партия «Пенсионеров» была зарегистрирована по собранным подписям);

– партии «Патриоты России» – 3,6 млн;

– ЛДПР – 1,5 млн;

– ДПР – 1 млн;

КПРФ – 190 тыс.[3]

Таким образом, изучив одну из организационных структур политической партии, мы наблюдаем принцип сетевой организации, который имеет ряд определенных характеристик: многоначалие (у каждого члена организации несколько начальников), динамичность, нечеткая функциональная специализация, преимущественная роль «горизонтальных» взаимодействий, развитие через кризисы.

Основные принципы функционирования сети:

– использование слабых связей;

– включение большого числа объектов;

– опосредованность влияния.

Следовательно, предлагаемый подход применительно к политической партии основан на расширении партийного состава и решении организационных вопросов за счет цепочек знакомств, слабых социальных связей.

Здесь важно отметить, что если бы все общество было разделено на формальных членов партий, то конкуренция системообразующих идей стала бы невозможна в

силу отсутствия люфта между избирательными объединениями. Вот почему так существенно определять политическую партию не как формальную организацию, а как общность людей, состоящих из функционеров, членов партии, симпатизантов, неопределившихся, протестующих, игнорантов. В связи с тем что мир постоянно эволюционирует, основным свойством политической партии должна стать гибкость функционирования – способность приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Примечания

[1] *Дюверже М.* Политические партии / пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000. С. 115.

[2] *Lijphart A.* Comparative Politics and Comparative Method // American Political Science Review. 1971. Vol. 65. P. 682–693.

[3] *Волин В.* Первый шаг к двухпартийной системе сделали липчане на выборах в Областной совет // «Регион-Центр». Центральный федеральный округ. Спецвып. 2006. (42) С. 36–41.

Подписка на 2011 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”

в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Контрабанда на гребне третьей волны либерализации УК России

АНАСТАСИЯ МАЯКОВА

Контрабанда является сегодня одним из самых распространенных экономических преступлений, количество которых, по данным МВД, с каждым годом увеличивается. В то же время в марте 2011 г. Президентом России был внесен на рассмотрение в Государственную думу очередной пакет поправок в Уголовный кодекс России, согласно которому предполагается признать утратившей силу ст. 188 УК РФ («Контрабанда»), а гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» дополнить ст. 2261 УК РФ («Контрабанда»), предусматривающей ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза либо Государственную границу России с государствами-членами Таможенного союза предметов, изъятых из гражданского оборота или в отношении которых установлены специальные правила перемещения.

К таким предметам относят: взрывчатые, радиоактивные вещества, радиационные ядерные материалы, оружие, а также стратегически важные товары, ресурсы, культурные ценности.

А гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» дополнить статьей, устанавливающей ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и инструментов, используемых для их изготовления[1].

Состав контрабанды действительно нуждается в доработке.

Проблемными вопросами, требующими исследования и последующего разрешения, являются:

МАЯКОВА Анастасия Станиславовна – кандидат юридических наук. E-mail: mayakova-70@mail.ru

Ключевые слова: контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей, место совершения контрабанды, контрабанда леса, животных.

– выявление и квалификация фактов уголовно наказуемой контрабанды;

– установление момента окончания контрабанды;

– отграничение ее от смежных составов преступлений и от административных правонарушений;

– существование «товарной контрабанды».

Также необходимо согласование и унификация уголовного законодательства и практики его применения иностранными государствами, с которыми Россия имеет общие границы или интересы, прежде всего с государствами, которые являются участниками Таможенного союза. Данным вопросам в научной литературе уделено немало внимания, однако трудности при квалификации содеянного возникают до сих пор.

Рассмотрим некоторые из этих проблемных вопросов подробнее.

Непосредственный объект контрабанды

Контрабанда помещена законодателем в раздел «Преступления в сфере экономики», главу «Преступления в сфере экономической деятельности». Однако непосредственный объект контрабанды «установленный государством порядок и правила перемещения в крупном размере товаров и предметов через таможенную границу, обеспечивающие экономическую стабильность и безопасность России»[2], выходит за рамки даже родового объекта посягательства. «Главная цель большинства контрабандистов – незаконное перемещение материальных ценностей и получение максимальной выгоды» – видимо, так рассуждал законодатель, помещая данный состав в главу «Преступления в сфере экономической деятельности». Однако, например, оружие может перемещаться через таможенную границу России одним из способов, ответственность за которые предусмотрена в ст. 188 УК РФ, но совершаться при этом с другими целями.

Каков объект посягательства в этом случае?

Проблема состоит в том, что контрабанда – многообъектное преступление.

В зависимости от вида незаконно перемещаемого товара или иного предмета и преступных целей, преследуемых виновными, непосредственным объектом посягательства при совершении контрабанды могут стать общественная безопасность, здоровье населения, экологическая безопасность и др. Причем в случае, например, контрабандного ввоза наркотиков или оружия здоровье населения или безопасность общества выступают в качестве основного непосредственного, а не дополнительного объекта. Поэтому ряд авторов предлагает выделить контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также контрабанду оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в самостоятельные составы преступлений, поместив их соответственно в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» и гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», а также дополнить гл. 26 «Экологические преступления», ответственностью за «Контрабанду животных и растений»[3,4].

Частично эти предложения нашли свое отражение в рассматриваемом Государственной думой Федерального собрания РФ законопроекте. Однако во всех этих случаях объективная сторона составов будет выражаться в совершении тождественных действий в отношении разных предметов, а в ряде случаев даже, возможно, придется говорить о совокупности этих составов.

Проблема привлечения к уголовной ответственности за контрабанду существует не только в нашей стране.

Обратимся к опыту некоторых стран Содружества Независимых Государств, чтобы посмотреть, как там решается вопрос ответственности за контрабанду. Уголовные кодексы стран Содружества независимых государств имеют единую основу – Модельный уголовный кодекс, в котором для стран СНГ с учетом специфики объекта посягательства различают два вида контрабанды.

Во-первых, это экономическая контрабанда (ст. 278 Модельного УК), а во-вторых, контрабанда как преступление против общественной безопасности (ст. 198 Модельного УК). Предметом второго вида контрабанды выступают наркотические средства, психотропные, сильнодействующие, ядовитые и другие опасные вещества, вооружение, военная техника, оружие массового поражения и другие опасные вещества, средства или предметы[5].

Законодатели ряда государств-участников СНГ восприняли рекомендации Модельного уголовного кодекса.

Так, в УК Республики Узбекистан выделено два вида контрабанды: как преступление против общественной безопасности (ст. 246 УК РУ «Контрабанда») и экономическая контрабанда (ст. 182 УК РУ «Нарушение таможенного законодательства»)[6].

УК Республики Казахстан также предусматривает ответственность за контрабанду двух видов: это также преступление в сфере экономической деятельности, а также преступление против общественной безопасности (ст. 209 «Экономическая контрабанда» и ст. 250 «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено»)[7].

Однако согласно уголовным законам большинства стран-участниц СНГ контрабанда является преступлением, посягающим на отношения в сфере государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля.

Это, например, УК Республики Молдова[8], в котором ст. 248, предусматривающая ответственность за контрабанду, в основном построена традиционно. Она помещена законодателем в гл. 10 «Экономические преступления». Особенности наблюдаются в построении квалифицирующих признаков (статья состоит из шести частей).

К преступлениям в сфере осуществления внешнеэкономической деятельности контрабанду относят и УК Республики Беларусь (ст. 228), УК Республики Армения (ст. 215) и ряда других стран.

В странах Западной Европы, напротив, принято рассматривать контрабанду в качестве финансового правонарушения, разновидности уклонения от уплаты налогов (таможенной пошлины)[9].

Какой же подход более справедлив? Какой из них следовало бы взять на вооружение? Для того чтобы это выяснить, необходимо прежде всего сравнить ст. 188 УК РФ («Контрабанда») со ст. 194 УК РФ («Уклонение от уплаты таможенных платежей»).

Соотношение «контрабанды» и «уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица»

Обе статьи помещены законодателем в раздел «Преступления в сфере экономики», главу «Преступления в сфере экономической деятельности».

Составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 188 и ст. 194 Уголовного Кодекса Российской Федерации, смежные.

Так, Т.Н.Кастрикина в качестве двух основных различий для составов ст. 188 и 194 УК РФ указывает:

– во-первых, объем перемещаемого товара;

– во-вторых, предмет части 2 ст. 188 УК РФ[10].

Непосредственный объект уклонения от уплаты таможенных платежей составляет установленный федеральным законом порядок общественных отношений, складывающихся по поводу исчисления и уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций и физических лиц[11].

Как было отмечено, непосредственным объектом контрабанды выступает «установленный государством порядок и правила перемещения в крупном размере товаров и предметов через таможенную границу, обеспечивающие экономическую стабильность и безопасность России»[2]. Следует сразу напомнить, что данный непосредственный объект контрабанды можно отнести лишь к ч. 1 ст. 188 УК РФ.

Таким образом, отличие контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей формально прослеживается по непосредственному объекту.

Объективную сторону контрабанды характеризуют такие обязательные признаки, как деяние (действие по перемещению товара или иного предмета), место совершения этого деяния (таможенная граница) и способ его совершения (как минимум один из пяти альтернативных способов, указанных в ст. 188 УК РФ:

1) помимо таможенного контроля;

2) с сокрытием от таможенного контроля;

3) с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации;

4) сопряженное с недекларированием;

5) сопряженное с недостоверным декларированием).

Но, как было отмечено, суть контрабанды, ответственность за которую предусмотрена ч. 1 ст. 188 УК РФ, заключается в незаконном перемещении через таможенную границу материальных ценностей с целью получения материальной выгоды от их последующей продажи. Объективная сторона преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 194 УК РФ, совершается путем бездействия (уклонение от уплаты любого из таможенных платежей, взимаемых с организаций или физического лица и составляющих предмет этого преступления в крупном размере).

Способы совершения данного деяния (ст. 194 УК РФ) законодателем отнесены к числу факультативных.

«Уклонение от уплаты таможенных платежей может осуществляться путем укрытия перемещаемого товара, занижения его стоимости, предоставления неверной информации о его принадлежности или назначении либо полной или частичной неуплаты начисленных таможенных платежей»[12].

Таким образом, любой из способов, которым осуществляется контрабанда, может быть применен субъектом в случае, когда он желает уклониться от уплаты таможенных платежей.

Представляется, что в подобных случаях речь должна идти о совершении лишь одного преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица). Но на практике это возможно лишь при исключении уголовной ответственности за контрабанду, предусмотренной ч. 1 ст. 188 УК РФ.

Одним из моментов, на которые пытаются опереться сотрудники правоохранительных органов, квалифицируя содеянное, является объем перемещаемого товара.

Так, в ч. 1 ст. 188 УК РФ речь идет о совершении контрабанды на сумму, превышающую один миллион пятьсот тысяч рублей. А ответственность по ч. 1 ст. 194 УК РФ наступает в том случае, если сумма неуплаченных таможенных платежей превышает три миллиона рублей.

Однако объем перемещаемого товара нельзя учитывать для отграничения ст. 188 и 194 УК РФ. Данный признак имеет значение лишь для квалификации содеянного как преступление.

Так, Т.Н.Кастрыкина справедливо отмечает, что «такое лицо в силу характера совершенных им действий просто не имеет возможности уплатить необходимые таможенные платежи, не раскрывая факта совершения контрабанды»[10].

Да и не стало бы оно осуществлять контрабанду тех предметов, оборот которых не запрещен и не ограничен, если бы не желало сэкономить на таможенных платежах.

Итак, разграничить составы ст. 188 и 194 УК РФ только по объективной стороне, не обратившись к субъективной, не представляется возможным.

Субъективная сторона обоих составов выражена виной в форме прямого умысла. Однако направленность умысла разная. А ведь в зависимости от установления этой направленности и следует квалифицировать содеянное.

При уклонении от уплаты таможенных платежей необходимо установить направленность умысла на избежание материальных затрат по таможенному оформлению.

Направленность умысла при совершении контрабанды другая: незаконно переместить товары или иные предметы. А зачем перемещать незаконными (контрабандными) способами то, чтобы можно ввозить или вывозить открыто? Получается, что здесь должна идти речь о желании переместить контрабандными способами только запрещенные к обороту или ограниченные в обороте предметы. Конечно, лицо может прибегнуть к контрабанде товара, не изъятого из гражданского оборота в тех случаях, когда он перемещает похищенное.

Однако в абсолютном большинстве случаев контрабанда, ответственность за которую предусмотрена в ч. 1 ст. 188 УК РФ, выступает в качестве способа уклонения от таможенных платежей в отношении не изъятых или не ограниченных в обороте предметов. Именно поэтому возникает вопрос о том, по какой из статей (ст. 188 либо ст. 194 УК РФ) квалифицировать содеянное?

Представляется, что в том случае, когда мы имеем дело с субъектом, который перевозит одним из способов, перечисленных в ч. 1 ст. 188 УК РФ, товар, то есть продукцию, которая не изъята или не ограничена в обороте, его умысел направлен на то, чтобы не платить таможенные платежи либо уменьшить их объем. Иного смысла осуществлять ввоз или вывоз товара одним из контрабандных способов нет. Совершаемое субъектом деяние по перемещению товара через таможенную границу не меняет направленности его умысла и является лишь способом его реализации.

Объективная сторона ст. 194 УК РФ может быть осуществлена и без использования одного из способов контрабанды. Так, при уклонении от уплаты таможенных платежей лицо может и вполне законно переместить товар через границу, а затем отказаться от уплаты платежей.

Способствовать правильной квалификации содеянного частично может также момент формирования умысла. Ведь использование либо неиспользование одного из способов, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 188 УК РФ, для уклонения от уплаты таможенных платежей может зависеть от того, когда у ви-

новного возникает умысел на совершение преступления. Так, если умысел на уклонение от уплаты таможенных платежей при ввозе товара возник после пересечения этим товаром таможенной границы и прохождения необходимой процедуры оформления, то субъект уже не сможет прибегнуть к контрабандным способам. В этом случае проблем в квалификации содеянного по ст. 194 УК РФ не возникнет.

Таким образом, несмотря на наличие ряда различий в элементах составов ст. 188 и ст. 194 УК РФ, с теоретической точки зрения суть проблемы на практике остается. Привлечение к ответственности за контрабанду, ответственность за которую предусмотрена ч. 1 ст. 188 УК РФ, осуществляется не по направленности умысла, как этого требует закон, а формально.

При этом совокупности ч. 1 ст. 188 и ст. 194 УК РФ возникать не должно. Хотя на практике дело обстоит не так.

Например, были привлечены к уголовной ответственности и осуждены двое жителей Калининградской области за контрабанду автобусов и уклонение от уплаты таможенных пошлин на них в размере 8 млн руб.[14]

А ведь привлечение к уголовной ответственности должно осуществляться в соответствии с направленностью умысла, дабы избежать объективного вменения.

Избежать проблемы разграничения составов ст. 188 и 194 УК РФ не удастся, если мы не будем смотреть в суть проблемы, а будем обращаться к признакам, которые разграничивают эти составы формально.

Так возникает сомнение в справедливости существования уголовной ответственности за контрабанду товаров или иных предметов в крупном размере по ч. 1 ст. 188 УК РФ.

Представляется, что следовало бы остановиться на установлении уголовной ответственности за контрабанду по ч. 1 ст. 188 УК РФ товаров, которые не отвечают санитарно-эпидемиологическим требованиям безопасности и представляют угрозу для здоровья россиян. По нашему мнению, данный подход способствовал бы также сокращению масштабов такого негативного явления, как коррупция. Однако законодатель пошел «дальше», уничтожая состав ч. 1 ст. 188 УК РФ в целом, давая тем самым возможность не нести уголовной ответственности в случаях контрабандного перемещения опасных для здоровья населения товаров.

Однако уголовная ответственность за контрабанду предметов, перечисленных в ч. 2 ст. 188 УК РФ, в отношении которых установлены специальные правила перемещения, необходима. При этом проблем в разграничении со ст. 194 УК РФ не возникает, так как оборот предметов, перечисленных в ч. 2 ст. 188 УК РФ, запрещен, поэтому с них не взимаются таможенные платежи.

Конечно, не все столь однозначно.

Предмет контрабанды

В настоящее время серьезные трудности вызывает отсутствие четкости в определении предмета контрабанды.

Например, что относить к «иным предметам» контрабанды?

Так, В.И.Михайлов и А.В.Федоров понимают под «иными предметами» разновидности товаров, которые либо не указаны в ч. 2 ст. 188 УК РФ, либо не обладают потребительной стоимостью[13].

Л.Ф.Рогатых[4], к «иным предметам» контрабанды относит «объекты материального мира, владение которыми возникает не в связи с торгово-экономичес-

ким обменом, а в результате, как правило, неправомерных действий, например, браконьерского отлова попугаев, обезьян и т.п.»*.

С.В.Максимов считает ими любые транспортные средства, используемые для международных перевозок пассажиров и товаров, включая контейнеры и иное транспортное оборудование[15].

Что касается предметов контрабанды, ответственность за которую предусмотрена ч. 2 ст. 188 УК РФ, следует уточнить и конкретизировать их список.

Так, например, нет достаточной ясности в вопросе, что же можно считать стратегически важными сырьевыми товарами, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, поскольку ранее действовавшие нормативные акты, содержавшие перечень таких товаров, утратили силу.

Представляется также необходимым дополнение списка предметов контрабанды, ответственность за которую предусмотрена в ч. 2 ст. 188 УК РФ, за счет, например, ограничения ввоза и вывоза ценных пород флоры и фауны. Не секрет, что распространенным видом контрабанды являются случаи, когда под видом обычных хвойных пород, березы и осины вывозят древесину ценных пород, запрещенных к порубке на территории России.

Определенные сложности вызывает квалификация контрабанды объектов животного мира. Проблема состоит в отсутствии методики проведения экспертизы данного предмета преступления. Как провести оценку, если данные представители животного мира занесены в Красную Книгу?

Так, Прохоров В.Г. отмечает, что к середине 90-х годов XX в. общая численность дальневосточного леопарда на территории Китая, Северной Кореи и России не превышала 120–140 животных[16].

А как, например, оценить контрабандный ввоз в Россию из Монголии соколов-балабанов?

Стоимость каждой из этих птиц при осуществлении официального экспорта в Монголии определена в 4 тыс. 600 долл. США[17], а в странах Ближнего Востока, например, соколы-балабаны продаются от 20 до 50 тыс. долл. за особь[18].

Представляется, что контрабанду объектов животного мира, занесенных в Красную Книгу, так же как и древесины, нельзя ставить в зависимость от объема товара.

Момент окончания контрабанды

До недавнего времени одной из основных проблем преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 188 УК РФ, был момент его окончания при вывозе товара. В связи с чем в судебных решениях отсутствовал единый подход. Одни и те же действия квалифицировались в одних случаях как оконченное преступление, а в других – как покушение на него из-за разного подхода к понятию «перемещение через таможенную границу», особенно когда данное перемещение осуществляется с обманным использованием документов

* В другой работе автор полагает, что к «иным предметам» можно отнести изделия производственно-технического назначения из драгоценных камней, лом и отходы, содержащие драгоценные металлы, в том числе технически изношенные кино-, фото-, рентгеноматериалы и продукты сжигания (зола), лом радиоэлектронной техники и электротехнического оборудования и т.п.[14].

или средств таможенной идентификации, недекларированием или недостоверным декларированием.

Отсутствие единого подхода к определению момента окончания контрабанды влияло и на правильное применения института добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ) и правил назначения наказания за неоконченное преступление (ст. 66 УК РФ).

Частично разрешить данную проблему смогло постановление Пленума Верхов-ного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде».

В соответствии с указанным постановлением контрабанду, совершенную при вывозе товаров или иных предметов с таможенной территории Российской Федерации, стали считать оконченным преступлением «с момента обнаружения недостоверности сведений, указанных лицом в представленной им таможенной декларации, или с момента пресечения иных действий, непосредственно направленных на вывоз товаров или иных предметов», если такие действия совершались одним из противоправных способов, перечисленных в диспозиции статьи.

Таким образом, действия до заполнения таможенной декларации (например, приобретение контрабандных товаров, приискание соучастников и т.д.) и в момент ее заполнения следует относить к приготовлению к контрабанде. После того как декларации подана, можно говорить о покушении на контрабанду. В случае вывоза товара после того как декларация принята и товар документально выпущен таможенными органами или ими установлена недостоверность указанных в декларации сведений, следует говорить об оконченном преступлении, предусмотренном ст. 188 УК РФ.

Добровольный отказ от преступления, предусмотренного ст. 188 УК РФ, возможен до момента принятия таможенной декларации и документального выпуска товара или установления таможенными органами недостоверности указанных в декларации сведений.

В случаях контрабанды, осуществляемой помимо таможенного контроля, добровольный отказ от преступления возможен до пересечения таможенной границы.

Проблема момента окончания контрабанды в новом ракурсе заявила о себе после вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза в связи с тем, что в диспозиции ст. 188 УК РФ речь идет о таможенной границе Российской Федерации. При этом согласно Таможенному кодексу Таможенного союза территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации составляют единую таможенную территорию. «Пределы таможенной территории Таможенного союза являются таможенной границей Таможенного союза»[19].

Хотя разработчики Таможенного кодекса подчеркнули, что «правовые предписания в целом относятся исключительно к сфере таможенного регулирования на таможенной территории Таможенного союза и не вторгаются в иные сферы правового регулирования – о налогах, административного, уголовного и иных государств-участников Таможенного союза»[20], понимания нам это не добавляет.

Представляется, что для унификации вопроса о моменте окончания контрабанды следует внести изменения в ст. 188 УК РФ, а именно заменить слова «таможенная граница Российской Федерации», словами «таможенная граница Таможенного союза». Кроме того, дополнить статью примечанием, в котором определить понятие «перемещение», что особенно важно для определения момента окончания преступления при осуществлении контрабанды-вывоза.

Отдельные способы совершения контрабанды

Согласно статистике, наиболее распространенными способами контрабанды являются недекларирование (42%), сокрытие от таможенного контроля (20%), перемещение помимо таможенного контроля (17%). Однако способом, который вызывает наибольшие трудности при квалификации на практике, является «обманное использование документов или средств таможенной идентификации».

С учетом п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде», под обманным использованием документов при контрабанде следует понимать предъявление органам таможенного контроля в качестве оснований или условий для перемещения товаров, указанных в ст. 188 УК РФ, заведомо поддельных документов либо документов, полученных незаконным путем.

Установление в уголовном законодательстве России ответственности за преступные деяния, совершаемые с использованием документов, выявило ряд проблем, касающихся правильной квалификации содеянного.

Рассмотрим некоторые из них на примере контрабанды древесины. Действительно, экспорт лесоматериалов и продукции деревообработки продолжает оставаться наиболее криминогенной сферой внешнеэкономической деятельности.

Как было отмечено коллегией ФТС России в еще мае 2007 г., на фоне ежегодного увеличения объемов вывозимой древесины законность вырубки и вывоза значительных объемов леса справедливо вызывает большие сомнения[21].

Сегодня количество документов, которое необходимо предъявить отправителю при вывозе леса, законодателем сведено к минимуму. Не всегда этот минимум оправдан. Если говорить о той части документации, которая хотя бы косвенно касается происхождения товара, то это лишь фитосанитарные сертификаты, которые оформляются на каждую партию подкарантинной продукции, вывозимой с территории РФ. Этот порядок распространяется и на лесопродукцию[22].

Однако основная задача фитосанитарных сертификатов в том, чтобы подтвердить качество продукции, а законность происхождения товара следует лишь из факта требований, выдвигаемых Россельхознадзором о необходимости предъявления лесорубочных билетов для получения фитосанитарных сертификатов. Однако данное требование уже было оспорено в судебном порядке, так как эти документы не входят в число обязательных для принятия решения о выдаче фитосанитарного сертификата согласно п. 10 приказа Минсельхоза РФ от 14 марта 2007 г. № 163.

Кроме того, согласно данным практики, фитосанитарные сертификаты сегодня довольно часто получают незаконным путем, например, на основании предъявления поддельных лесорубочных билетов.

Причем подделка документов, имеющих официальный характер, выходит за рамки ст. 188 УК РФ. Закон предусматривает лишь обманное использование документов, под которым следует понимать представление сотрудникам таможенных органов поддельных документов, различные манипуляции с документами (в том числе с подлинными) с целью ввести лиц, осуществляющих таможенный контроль, в заблуждение. В связи с этим действия субъекта, подделавшего лесорубочный билет, а также действия лица, незаконно выдавшего на основании этого лесорубочного билета

фитосанитарный сертификат и (или) представившего его на таможенном контроле, следует квалифицировать по совокупности ст. 327 либо ст. 292 УК РФ и ч. 1 и ст. 188 УК РФ.

Получается, что ни лесорубочный билет, ни договор купли-продажи лесных насаждений, которые являются документами, подтверждающими место происхождения товара и законность его происхождения при осуществлении экспорта этого товара, не нужны никому. При получении обманным путем фитосанитарного сертификата и уплате в бюджет таможенных пошлин и сборов (причем непонятно в подобных ситуациях, на основании чего определялась таможенная стоимость леса и какими документами она подтверждалась) практически невозможно доказать наличие контрабанды, осуществляемой с обманным использованием документов.

Единственной зацепкой здесь становится ссылка (графа 44 декларации) на документ, полученный незаконным путем, а именно фитосанитарные сертификаты, что влечет недействительность указанных в данной графе сведений, а значит, и недействительность самой декларации.

Поэтому при вывозе некоторых видов сырья, в том числе и леса, следует пересмотреть списки документов, которые необходимо прилагать к декларации в качестве обязательных, дополнив их документами, подтверждающими место происхождения товара. В случае с лесом – это лесорубочные билеты и договоры купли-продажи, заключаемые между лесхозами и экспортерами леса, а не только международные договоры на экспорт товара.

Данное дополнение затруднит и такой вид контрабанды леса, когда под видом обычных хвойных пород, березы и осины вывозят древесину ценных пород, запрещенных к порубке на территории Российской Федерации.

Кроме указанных, традиционными схемами противоправной деятельности в этой сфере остаются занижение стоимости и сортности вывозимой древесины, перегруз железнодорожных вагонов, использование просроченных фитосанитарных сертификатов, вывоз лесоматериалов фиктивными фирмами, созданными по подложным документам либо на подставных лиц для осуществления однократной поставки леса за рубеж[21].

Разграничение ч. 1 ст. 188 УК РФ и ст. 16.3 КоАП РФ («Перемещение товаров и (или) транспортных средств с несоблюдением мер по защите экономических интересов Российской Федерации и других запретов и ограничений») в данном случае проводится в зависимости от объема вывозимого товара. То есть в случае, когда стоимость перемещаемого товара не превышает полутора миллионов рублей, мы говорим о малозначительном деянии (проступке), а в остальных случаях о преступлении. Хотя древесину, на наш взгляд, следует отнести к стратегически важным сырьевым товарам и квалифицировать контрабанду леса по ч. 2 ст. 188 УК РФ.

Опосредованное совершение контрабанды

Еще одной проблемой при совершении контрабанды является привлечение виновных к ответственности при посредственном совершении преступления. Посредственное причинение законодатель рассматривает как один из видов исполнительской деятельности.

Несмотря на то что посредственному совершению преступления в разные годы было уделено немало внимания, до сих пор не выработано даже единого

научного термина, который бы дал название этому виду исполнительской деятельности. Сегодня это и посредственное исполнительство, и посредственное причинение, и посредственное исполнение, и опосредованное причинение вреда, и посредственное виновничество, и мнимое соучастие и т.д.[23]

Тем не менее сегодня существует общее понимание того, что взаимодействие одного посредственного причинителя с лицом (или лицами), не подлежащим (или не подлежащими) уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, нельзя отнести к совместной деятельности, несмотря на то что она имеет некоторые сходства с соучастием. При этом посредственный причинитель является не соучастником преступления, а его единственным исполнителем и привлекается к ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Моментом окончания преступления в случаях посредственного причинения следует считать момент, когда руками «жертвы посредственного причинителя»[24] выполнена объективная сторона состава преступления.

Особую сложность представляет посредственное совершение контрабанды, так как здесь исполнители обычно используют вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лиц.

Как раз с использованием лиц, причинивших вред невиновно либо по неосторожности, в ходе посредственного совершения преступления организованной группой контрабандистов столкнулись сотрудники органов Федеральной службы безопасности России, когда в одну из зарубежных стран осуществлялось незаконное перемещение через таможенную границу РФ запасных частей к военным самолетам, сопряженное с недостоверным декларированием.

Под руководством организатора, согласно его замыслу, участники группы выстроили цепочку из 15 физических лиц, перепоручавших друг другу последовательно товар для осуществления его вывоза за рубеж. Знания о предмете преступления убывали с каждым новым подключавшимся к данной схеме лицом по мере приближения товара к таможенной границе. Лица, представлявшие оборудование к перемещению, оформлявшие заявление о проведении таможенного оформления, не могли осознавать того, что указывают в нем заведомо ложные сведения о наименовании, характере и сфере применения данного оборудования.

Не имея военного технического образования, специализируясь на оказании помощи физическим и юридическим лицам в заполнении бланков документов на таможне, об истинной стоимости и назначении данного оборудования они не могли догадываться. Поэтому, опираясь на имевшуюся у них информацию, например, в одном из эпизодов они отнесли данное оборудование к блоку прерывателя предохранительной цепи панели управления ТЭЦ. В целях уменьшения объема таможенных сборов было указано в качестве собственника-грузоотправителя не юридическое, а физическое лицо. В этом качестве выступил гражданин Республики Таджикистан.

Данное заявление в тот же день на грузовом терминале аэропорта было подано ими дежурному сотруднику отдела таможенного оформления и таможенного контроля, который, рассмотрев его, зарегистрировал, присвоил регистрационный номер, поставил оттиск личной номерной печати и разрешил размещение оборудования на складе временного хранения.

Таким образом, оборудование было перемещено через таможенную границу РФ путем недостоверного декларирования, что явилось результатом реали-

зации преступного плана, разработанного руководителем организованной группы.

Следовательно, руководитель данной группы и ее участники осуществили преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 188 УК РФ, путем посредственного причинения, то есть использованием других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу невиновного причинения вреда. Привлеченные ими в части контрабандного перемещения оборудования через таможенную границу России лица не располагали сведениями об истинном наименовании, стоимости, характере и сфере применения перемещаемого оборудования.

Как видно из данного примера, с объективной стороны посредственное причинение может выразиться в действиях, внешне похожих на подстрекательские или организаторские.

Деятельность лиц, не подлежащих уголовной ответственности при посредственном совершении преступления, с объективной стороны воспринимается как исполнительство (в нашем примере в части контрабандного перемещения оборудования через таможенную границу).

Квалифицирующие признаки контрабанды

Ряд недочетов существует также и в формулировке квалифицирующих признаков контрабанды.

Так, например, среди квалифицирующих признаков контрабанды присутствует такой, как совершение ее должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 3 ст. 188 УК РФ).

Согласно п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление служебным положением», должностными лицами признаются «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муници- пальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации»[25].

Несмотря на то что закрепленное в данном примечании понятие относится прежде всего к гл. 30 УК РФ, именно из этого определения исходят правоприменители и в отношении других преступлений, совершаемых должностными лицами.

На наш взгляд, это справедливо, так как, например, в гл. 24 УК РФ понятие «должностное лицо» не употребляется, а идет речь лишь о лице, выполняющем управленческие функции.

Однако совершение контрабанды облегчает не только наличие у лица функций должностного, использовать свое служебное положение в преступных целях могут также сотрудники таможенного брокера и таможенного перевозчика[4]. Поэтому следует внести изменения в квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» ч. 3 ст. 188 УК РФ, убрав понятие «должностные», и сформулировав его следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные лицом, с использованием служебного положения».

Кроме того, вызывает вопросы и квалифицирующий признак, предусмотренный в п. «в» ч. 3 ст. 188 УК РФ, совершение контрабанды «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль». Представляется, что основным непосредственным

объектом посягательства в данном случае является «порядок управления», а в качестве дополнительного непосредственного объекта выступает «здоровье человека». Поэтому данное деяние следует квалифицировать по ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», исключив данный квалифицирующий признак из ст. 188 УК РФ.

Итак, очевидно, что кризисная ситуация в экономике, а также несовершенство нормативной базы в области борьбы с контрабандой, способствуют увеличению криминальной активности в этом направлении. Внесение изменений в Уголовный кодекс РФ в анализируемой области необходимо.

Об уголовно-наказуемой контрабанде следует говорить, отталкиваясь не от объема перемещаемого товара, а от уточненного и конкретизированного списка предметов анализируемого состава, оборот которых запрещен либо ограничен, в том числе похищенного товара.

Необходимо сохранить уголовную ответственность за контрабанду товара, который не отвечает санитарно-эпидемиологическим требованиям безопасности и представляет угрозу для здоровья россиян, исключив при этом уголовную ответственность за контрабанду товаров и иных предметов, не изъятых из гражданского оборота, находящихся во владении, пользовании или распоряжении субъекта на законном основании.

Следует также уточнить место совершения контрабанды в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Таможенного союза.

Представляется также, что обновленный состав контрабанды следует поместить в гл. 32 «Преступления против порядка управления» в связи с посягательством данного преступления на установленный государством запрет перемещения изъятых из гражданского оборота либо ограниченных в нем предметов. В этом случае мы избежим дублирования состава контрабанды в различных частях Уголовного кодекса РФ в зависимости от перемещаемого предмета.

Несмотря на то что внесение изменений в Уголовный кодекс РФ в отношении состава «Контрабанды» необходимо, рассматриваемый Государственной думой Федерального собрания России законопроект, имея очевидные недостатки, скорее приведет к созданию новых проблем в анализируемой области.

Примечания

[1] Политика. 2011.07.06 // http://www.gazeta.ru/politics/2011/06/07

[2] Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. С.В.Дьякова и Н.Г.Кадникова. М.: Юриспруденция, 2008. С. 464.

[3] *Розумень И.В.* Уголовная ответственность за контрабанду: по материалам сибирского федерального округа: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 13.

[4] *Рогатых Л.Ф.* Контрабанда: проблемы уголовно-правовой характеристики // Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.

[5] Курс уголовного права: Особенная часть. Т. 4 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 12.

[6] Уголовный кодекс Республики Узбекистан, с изм. и доп. на 15 июля 2001 г. / пер. с узб.; СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 198.

[7] Уголовный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. N 167, с изм. и доп. на 1 августа 2001 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 258.

[8] Уголовный кодекс Республики Молдова 2002 г. // lex.justice.md

[9] *Hrsg. Wabnitz H.-B. von, T. Janovsky.* Handbuch des Wirtschafts- und Steuerstrafrechts. S. 560; Jeandidier W. Droit penal des affaires. Paris, 2000. P. 189 // Цит. по: Есаян А.Е. Проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере государственного регулирования внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля (законодательный опыт уголовного законодательства стран-участниц СНГ, ЕВРАЗЭС, ШОС) // Внешнее торговое право. 2010. № 1.

[10] *Кастрикина Т.Н.* Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей: трудности в разграничении // www.smolgrad.ru

[11] *Середа И.М.* Юридический анализ уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица // Юрист. 2003. № 12; СПС «Консультант Плюс».

[12] *Жалинский А.Э.* Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2005. С. 579.

[13] *Михайлов В.И., Федоров А.В.* Таможенные преступления. СПб.: «Юридический центр Пресс», 1999. С. 25.

[14] *Рогатых Л.Ф.* Квалификация контрабанды. С. 21–22.

[15] *Гаухман П.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 269.

[16] *Прохоров В.Г.* Живая контрабанда (факты и комментарии). Гл. 3 // http://www.yurclub.ru/docs/ecology/article13.html

[17] http://www.rian.ru/society

[18] Виртуальная таможня // http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi

[19] Таможенный кодекс Таможенного союза Ст. 2 // docs.kodeks.ru › document

[20] *Фоков А.П.* О концепции Таможенного кодекса таможенного союза (России, Республики Казахстан и Республики Беларусь) // Таможенное дело. 2010. № 1.

[21] Приказ Федеральной таможенной службы России от 12 июля 2007 г. № 846. Приложение № 1 (Решение коллегии ФТС Росии от 25 мая 2007 г. «О работе таможенных органов Сибирского таможенного управления по организации таможенного контроля экспортируемых леса и лесоматериалов»).

[22] Приказ Минсельхоза РФ 14 марта 2007 г. № 163 «Об организации работ по выдаче фитосанитарных сертификатов и карантинных сертификатов» // СПС Консультан Плюс: ВерсияПроф.

[23] *Козлов А.П.* Соучастие. СПб., 2001. С. 95–112; *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Екатеринбург: УрГЮА, 1999; *Косарев Т.И.* Пособничество совершению преступления. Дис. ... кандидата юридических наук. Рязань, 2004.

[24] *Ковалев М.И.* Соучастие в преступлении. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. С. 108.

[25] Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «Гарант».

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su Тел.: (495) 959-22-53 E-mail: observer@nasled.ru

Имидж судебной власти в современной России

ВЛАДИСЛАВ СЕРЫЙ

Имидж судебной власти – это комплекс ассоциативных представлений, возникающих под воздействием личных впечатлений или средств массовой информации. Его можно отнести к понятию социального стереотипа, который необходимо формировать целенаправленно и продуманно, в противном случае это будет происходить стихийно, как правило, с негативным эффектом.

Имидж власти, – а власти судебной в особенности, весьма трудноопределяемое понятие, прежде всего потому, что речь идет о комплексе качеств и свойств, кадровых и организационных характеристик, которые чаще всего невозможно представить в виде зрительного образа.

Имидж – объект не материалистический, он возникает лишь в сознании людей, и оценить его можно лишь по тому отношению, которое будет проявляться в общественном мнении.

Понятие «имидж» определяется как целенаправленно и активно формируемый с помощью различных средств, эмоционально окрашенный, привлекательный или непривлекательный, образ человека, политика, лидера, общественной организации, партии, движения и др., призванный способствовать укреплению или ослаблению престижа, репутации политика (партии), роста доверия или недоверия к нему (ней)[1].

С институциональной точки зрения имидж судебной власти можно соотнести с понятием имиджа организации, корпорации, то есть понимать как символически выраженное представление об особенностях, специфике, уникальности одной из трех ветвей власти, ее репутации, сформировавшейся в общественном мнении.

Целенаправленное формирование имиджа органов власти, в том числе вла-

---

СЕРЫЙ Владислав Владимирович – советник юстиции Прокуратуры Нанайского района Хабаровского края. E-mail: lapuschka07@mail.ru

Ключевые слова: государственная власть, имидж, Конституционный Суд РФ, коррупция, прокуратура, суд, судья, судебная власть.

сти судебной, необходимо для создания благоприятного отношения у населения к государственной власти и тем решениям, которые она принимает.

В последнее десятилетие при правительствах большинства стран Запада созданы *PR*-службы, которые выполняют две основные задачи:

– *первая задача* – просвещать общественность о деятельности государственных институтов, в том числе суда, прокуратуры, следственных комитетов и комиссий, адвокатуры, создавая благоприятный климат для осуществления государственной политики;

– *вторая* – информировать принимающие решения государственные органы о существующей и возможной реакции общественности на проводимую и перспективную политику.

Во многих странах, в том числе и России, в каждом министерстве есть информационный отдел (центр, служба), работают пресс-секретари, осуществляющие связь с общественностью.

Однако в структурах и институтах судебной власти к *PR*-подразделениям относятся прохладно, считая их неконкурентной сферой, требующей дополнительных финансовых затрат. Многие руководители считают, что осуществление связи с общественностью – это их собственная прерогатива, не требующая профессиональных и компетентных специалистов.

Такое предубеждение к *PR*-службам вызвано также боязнью привлечь внимание общественности к спорным вопросам, нераскрытым преступлениям или затянувшимся острым процессам. Здесь сказывается недооценка необходимости учиться, жить и работать в новом социокультурном режиме рыночных отношений, при котором расширяются сферы влияния гражданского общества, предпринимательских структур, политических партий.

Как и из чего в настоящее время складывается публичный имидж судебной власти?

На формирование имиджевой политики судебной власти, как любого другого субъекта имиджелогии на территории Российской Федерации, влияют как общие положения, сформулированные в Конституции РФ, Гражданском кодексе, так и специальные нормы, регулирующие отношения в сфере общественных коммуникаций.

Основными нормативно-правовыми актами в данной области являются Федеральные законы РФ «О рекламе» (2006 г.) и «О средствах массовой информации» (в ред. от 9 февраля 2009 г.)[2].

Данные законодательные акты регулируют общественные отношения в области поиска, получения, производства и распространения информации, а также все, что связано с производством и распространением продукции средств массовой информации.

Анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, что на формировании имиджа судебной власти существенным образом сказывается несовершенство законодательства, в связи с чем дела в суде, как правило, разваливаются, не добавляя авторитета судебной власти.

Возьмем вопрос об антикоррупционных процессах, напрямую сказывающихся на имидже судебной власти.

По оценке Генпрокуратуры, коррупционный рынок страны составлял 240 млрд долл.

В настоящее время, по оценке Национального антикоррупционного комитета, из-за финансового кризиса, увеличившего отток капитала из страны, объем коррупционного рынка упал[3]. Однако коррупционеров меньше не стало.

Другое дело, что, по данным Верховного Суда РФ, за руку ловят чаще всего работников силовых структур невысокого ранга, преподавателей и врачей, то есть тех, чьи невысокие доходы провоцируют на получение взяток.

Таким образом, борьба с коррупцией ведется в основном в низах. Только в последнее время в этих списках стали проскальзывать высшие должностные лица государства.

Так, например, стало общим местом говорить, что сенаторские должности в Совете Федерации и депутатские в Госдуме покупаются, что дети сановников занимают неоправданно высокие должности, незаконно приватизируют бизнес и приобретают недвижимость.

Однако, несмотря на серьезные материалы, уголовные дела в судах разваливаются или спускаются на тормозах. Преступные действия не получают правовой оценки.

Правда, в новейшей российской истории можно вспомнить, что уголовные обвинения были предъявлены бывшему сенатору от Калмыкии Л.Чахмахчану и от Башкирии И.Изместьеву, а в 2010 г. лишен депутатского иммунитета депутат Госдумы А.Егиазарян.

Любой процесс с участием высших должностных лиц в российском суде сразу же становится закрытым. С одной стороны, можно предположить, что следователи боятся, что в ходе процесса всплывут имена других высокопоставленных чиновников, с другой – что занимающие высокие посты подозреваемые сумели откупиться.

Но в любом случае отсутствие открытых антикоррупционных процессов дает населению право говорить о том, что судьи и прокуроры покрывают мздоимцев, а борьба судебной власти с ними неэффективна. Любой суд над высшими должностными лицами государства должен быть открытым и в полном объеме освещаться в СМИ. Открытость суда будет гарантией, что от ответственности не уйдут ни обвиняемые, ни преступники.

Участниками современного формирования имиджа выступают структуры законодательной и исполнительной власти, средства массовой информации, различные научные и образовательные учреждения и т.д. К примеру, в ряде субъектов Федерации для активизации формирования и продвижения благоприятного имиджа территории органами власти с 2004 г. начали создаваться общественные комиссии по имиджевой политике.

Так, например, в Якутии в состав комиссии вошли крупные ученые, деятели культуры и искусства, представители министерств и ведомств, СМИ[4].

Для создания благоприятного имиджа реализуется коммуникативная политика через проведение круглых столов, интернет-форумов, семинаров с приглашением специалистов в области связи с общественностью (*PR*), научно-практических конференций, различных конкурсов, проектов.

Для повышения квалификации кадров сферы общественных коммуникаций организуются обучающие курсы.

Безусловно, не все перечисленное можно использовать в создании имиджа судебной власти. Однако работа по его формированию должна носить системный, плановый, организационный и финансово обеспеченный характер.

Весьма действенную форму финансовой поддержки имиджа осуществляет Минфин РФ, разрешая своим приказом по ведению бухгалтерского учета включать в состав нематериальных активов поддержку деловой репутации организации как «имидж фирмы».

В имидже судебной власти заложены определенные резервы улучшения отношений между властью и обществом, чему способствуют мониторинговые социологические исследования.

Так, ИСПИ РАН, проводя в течение 15 лет социсследования «Россия. Центр и регионы», вскрыл довольно серьезное негативное отношение населения к судебной власти. Государственным структурам и политическим элитам следова-

ло бы обратить внимание на эти знаковые проценты, не дожидаясь Кондопоги и Кущевской. Исследования показывают, что с задачей не только установить, виновен ли обвиняемый, является ли он взяточником или преступником, но даже со своевременным информированием общества судебные власти не всегда справляются.

Самый высокий показатель доверия к судебной власти был в 1995 г. (начало мониторинга), хотя и тогда ей доверяло всего 16% от числа опрошенных. Из приведенной таблицы видно, что показатель недоверия все эти годы остается очень высоким и колеблется от 59% в начале осуществления проекта до 64–74% в последующих годах[5].

Таблица

Динамика отношений респондентов к органам правосудия (милиция, суд, прокуратура)

% к числу опрошенных

Год	Доверяю	Не доверяю	Никому не доверяю
1995, январь	16	59	25
1997, январь	10	66	35
1998, декабрь	11	74	27
1999, ноябрь	12	70	32
2000, май	13	72	23
2000, декабрь	15	70	27
2001, декабрь	12	70	19
2002, декабрь	10	68	17
2003, октябрь	11	73	19
2004, июнь	9	72	18
2004, декабрь	9	72	21
2005, сентябрь	12	64	23
2006, январь	11	71	22
2006, июнь	11	76	18
2007, январь	11	75	15
2007, июль	9	75	18
2008, февраль	11	73	17
2008, ноябрь	13	69	17
2009, июль	15	68	17
2009, декабрь	13	69	18
2010, июнь	15	68	17

Все основные негативные тенденции, обозначившиеся на рубеже 2000 г., сохранили или усилили свое проявление. За последние годы доверие населения к милиции (полиции), суду и прокуратуре снизилось, то есть деятельность судебной власти на протяжении длительного времени яв-ляется дисфункциональной.

Имидж суда формируется в результате специализированных действий и зависит от стиля и содержания деятельности руководителей, характера действий отдельных судей и сотрудников аппарата суда. На практике это означает, что судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

От судьи требуется по справедливости выносить наказание.

Каждый судья должен быть высоконравственным и обладать глубоким знанием человеческой души, чтобы в достаточной степени индивидуализировать наказание, имея в виду, что при рассмотрении того или иного дела судья, и только судья дает толкование норм права. В особенности недо-

пустимы наказания, понижающие нравственный уровень личности.

Отрицательно сказывается на имидже суда отсутствие у населения традиции правового регулирования межличностных и институциональных споров. Последнее связано с невысокой правовой культурой населения, длительное время не востребованной, а поэтому и не сформированной на должном уровне.

Так, по данным исследования ВЦИОМ, больше половины опрошенных граждан (54%) считают для себя возможным нарушить закон, в то время как 42% заявили, что закон нельзя нарушать ни в коем случае[6].

Укоренившийся в общественном сознании правовой нигилизм является серьезной проблемой, препятствующей построению правового общества, негативно воздействует на восприятие деятельности органов правосудия. Сам факт обращения в СМИ к проблемам репутации судебной власти как на федеральном, так и на региональном уровне свидетельствует о том, что институты этой ветви власти, ее научная общественность обладают современным пониманием значимости публичной политики для эффективного реагирования. При этом авторитет судебной власти, ее позитивный имидж дают важные импульсы к укреплению социального согласия и устойчивого развития.

В то же время и мировой, и повседневный российский опыт показывают, что там, где налицо кризис духовных и моральных ценностей, граждане оказываются один на один в борьбе против преступности.

После прогремевшей на всю страну станицы Кущевской Краснодарского края, добавившей значительное количество негатива в имидж судебной власти, новости о разоблачении новых ОПГ, повязанных с правоохранительными и судебными органами, едва ли не каждый день взрывают информационное пространство.

Зачастую к криминальным разборкам присовокупляются и политические разногласия, усугубляя ситуацию и разворачивая информационную войну, в том числе и против государственных структур.

Социальную имиджевую роль, в которой персонифицируются ожидания населения, выполняет судья. Он как бы эталонный гражданин государства, воплощающий в себе и представляющий наглядно систему сложившихся в обществе ценностей. Общество воспринимает суд как один из субъектов, принимающих участие в созидании общественной политической культуры. Именно поэтому суд должен обладать в глазах всего населения авторитетом.

Авторитет – это не только форма воплощения силы, могущества, это прежде всего преимущество, основанное на большей зрелости одного человека перед другим или же на его более высоком статусном положении.

Авторитет судьи зависит от многих составляющих, но в первую очередь от выносимого преступнику приговора.

На имидж судебной власти оказывает влияние исполнение судебных решений.

Приговор суда значим в глазах общества не столько потому, что имеется писаный закон и он поддерживается силой исполнительной власти, сколько потому, что он выражает чаяния общества и является оценкой, маркирующей поступок от его имени. В традиционных демократических обществах суд нередко опирается не только на писаный закон, но и на неписаный. Он, трактуя Конституцию, создает прецедент, имеющий в дальнейшем значение для других судов.

Судебный прецедент обладает качеством справедливости именно по той причине, что выражает авторитетную для общества нравственную оценку поступка. Суд имеет авторитет не только и не столько потому, что «взвешивает» поступок на весах писаного закона, сколько потому, что через созданный им прецедент он является «творцом» обще-

го порядка жизни и устанавливает меру в противоречащих друг другу личных интересах индивидов и их взаимоотношениях.

Актуальность проблемы формирования имиджа судебной власти обусловлена накопившимися нерешенными задачами формирования имиджа государства в целом. Имидж государства в совокупности – это имидж всех его ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной; это имидж экономики и промышленности, вооруженных сил и правоохранительных органов, социальной сферы, науки, искусства, спорта.

Имиджевая привлекательность судебной власти во многом зависит от реального состояния российского общества: она связана с эффективной деятельностью самих органов суда и прокуратуры, полноценным выполнением ими своих функций. Конечно, за короткое время в России не удастся восстановить положительный имидж судебной власти и непосредственно судей и прокурорских работников. Но меры по формированию позитивного имиджа все равно нужно предпринимать. Сегодня без позитивного образа обойтись практически нельзя ни одной структуре органов власти, поэтому вопросами формирования позитивного имиджа судебной власти государство должно заниматься постоянно и целенаправленно.

Примечания

[1] *Комаровский В.С.* Имидж // Социологическая энциклопедия. В 2 томах. М., 2003. Т. 1. С. 350–351.

[2] ФЗ РФ от 1 июля 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»; ФЗ РФ от 25 декабря 2008 г. № 281-ФЗ «О средствах массовой информации» (в ред. от 9 февраля 2009 г.).

[3] «Любой суд над высшими должностными лицами государства должен быть открытым». Беседа с председателем Национального антикоррупционного комитета К.Кабановым // МК. 2009. 9 февр.

[4] Основные направления имиджевой политики Республики Саха (Якутия) // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Якутск, 2007. С. 275.

[5] Россия: Центр и регионы. Вып. 19–21. М., 2007–2009; Наука. Культура. Общество. 2010. № 3. С. 30, 31.

[6] Об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел РФ. Материалы социологических исследований 2008 г. // Наука. Культура. Общество. 2010. № 1. С. 146.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su E-mail: observer@ru.ru E-mail: observer@nasled.ru

Правомерные принудительные меры по Уставу ООН

ЛЮДМИЛА ТАРАСОВА

В качестве характерной черты развития современного международного права можно отметить тенденцию к все более основательному регулированию применения мер принуждения в межгосударственных отношениях. Основополагающие начала регламентации правомерного принуждения в сфере межгосударственных отношений установил Устав ООН. Обязывая государства воздерживаться от угрозы силой или ее применения, Устав ООН вместе с тем предписывает «принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира» (п. 1 ст. 1).

На основании гл. VII Устава ООН Совет Безопасности ООН наделен полномочиями принимать принудительные меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Согласно доктринальному подходу, «принудительные меры, по Уставу ООН, это коллективные меры, применяемые по решению Совета Безопасности в целях устранения угрозы миру, нарушения мира или ликвидации акта агрессии <...> Принудительные меры включают как меры невоенного характера (полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, воздушных и других средств сообщения и т.д.), так и действия объединенных вооруженных сил ООН»[1].

В этом контексте следует также отметить, что в международно-правовой доктрине сложилось мнение, что все действия принудительного характера охватываются понятием «санкции» (лат. *sanctio* – «принудительная мера»)[2].

В целом необходимо подчеркнуть, что наука международного права отли-

ТАРАСОВА Людмила Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской финансово-юридической академии, докторант кафедры международного права РУДН. E-mail: interlaw@rambler.ru

Ключевые слова: международное право, международная безопасность, права человека, санкции, принудительные меры, нарушения мира, агрессия.

чается разнообразием взглядов на содержание термина «санкции». Довольно распространено широкое толкование санкций, согласно которому это понятие охватывает все неблагоприятные последствия правонарушения – от возмещения ущерба до мер военного принуждения.

Например, М.Х.Фарукшин под понятием «международные санкции» понимает «не только применяемые в отношении субъекта международного деликта меры государственного принуждения (санкции в узком смысле слова), но и другие допускаемые международным правом последствия неправомерных деяний: реституцию, репарацию, сатисфакцию, уголовное наказание физических лиц, репрессалии»[3].

Профессор В.А.Василенко относит к санкциям все виды правомерного принуждения, осуществляемого как государствами, так и международными организациями: реторсии; репрессалии; самооборону; коллективные невооруженные и вооруженные принудительные меры, осуществляемые международными организациями[4].

Широкое понимание санкций также нашло отражение в трудах Ю.А.Михеева, Т.Н.Нешатаевой, Г.И.Тункина[5] и др.

Однако Комиссия международного права (КМП) сформировала свою позицию по данному вопросу. При работе над проектом статей об ответственности государств КМП зарезервировала *термин «санкция»* для описания мер, принимаемых тем или иным международным органом, а для описания односторонних видов реагирования государства на противоправные деяния другого государства Комиссией было решено использовать *термины «меры»* или *«ответные меры»*[6]. Позднее, на 43-й сессии, КМП отметила, что для описания «различных видов мер, которые потерпевшие государства могут на законных основаниях применять индивидуально или совместно в отношении государства или государств, являющихся правонарушителями», представляется самым емким термин «контрмеры».

В окончательном варианте текста проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятом Комиссией международного права на 53-й сессии, ст. 18 посвящена «принуждению другого государства».

Она гласит: «Государство, которое принуждает другое государство к совершению какого-либо деяния, несет международную ответственность за данное деяние, если:

а) такое деяние, если бы не принуждение, являлось бы международно-противоправным деянием принуждаемого государства;

б) принуждающее государство делает это, зная об обстоятельствах этого деяния».

Что касается контрмер, то им посвящен ряд проектов статей:

– ст. 22 «Контрмеры в связи с международно-противоправным деянием»;

– ст. 49 «Цель и пределы контрмер»;

– ст. 50 «Обязательства, не затрагиваемые контрмерами»;

– ст. 51 «Пропорциональность»;

– ст. 52 «Условия, относящиеся к применению контрмер»;

– ст. 53 «Прекращение контрмер» (ст. 49–53 составляют гл. II, которая называется «Контрмеры»)[8].

В российской литературе сходную точку зрения высказал профессор Ю.Н. Жданов, по мнению которого принудительные меры в зависимости от субъекта, применяющего их, делятся на две группы: санкции – «вертикальные меры», проводимые международными организациями, и контрмеры – «горизонтальные меры», применяемые государствами.

Ученый обоснованно отмечает, что термин «санкции» применительно к отношениям между государствами невольно создает впечатление, будто потерпевшее государство имеет какую-то власть над государством-нарушителем, что противоречит принципу суверенного равенства государств[9].

На наш взгляд, международно-правовые нормы, допускающие правомерное применение принуждения, отно-

сятся к мерам санкционного характера, осуществляемым международными организациями.

Такие меры принимаются международными организациями, наделенными государствами соответствующими полномочиями, что придает им принципиальное отличие от индивидуальных действий государств. Прежде всего речь идет о международно-правовых санкциях ООН, которые призваны Уставом ООН играть первостепенную роль в охране международного правопорядка. Санкции системы ООН направлены на обеспечение мира и международной безопасности на глобальном уровне. Совет Безопасности ООН прибегает к санкциям как способу правомерного принуждения государства, когда возникает угроза миру и когда другие правомерные усилия не дают желаемого результата. Эти меры варьируются от экономических ограничений до коллективных военных акций.

Решение проблемы правомерности санкций имеет большое практическое значение для укрепления международного правопорядка. Общеизвестны печальные последствия военных операций НАТО в Югославии (1999 г.) и в Ираке (2003 г.), которые не имели ничего общего с санкциями, применяемыми Советом Безопасности от имени международного сообщества. По существу, эти акции НАТО проводились в нарушение требований Устава ООН. Несмотря на очевидность противоправных действий НАТО, в западной международно-правовой доктрине предпринимаются попытки прямо или косвенно оправдать эти противоправные акции НАТО путем ссылки, в частности, на тот факт, что очень трудно провести грань между правомерными и неправомерными дей-æòâŁÿì Ł[10].

Безусловно, подобные трудности существуют и также признаются отечественной доктриной международного права, однако они не могут служить оправданием нарушения основополагающих принципов современного международного права. Трудности признаются и отечественными учеными*.

Основной вопрос, на который следует ответить при анализе рассматриваемой проблемы, это вопрос о том, каким критериям должны отвечать международно-правовые санкции, будучи явным проявлением принуждения в межгосударственных отношениях и мощным инструментом воздействия на правонарушителя для того, чтобы их правомерность не подвергалась сомнениям.

Международно-правовой основой введения санкций в системе ООН является квалификация ситуации в качестве «угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии», как это зафиксировано в гл. VII Устава ООН. Устав ООН не раскрывает ни одно из этих понятий, оставляя, таким образом, задачу их определения практике Совета Безопасности в каждом конкретном случае.

В международно-правовой доктрине *«угроза миру»* долгое время понималась как угроза развязывания новой мировой войны[12].

На наш взгляд, в настоящее время коллективная безопасность не может по-прежнему узко трактоваться как отсутствие вооруженных конфликтов между государствами или внутри них. В практике Совета Безопасности наметилась довольно четкая тенденция более широкого толкования понятия «угроза

---

* Профессор С.В.Черниченко констатирует: «Сейчас вряд ли можно обнаружить какую-либо разновидность применения силы в межгосударственных отношениях, которая бы не выходила за пределы международного права»[11].

миру». Массовые и грубые нарушения прав человека, широкомасштабные перемещения гражданского населения, включая «этнические чистки», международный терроризм, эпидемия СПИД, торговля наркотиками и оружием, экологические катастрофы расцениваются Советом Безопасности как создание прямой угрозы миру и безопасности человечества*.

В основе широкого толкования термина «угроза миру» лежит **концепция «ограниченного» государственного суверенитета.**

Возросшая ценность человеческой личности, ее прав и свобод наполнила понятие «суверенитет» новым смыслом, а именно ответственностью государства перед обществом и каждым человеком. Если правительство берет на себя функции управления государством, то прежде всего оно обязано защищать своих подданных и обеспечивать им реализацию основных прав и свобод, предоставленных Всеобщей декларацией прав человека. В противном случае международное сообщество не может остаться в стороне.

Генеральный Секретарь ООН Кофи А.Аннан предложил более «не рассматривать национальные границы как препятствие для вмешательства соединений, вводимых Советом Безопасности ООН с целью защиты прав человека»[13].

Проблема защиты прав человека во внутригосударственных конфликтах становится вопросом международной безопасности. ООН обязана применять принудительные меры для пресечения массовых и грубых нарушений прав человека во внутригосударственных конфликтах. Подтверждением этому является принятая Советом Безопасности ООН резолюция 1973 по Ливии, п. 4 которой «уполномочивает государства-члены <...> принимать все необходимые меры <...> для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии, включая Бенгази»[14].

Нарушение мира как основание применения принудительных мер Советом Безопасности толкуется ограничительно. Имеются в виду прежде всего межгосударственные конфликты и вооруженные конфликты немеждународного характера. В этом отношении наиболее серьезной формой нарушения мира является агрессия.

Определенные нормативные ориентиры в отношении того, что следует понимать под агрессией дала резолюция

---

* За последние годы Совет Безопасности ООН в ответ на массовые и грубые нарушения прав человека в том или ином регионе принял немало резолюций, квалифицирующих конфликты и гуманитарные кризисы как угрожающие международному миру или нарушающие международный мир. Таковы, например, резолюция 757 (1992 г.) по Югославии; резолюция 767 (1992 г.) по Сомали; резолюция 788 (1992 г.) по Либерии; резолюция 841 (1993 г.) по Гаити; резолюция 1070 (1996 г.) по Судану; резолюция 1078 (1996 г.) по Заиру; резолюция 1101 (1997 г.) по Албании; резолюция 1125 (1997 г.) по Центральноафриканской республике; резолюция 1135 (1997) по Анголе; резолюция 1165 (1998) по Руанде; резолюция 1171 (1998 г.) по Сьерра Леоне; резолюция 1199 (1998 г.) по Югославии; резолюция 1441 (2002 г.) по Ираку; резолюция 1972 (2011 г.) по Сомали; резолюция 1973 (2011 г.) по Ливии; резолюция 1975 (2011 г.) по Кот-д'Ивуару; резолюция 1982 (2011 г.) по Судану.

Кроме того, в ряде своих резолюций Совет Безопасности несколько отошел от принятых формулировок и определил ситуации как *«помехи миру и безопасности», «дестабилизация мира и безопасности региона», «серьезная угроза стабильности и мирному развитию региона»*. Это резолюция СБ ООН № 1044 (1996 г.) по Судану; резолюция СБ ООН № 1072 (1996 г.) по Бурунди; резолюция СБ ООН № 1076 (1996 г.) по Афганистану.

Генассамблеи (ГА) ООН от 14 декабря 1974 г., содержащая определение агрессии.

В ст. 3 документа содержится перечень конкретных деяний, которые следует квалифицировать как акт агрессии:

«a) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

d) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;

f) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них»[15].

Вышеприведенный перечень актов не является исчерпывающим, и Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава ООН.

Преступление агрессии подпадает под компетенцию Международного уголовного суда (МУС). Однако насчет состава преступления агрессии на дипломатической конференции 1998 г., принявшей Римский статут, участникам договориться не удалось.

На первой Конференции по обзору, созванной в 2010 г. в Кампале (Уганда) в соответствии с Римским статутом Международного уголовного суда, участники вновь вернулись к рассмотрению вопроса об определении агрессии. Проект новой статьи, которую предлагается внести в Римский статут, в части определения агрессии почти дословно воспроизводит текст резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 декабря 1974 г.

Проект статьи включает такие действия, как вторжение вооруженных сил одного государства на территорию другого, бомбардировку, обстрелы, блокаду портов и берегов, широкомасштабную засылку государством или от его имени вооруженных банд, иррегулярных сил или наемников для ведения боевых действий против другого государства и другие серьезные нарушения международного мира и безопасности.

Согласно проекту, прокурор Международного уголовного суда вправе начать расследование преступления агрессии не иначе как с санкции Совета Безопасности, выраженной в его резолюции, принятой в соответствии с принципом единогласия его постоянных членов.

На пленарном заседании конференции 11 июня 2010 г. при консенсусе была принята резолюция, предусматривающая внесение поправок в Римский статут МУС: ст. 8-бис «Преступление агрессии»; ст. 15-бис «Осуществление юрисдикции в отношении преступления агрессии (передача ситуации государством, *proprio motu*); ст. 15-тер «Осуществление юрисдикции в отношении преступления агрессии (передача ситуации Советом Безопасности)»[16].

Совет Безопасности ООН, будучи главным органом, на который возложена обязанность поддержания

международного мира и безопасности, обладает исключительным правом и дискреционными полномочиями по квалификации ситуации в качестве угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. Данная квалификация является единственным юридическим основанием правомерного применения санкций международным сообществом от принятия мер экономического воздействия до использования военной силы.

Право Совета Безопасности на введение коллективных санкций без применения вооруженной силы предусмотрено ст. 41 Устава ООН.

Эти санкции могут включать полный или частичный перерыв экономических и торговых отношений и(или) более конкретные меры, как эмбарго на поставки оружия, запрещение въезда или проезда, разрыв железнодорожных, морских, воздушных и иных средств сообщения, финансовые или дипломатические ограничения. Данный перечень не является исчерпывающим.

Среди принудительных мер ООН невоенного характера наиболее эффективными и влекущими для стран-нарушителей наиболее серьезные последствия являются экономические санкции.

Механизм экономических санкций заключается в применении мер, направленных на снижение общего экономического благосостояния государства-объекта, с целью принудить правительство этого государства изменить свою политику и выполнить требования Совета Безопасности ООН. Например, эмбарго, будучи одной из самых популярных экономических санкций, включает в себя более или менее полный запрет на внешнеэкономические отношения с определенным государством, или перерыв в экспорте какого-либо товара в соответствующее государство, или импорт какого-либо товара из этого государства.

За последние два десятилетия Совет Безопасности ООН неоднократно принимал решения о наложении экономических санкций*.

Многие из этих санкций применялись в ответ на массовые и грубые нарушения прав человека.

Исследователи высказываются в пользу экономических санкций, считая их адекватной альтернативой военным мерам. Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, учрежденная по решению Генерального Секретаря ООН, в опубликованном в 2004 г. докладе пришла к выводу, что «санкции являются жизненно важным, хотя и не совершенным инструментом. Они представляют собой необходимую середину между войной и словами, когда страны, отдельные лица и повстанческие группы нарушают международные нормы и когда отсутствие реакции ослабляло бы эти нормы, ободряло бы других нарушителей или истолковывалось бы как согласие»[17].

Экономические санкции сыграли позитивную роль в крушении режима апартеида в ЮАР.

Некоторые диктаторские режимы Южной Америки под воздействием санкций согласились провести демократические выборы.

Экономические санкции Совета Безопасности заставили Ирак вывести из Кувейта свои войска (1991 г.), Сербию прекратить поддержку

---

* Экономические санкции налагались на Ирак в 1990 и 2003 гг.; на бывшую Югославию в 1991, 1992 и 1998 гг.; на Ливию в 1992 г., на Либерию в 1992, 2001, 2003, 2004, 2006 и 2009 гг.; на Сомали в 1992 и 2008 гг.; на Гаити в 1993 и 1994 гг.; на силы УНИТА в Анголе в 1993, 1997 и 1998 гг.; на Руанду в 1994 г.; на Судан в 1996 и 2005 гг.; на Сьерра-Леоне в 1997, 1998, 2000 и 2001 гг.; на Афганистан в 1999, 2000 и 2005 гг.; на Эфиопию и Эритрею в 2000 г.; на Конго в 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008 гг.; на Кот-д'Ивуар в 2004 и 2010 гг.; на Ливан в 2005 г.; на КНДР в 2006 и 2009 гг. и на Иран в 2006, 2007, 2008 и 2010 гг.

боснийских повстанческих группировок, остановить военные действия на Гаити и в Анголе.

Экономические санкции в Либерии не дали ожидаемого результата, но все же создали ряд препятствий либерийскому диктатору Ч.Тейлору в подготовке и вооружении Революционного объединенного фронта повстанческой армии в Сьерра-Леоне.

В то же время большое число государств и неправительственных организаций отмечает неблагоприятное воздействие санкций на наиболее уязвимые слои населения. Высказывается также обеспокоенность в отношении того негативного воздействия, которое санкции могут оказывать на экономику третьих стран.

Весьма интересной в этой связи представляется позиция австрийского профессора Г.Кехлера. Он не только критикует санкции, называя их «реликтом старой системы международного права, которая предопределялась концепцией силы», но и пытается оспорить их международную правомерность[18]. Свою критику Г. Кехлер начинает с рассмотрения этических аспектов санкций. Ученый полагает, что экономические санкции представляют собой форму коллективного наказания и не соответствуют принципу индивидуальной ответственности. Наказание людей, не ответственных за политические действия, по его мнению, не просто аморально, но сродни преступлению.

Г.Кехлер высказывается и по поводу нормативной стороны вопроса. Он считает неправомерным наделение Совета Безопасности такой широтой усмотрения, чтобы принимать решения, существенно ограничивающие людей в их правах, нарушая тем самым предписания Устава ООН. Несмотря на то что ряд умозаключений австрийского правоведа представляется спорным и необоснованным, нельзя не согласиться с жесткостью экономических санкций, особенно всеобъемлющего характера.

Учитывая подобные обстоятельства, нельзя не прийти к выводу о необходимости усовершенствования правил и механизмов по планированию и применению санкций в целях обеспечения их правомерности. Основываясь на универсальных международных соглашениях в сфере прав человека, а также исходя из элементарных соображений гуманности, можно утверждать, что режимы санкций должны разрабатываться таким образом, чтобы они не ставили под угрозу жизнь или здоровье населения государства, являющегося объектом санкций. Межучрежденческий постоянный комитет по гуманитарным последствиям санкций, созданный на основании резолюции ГА ООН 46/182 от 19 декабря 1991 г., неоднократно призывал к необходимости учитывать право прав человека и международное гуманитарное право при разработке, контроле и пересмотре режимов установленных санкций.

Российская Федерация представила (2007 г.) в Специальный комитет по Уставу ООН и усилению роли Организации проект декларации об основных условиях и стандартных критериях введения и применения санкций и других принудительных мер, подлежащему принятию на ГА ООН. В проекте обозначен ряд общих вопросов, касающихся применения принудительных мер, многие из которых можно рассматривать как условия правомерности санкций ООН, а именно:

– санкции должны вводиться в строгом соответствии с положениями Устава ООН и нормами международного права;

– санкции должны быть точно направленными, преследовать ясные и четкие цели, иметь временные рамки, подлежать регулярному обзору с заслушиванием мнения государства – объекта санкций и предусматривать четко оговоренные условия отмены;

– санкции необходимо осуществлять такими методами, которые обеспечили бы баланс между эффективностью, имеющей целью достижение желаемых результатов, и возможными негативными последствиями, включая социально-экономические и гуманитарные последствия, для населения и третьих стран.

Негативные последствия санкций можно уменьшить, например, за счет тщательно продуманных исключений гуманитарного характера. Продукты питания, лекарства, медицинское и сельскохозяйственное оборудование не должны подпадать под действие режимов санкций ООН. Примеров ограничений санкций ООН исключениями гуманитарного характера достаточно.

В случае с Ираком Совет Безопасности в резолюции 661 (1990 г.) изъял из режима санкций поставки, предназначенные исключительно для медицинских целей.

В резолюции 757 (1992 г.) Совет Безопасности принял решение ввести всеобъемлющие экономические санкции в отношении Югославии, предусмотрев, что запрет на коммерческие и финансовые сделки не будет распространяться на поставки, предназначенные исключительно для медицинских целей, и на поставки продовольствия.

Аналогичный характер носила резолюция Совета Безопасности 917 (1994 г.) в отношении Гаити.

Все большую поддержку получают так называемые «умные» (*smart*) или «целенаправленные» (*targeted*) санкции, которые рассчитаны на оказание давления на режимы, а не на людей, что позволяет уменьшить негативные издержки. В частности, такие санкции могут предусматривать замораживание финансовых активов и блокирование финансовых сделок представителей политических элит, действия которых явились первопричиной введения санкций.

Например, «целенаправленные» санкции были введены в отношении торговли алмазами из зон конфликтов в африканских странах, где войны частично финансировались за счет продажи незаконных алмазов в обмен на вооружения и связанные с этим материальные средства.

Другой пример: Совет Безопасности в резолюции 1803 (2008 г.) за отказ Ирана приостановить деятельность, связанную с обогащением урана, призвал государства-члены ООН принять необходимые меры для предотвращения въезда на их территорию или транзитного проезда через нее лиц из Ирана, которые занимаются разработкой систем доставки ядерного оружия.

В целом заметна эволюция в практике применения санкций: если раньше они зачастую представляли собой грубое средство неизбирательного воздействия, то сегодня превратились в инструмент, отличающийся более адресным характером.

С учетом всех этих факторов очевидно, что правомерность экономических санкций должна оцениваться не только с точки зрения их эффективного воздействия на государство-правонарушителя, но и с точки зрения минимизации негативных последствий для его населения и третьих стран.

Еще большие трудности вызывает дискуссия о правомерности санкционных мер ООН с применением вооруженной силы. В соответствии со ст. 42 Устава ООН Совет Безопасности уполномочивается предпринять действия воздушными, морскими или сухопутными силами, если он сочтет, что меры, предусмотренные в ст. 41 Устава ООН, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными. Это означает, что Совет Безопасности может предпринять вооруженные операции после осуществления мер по ст. 41 Устава ООН, одновременно с ними или в качестве первичной меры.

Принудительные действия могут иметь место только по решению Совета Безопасности и только под его руководством. Для осуществления военных дей-

ствий под своим руководством Совет Безопасности может использовать предоставленные в его распоряжение вооруженные силы государств-членов (ст. 43 Устава), а также, где это уместно, региональные соглашения или органы (ст. 53 Устава ООН).

Такова правовая основа применения военных санкций. Однако в стремлении применить эти положения Устава ООН на практике приходится сталкиваться с множеством трудных вопросов. Так, определенные трудности имеют место, когда существует реальная угроза безопасности в отношении какого-либо государства, но при этом Совет Безопасности из-за существующих разногласий не может принять соответствующего решения. В подобной ситуации специалисты предлагают расценивать отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН об использовании силовых мер для исполнения его собственных требований в отношении поддержания международного мира и безопасности как невыполнение Советом Безопасности своих обязанностей[19].

На наш взгляд, непринятие Советом Безопасности решения о применении силы есть не свидетельство его отстранения от своих обязанностей, а, напротив, выражение определенной позиции этого главного органа ООН. Дело в том, что отказ Совета Безопасности из-за отсутствия согласия среди его членов санкционировать применение силы – это тоже решение, основанное на Уставе ООН. Когда это было действительно нужно, Совет Безопасности ООН принимал решения о силовых мерах в поддержку демократии и прав человека.

Санкционирование использования военной силы, например, имело место в целях восстановления суверенитета Кувейта после вторжения Ирака (1991 г.), создания надежной обстановки при проведении операций по оказанию гуманитарной помощи в Сомали (1992 г.), защиты гражданского населения в Руанде (1994 г.), восстановления власти демократически избранного правительства в Гаити (1994 г.), охраны гуманитарных операций в Албании (1997 г.), восстановления мира и безопасности в Восточном Тиморе (1999 г.). В 2011 г. страны Запада приняли участие в военных акциях против Ливии во исполнение резолюции Совета Безопасности ООН S/RES/1973 (2011 г.).

Еще одной проблемой является определение условий, при которых санкция Совета Безопасности на применение военной силы с целью устранения угрозы миру будет оправданной с моральной точки зрения. Использование силы для поддержания международного мира и безопасности должно быть не только законным, но и легитимным.

Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам в докладе (2004 г.) обозначила пять критериев легитимности, которые Совет Безопасности должен учитывать при рассмотрении вопроса о санкционировании применения военной силы, а именно:

– серьезность устраняемой угрозы миру, безопасности государства или человека;

– нейтрализация угрозы в качестве главной цели военной операции;

– использование силы только как крайнее средство, когда невоенные варианты оказались безуспешными;

– соразмерность применяемых военных средств масштабам угрозы;

– сбалансированный учет последствий силовых действий.

Как видно, на первом месте при анализе критериев, которые позволяли бы говорить о правомерном применении силы, стоит серьезность, острота ситуации. Критерий серьезности угрозы предполагает явную опасность для международного мира и стабильности.

По мнению известных специалистов (например, проф. Л.Оппенгейма и проф. Х.Лаутерпахта), внутренняя угроза будет признана серьезной и посягающей на мировую безопасность в случае наличия фактов «грубых, серьезных,

широкомасштабных и длительных» нарушений «основных и фундаментальных» прав человека, вызвавших «массовые и систематические страдания» населения и совершенных «путем жестоких, варварских актов», представляющих собой преступления против человечности (геноцид или сопоставимые по масштабам массовые убийства, этнические чистки и т.д.). Применение силы будет оправдано только при «наличии или неминуемости» подобных вопиющих нарушений прав человека.

Правда, появляется расхождение во мнениях по вопросу, какие права человека считаются фундаментальными? Безусловно, право на жизнь. Большинство юристов к ним также относит право на свободу, защиту по закону, недискриминацию и физическую неприкосновенность, а некоторые утверждают, что препятствие осуществлению права на самоопределение может служить оправданием вмешательства.

Важно учитывать и другой момент. Под угрозой необязательно должны находиться миллионы людей. Но наличие любой достаточно крупной группы людей, находящихся в условиях непосредственной угрозы, является дополнительным аргументом в пользу применения силы для их защиты. Проблема здесь состоит еще и в склонности властей государств скрывать истинные масштабы потрясений и пострадавших.

Некоторые сложности возникают при определении того, считать ли угрозу явной, реальной. В частности, одной из главных опасностей на сегодняшний день является неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения, его компонентов и средств доставки. Однако насколько реальна возможность попадания оружия массового уничтожения в руки разного рода террористических группировок? Эта проблема сегодня поднимается в контексте противодействия новым угрозам международной безопасности. В этом контексте следует отметить важный вклад России, по инициативе которой была принята в 2005 г. Международная конвенция о борьбе с ядерным терроризмом.

Признание Советом Безопасности той или иной ситуации серьезной угрозой мировому порядку и, как следствие, его решение о применении силы должны основываться на очевидных и неоспоримых фактах либо на проверенной, независимо подтвержденной информации.

Весьма важным критерием легитимности использования военной силы является цель военной операции. Безусловно, учитывая мощную политизацию современного мира, гуманитарные миссии не бывают лишены политической подоплеки. Однако важен доминирующий мотив. Главной целью применения силы должно быть пресечение угрозы миру и предотвращение крупномасштабных серьезных нарушений прав человека, таких как право на жизнь.

Учитывая то обстоятельство, что на практике любые военные действия сплошь и рядом чреваты самыми разрушительными последствиями и человеческими жертвами, применение силы может быть оправдано только при безуспешности попыток обращения к мирным средствам воздействия на государство, нарушающее права человека.

Современное международное право предусматривает широкий инструментарий невооруженной реакции членов международного сообщества в случаях угрозы или существования гуманитарных кризисов. Сосредоточенность ведущейся в политико-правовых кругах дискуссии на вопросах вооруженного вмешательства с целью обеспечения соблюдения прав человека не должна сводить на второй план эти меры.

Совет Безопасности, санкционируя применение силы, должен быть абсолютно убежден в эффективности военного вмешательства и в отсутствии разумной альтернативы ему[20].

Традиционно в качестве условия правомерности применения вооруженной силы в международных отношениях рассматривается соразмерность военных действий и применяемых в ходе силовой операции средств масштабам угрозы. Военные действия могут предприниматься с целью защиты людей и не должны выходить за пределы их непосредственной защиты. Речь идет о пропорциональности использования силы и того риска, которому подвергается защищаемый.

Еще один важный критерий, при котором санкция на применение силы будет оправдана, – это меньшая возможность возникновения угрозы международному миру и безопасности в результате вмешательства, чем в результате продолжения нарушений прав человека, которые оно должно остановить. Неизбежными составляющими войны и послевоенного периода часто становятся смерть, разрушения и анархия. Подобные разрушительные последствия международного вмешательства не должны превышать ущерб, который был бы причинен массовым нарушением прав человека в стране. Иными словами, необходим сбалансированный учет последствий.

В качестве критериев легитимности применения военной силы можно предложить также следующие:

– соответствие задействованных сил решаемым задачам (направленность непосредственно против нарушителя и поддерживающей его инфраструктуры);

– не нарушение самой вмешивающейся стороной в ходе силовых операций международных норм о правах человека и гуманитарного права;

– учет безопасности гражданского населения и сохранности окружающей среды и др.

Очевидно, что применение международных мер принуждения будет правомерным только в том случае, если оно отвечает и условиям законности, то есть имеет юридические основания, вытекающие из Устава ООН, и критериям легитимности, то есть является оправданным.

Особо необходимо сказать о трудностях, связанных с практикой ООН в области создания и применения вооруженных сил, которые также ставят под вопрос правомерность самих военных операций.

Ст. 43 Устава ООН определяет порядок предоставления государствами-членами ООН в распоряжение Совета Безопасности необходимых вооруженных сил, помощи, средств обслуживания на основе особого соглашения или соглашений, заключаемых Советом с государствами-членами ООН, с последующей их ратификацией по требованию Совета Безопасности, то есть на основе его решения. Согласно Уставу ООН, Совет Безопасности должен решать все вопросы, связанные с созданием и применением вооруженных сил, опираясь на помощь и советы Военно-штабного комитета (ВШК), состоящего из начальников штабов постоянных членов Совета или их представителей (ст. 47 Устава).

Однако ни ст. 43 , ни ст. 47 Устава ООН не были применены на практике из-за разногласий между постоянными членами Совета Безопасности. Опыт проведения принудительных военных действий непосредственно международными силами, организованными самой ООН, крайне незначителен. (Можно сослаться на операцию ООН в Конго в 1960–1964 гг.)

Вместе с тем растет число прецедентов, когда Совет Безопасности передает свои полномочия на создание многонациональных сил и осуществление принудительных действий группе государств-членов.

Такое делегирование полномочий имело место во время войны в Корее (1950–1951 гг.), Ираке (1990–1991 гг.) в связи с его агрессией в отношении Кувейта.

В дальнейшем Совет Безопасности уполномочивал группы государств-членов на применение вооруженной силы для проведения гуманитарных операций в Сомали (1992 г.) под руководством США и в Руанде (1994 г.) под руководством Франции, а также для оказания содействия в деле восстановления демократии на Гаити (1994 г.) под руководством США и т.д.

Контроль и финансирование этих операций также осуществляли государства-участники, а не Совет Безопасности.

Последний пример – Ливия.

Возникает вопрос о правомерности создания подобных многонациональных сил, берущих на себя, хотя и с разрешения Совета Безопасности, функции по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности. В Уставе ООН нет ни одного положения, которое бы позволяло Совету Безопасности самоустраняться от выполнения его обязанностей и делегировать свою компетенцию одному государству или группе государств, не обеспечивая сохранение своего руководства.

Нормальный ход событий, согласно Уставу ООН, возможен был только после заключения соглашения или соглашений с членами ООН о передаче в распоряжение Совета Безопасности необходимых вооруженных сил.

Итак, на сегодняшний день ООН обладает развитым механизмом принуждения, действующим в защиту международного правопорядка и прав человека. Несмотря на критику практики применения санкций ООН, ни ученые, ни политики, ни международные организации не требуют отказа от этого средства.

Международное право, как и любая иная правовая система, не может обойтись без мер принуждения. Однако санкционный механизм ООН нуждается в усовершенствовании. Применение принудительных мер должно быть правомерным, иными словами, законным и легитимным одновременно.

Санкции должны вводиться в строгом соответствии с Уставом ООН, с принципами и нормами международного права, быть оправданными, адекватными и целенаправленными.

Существуют убедительные доказательства того, что санкционные меры могут в огромной степени способствовать поддержанию международного правопорядка, если они применяются не как самоцель, а используются в поддержку целостного подхода к урегулированию конфликта. Главная задача заключается в обеспечении того, чтобы доверие к ним и их правомерность в глазах всего мира были бесспорными. Лишь тогда можно надеяться на реализацию всего потенциала мер принуждения в интересах международного мира и безопасности.

Примечания

[1] Словарь международного права. М., 1982. С. 177.

[2] *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1948. Т. 1. С. 325; *Левин Д.Б.* Ответственность государств в современном международном праве. М., 1966. С. 144.

[3] *Фарукшин М.Х.* Международно-правовая ответственность государств // Международная правосубъектность. М., 1971. С. 162–163.

[4] *Василенко В.А.* Международно-правовые санкции. Киев, 1982. С. 68.

[5] *Михеев Ю.А.* Применение принудительных мер по Уставу ООН. М., 1967. С. 47; *Нешатаева Т.Н.* Санкции системы ООН. Международно-правовой аспект. М., 1992. С. 19; *Тункин Г.И.* Теория международного права. М., 1970. С. 430.

[6] Ежегодник комиссии международного права. Нью-Йорк, 1979. Т. 2. Ч. 2. С. 162.
[7] Ежегодник комиссии международного права. Документы 43-й сессии. Н.-Й. 1991. Т. 2. Ч. 1. Документ ООН A/46/10.
[8] Резолюция ГА ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.
[9] *Жданов Ю.Н.* Принудительные меры в международном праве. Автореф. на соиск. уч. степ. доктора юрид. наук. М., 1999. С. 8.
[10] *Simma B.* NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects // EJIL. 1999. No. 1.
[11] *Черниченко С.В.* Теория международного права. М., 1999. Т. 1. С. 221.
[12] *Александрова Э.С.* ООН: объединенные действия по поддержанию мира. М., 1978. С. 50.
[13] *Аннан Кофи А.* Проблема вмешательства. Выступления Генерального секретаря ООН. Нью-Йорк, 1999. С. 7.
[14] Документ ООН. S/RES/1973 (2011 г.).
[15] Документ ООН. A/RES/3314 (XXIX).
[16] Резолюция RC/Res.6, 11 июня 2010 г.
[17] Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. 2004 // URL: www.un.org/russian/secureworkd/report
[18] *Koechler H.* The United Nations Sanctions Policy and International Law. Kuala Lumpur, 1995.
[19] *Murase Shinaya.* The Relationship Between the UN Charter and General International Law Regarding Non-Use of Force // Liber Amicorum Judge Shigeru Oda. Kluwer Law International. 2002. Vol. 2. P. 1543.
[20] *Абашидзе А.Х.* Международно-правовые проблемы вмешательства // МЖМП. 2006. № 1. С. 360-374.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su Тел.: (495) 959-22-53 E-mail: observer@nasled.ru

Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность?

ТАТЬЯНА КОТЮКОВА

95 лет назад в Центральной Азии началось самое серьезное восстание, направленное против русского присутствия. Регион и ранее периодически сотрясали антироссийские восстания, которые вне зависимости от того, какие определения и оценки давали им современники или дают историки нашего времени, отражали вполне очевидное стремление к национальному освобождению. Последним крупным восстанием 90-х годов XIX в. в Туркестане было Андижанское (1898 г.). Из этих событий Россия не смогла извлечь необходимого урока, что в 1916 г. привело к повторению кровавых событий и с большими человеческими жертвами.

Зачастую, увлекаясь вполне понятной политической задачей, исследователи позиционировали восстание как «борьбу трудящихся края с эксплуататорским колониальным режимом», а следовательно, как пролог последовавших одна за другой революций. При этом на второй план уходила сложная предыстория конфликта.

Даже на страницах серьезных изданий в качестве научного комментария о «восстании 1916 г. в Семиречье» говорится, что «имеется в виду вооруженное восстание под предводительством Амангельды Иманова (июль 1916 г. – март 1917 г.). Восстание охватило Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую и Степную области с более 10-миллионным многонациональным населением»[1]. Налицо ряд неточностей:

КОТЮКОВА Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. E-mail: kotyukova@mail.ru

Ключевые слова: Туркестан, Российская империя, Первая мировая война, восстание в Семиречье (1916 г.), русские крестьяне-переселенцы, тыловые рабочие.

– *во-первых*, Амангельды Иманов руководил восстанием только на территории Тургайской области Степного края;

– *во-вторых*, перечисляя области, охваченные восстанием, авторы забывают самый главный эпицентр восстания в Туркестане – Семиреченскую область. Это притом, что авторы пытаются объяснить, что из себя представляет восстание именно в Семиречье;

– *в-третьих*, в тексте фигурирует неизвестная административно-территориальному делению Российской империи единица – Степная область. Вероятно, речь идет о Степном генерал-губернаторстве (по официальным документам – Степной край, включавший в себя Акмолинскую, Тургайскую, Уральскую и Семипалатинскую области).

В преддверии драмы

Как у любого массового проявления народного недовольства, у восстания 1916 г. было много причин. Все вместе они составляют комплекс непродуманных действий со стороны России. Первая мировая война и царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве коренного населения Туркестана на тыловые работы сыграли лишь роль катализатора, усугубив экономическую и обострив политическую ситуацию в регионе. Основные причины были иные.

Переселение крестьян из центральных европейских губерний империи в так называемую Азиатскую Россию привнесло в жизнь региона новую этническую, языковую и религиозно-культурную компоненту, которая далеко не всегда безболезненно и гармонично вписывалась в уклад жизни коренного населения.

Причин для этого было множество. Это и проблемы, связанные с адаптацией в непривычных природно-климатических условиях, проблема интеграции в принципиально иную этнокультурную и языковую среду, и др. В итоге часть переселенцев предпочла вернуться обратно на родину. Те же, кто остались, стали ядром быстро формирующейся русской диаспоры, так называемых «русских туркестанцев».

Основной эпицентр восстания 1916 г. в Туркестане находился в Семиречье. Именно сюда устремился основной поток переселенцев. Крестьяне устраивались здесь либо самовольно, входя в те или иные соглашения с короенным населением, а зачастую и без них; либо на так называемых «излишках» земли, изъятие которых государство узаконило в 1910 г.; или в организованном порядке, с 1912 г., на землях, орошенных за счет государственных средств. Этот последний вид колонизации не успел получить значительного расширения в связи началом Первой мировой войны.

В 80-х годах XIX в. среди русской администрации Туркестана была очень популярна фраза генерала Н.И.Гродекова, что «Каждый новый русский поселок в Туркестане равносилен батальону русских войск». Этот тезис стал в известной степени лозунгом момента для местной власти.

Исходя, в том числе из военно-полицейских соображений, власть принимала все возможные меры, чтобы организовать как можно больше русских поселков. Их расположение подчинялось определенным стратегическим интересам, а в конце 80-х годов стала проводиться в жизнь мысль о снабжении переселенцев оружием.

Первоначально в официальных документах отмечалось, что это делается для охоты или обороны от диких животных. Позднее власти не скрывали, что оборо-

няться, скорее всего, придется от коренных жителей.

В 1867 г. Н.А.Маевым* был составлен документ «Записка поручика Маева о мерах к увеличению русского населения в Туркестанской области». В нем была сформулирована идея заселения края не только крестьянами из центральных губерний, но, в первую очередь, запасными нижними чинами.

Указывая стратегически выгодную линию заселения, Маев пишет: «Из этих солдатских поселений образуется по реке Сыр-Дарье непрерывный ряд слобод, наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу в случае, если в Туркестанской области возникнут какие-либо беспорядки».

Таким образом, взгляд на русские поселки как на боевые единицы присутствовал в переселенческой политике. Безусловно, кроме внутреннего фактора – недоверия к коренному населению существовал и внешний фактор – приграничное стратегическое положение Туркестана.

Вооружение населения началось в 1891 г.[2] В 1909–1910 гг. власти изменили курс и начали разоружать крестьян[2]. Но летом 1912 г. по распоряжению военного министра этот процесс был остановлен. Первая мировая война и недостаток оружия заставили власти перебросить значительную часть вооружения из Туркестана на фронт.

Мустафа Чокаев, один из лидеров туркестанской эмиграции, отмечал: «Если впереди европейских колонизаторов шли миссионеры и коммерсанты – первые искавшие "просвещения душ", а вторые – рынка для сбыта продуктов отечественной промышленности, то впереди российских "культуртрегеров" шли русские крестьяне, превращенные русской историей и русским правительством в "охотников до чужой земли"» (Париж, 26 марта 1932 г.)[3].

В Туркестане всегда существовали противоречия между кочевым и оседлым населением, между тюрками и таджиками, между шиитами и суннитами**. Но они возникали в рамках исламской цивилизации.

Ислам – очень важный фактор, с которым царской, а затем и Советской России приходилось считаться, выстраивая взаимоотношения с население Туркестана. Поэтому русское правительство искало пути утверждения своего влияния, учитывая определяющее место ислама и исламского духовенства в жизни региона. Правительство не предпринимало активных попыток «выдавливания» ислама (например, в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку), скорее здесь проводилась политика «невмешательства в духовные дела мусульман», хотя некоторые шаги по ограничению влияния ислама были предприняты.

Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, который связывался с идеей национального государства. Это предполагало приобщение инородцев к русской государственности и русской цивилиза-

---

* *Маев Николай Александрович* – военный востоковед, географ и этнограф. В 1869–1892 гг. редактор главной газеты края «Туркестанские ведомости», редактор сборника «Материалы для статистики Туркестанского края». Участник нескольких географических и этнографических экспедиций.

** *Шиизм* – возник в VII в. на почве споров о числе имамов и личности последнего из них шиизм раскололся на несколько сект. Шииты не признают суннитских халифов, считая законными преемниками Мухаммеда лишь халифов-имамов Алидов.

Суннизм – наряду с Кораном признает Сунну. При решении вопроса о высшей мусульманской власти опирается на согласие всей общины, в отличие от шиизма, признающего имамами-халифами лишь Алидов.

ции, а в перспективе – их слияние с русскими.

В это же время появляется доктрина ограниченной веротерпимости, допускавшей вероисповедание ислама, но препятствовавшей его распространению и укреплению. Эта идеология начала воплощаться в концепции охранительной политики православного консерватизма.

Наряду с этим в начале XX в. шло реформирование традиционного общественного сознания национальных элит Туркестана. Их называли джадидами, что дословно с арабского можно перевести как сторонники нового метода в просвещении мусульман. Движение это достаточно быстро получило распространение у мусульманских народов России. Новометодникам-джадидам противостояли кадимисты – та часть мусульманской уммы (общины) и духовенства, которая придерживалась более консервативных взглядов не только в сфере образования, но и в целом изменения жизненного уклада мусульман Туркестана.

К 1913 г. в Туркестане насчитывалось 6022 мактаба из 9723 имевшихся в империи, 445 медресе из 1064 действовавших по стране[4].

Персидская и младотурецкая революции первого десятилетия XX в. усилили интерес российского правительства к оппозиционному мусульманскому движению. Одним из направлений национальной политики стала борьба с панисламизмом и пантюркизмом, под которыми в России понималось всякое проявление культурно-политического самосознания мусульман. В приверженности панисламизму обвинялись прежде всего представители мусульманской интеллигенции.

Нельзя не отметить тот факт, что после младотурецкой революции в политическом сознании российских (в том числе туркестанских) мусульман действительно наметилась сильная протурецкая ориентация, которая серьезно беспокоила правительство. Поэтому в целом комплексе вопросов Османская империя воспринималась мусульманами России как ориентир, к которому нужно стремиться.

При всей первостепенной роли ислама думается, что дело не только в религии, но и в менталитете.

На практике чужой менталитет, традиции, обычаи, приоритеты вызывают нередко хотя бы подспудную негативную реакцию. Поэтому в туркестанском обществе существовало где открытое, где латентное недовольство государственной национальной политикой России.

После завоевания Туркестана Россия гарантировала коренным народам освобождение от воинской повинности и достаточно долго свое обещание сдерживала.

С одной стороны, эта была привилегия, носившая характер «монаршей милости», а другой – вполне оправданная политическая мера, поскольку мусульманское население недавно присоединенной к России огромной территории не могло считаться достаточно благонадежным. Кроме того, мобилизационных ресурсов европейской части страны было вполне достаточно.

Население Туркестана не платило военного налога. Вопрос о взимании последнего правительство рассматривало на протяжении нескольких десятилетий, решившись на его введение только 1 января 1915 г.

Полувековое присутствие в крае обошлось России в более чем 150 млн руб. Это без расходов на железнодорожное строительство, которое стоило метрополии 164 млн руб.

Ежегодно правительство доплачивало краю порядка 3,5 млн руб. на «текущие» расходы.

Первую прибыль казне в 1 млн руб. Туркестан дал в 1909 г.[5] Это составляло 1/136 часть от всех доходов, полученных государством.

Иными словами, Туркестан не участвовал наравне с другими регионами России в общегосударственных расходах и погашении государственных долгов[6]. Это можно объяснить либеральной политикой правительства, не желавшего «обижать» мусульманское население края.

С другой стороны, при расчете налогового дефицита по Туркестану нельзя не учитывать экономии от снятия дорогих военных линий в Оренбургских и Уральских степях (за 28 лет они стоили бы 165 млн руб., и, если сравнить с приведенными выше цифрами, эти деньги покрывали расходы по железнодорожному строительству), от упразднения Оренбургского военного округа и Оренбургского генерал-губернаторства, наконец, прибылей от расширения внутреннего российского рынка и появления в значительных размерах собственного хлопка. Если все это посчитать, то оказалось бы, что присоединение не только не ввергло Россию в убыток, но принесло доходы[2].

Конечно, от Туркестана ждали большей доходности. Отрицать это не имеет смысла. В противном случае все усилия, по освоению новой территории, в том числе финансовые, выглядели бы бессмысленно.

На этом фоне тезис о том, что «царизм настойчиво проводил нещадную эксплуатацию природных богатств края, превращая Туркестан в сырьевой придаток империи»[7], имеет как минимум одно уязвимое место.

Прежде, чем начать «нещадную эксплуатацию», Россия вложила значительные средства в создание местной промышленности и инфраструктуры.

С началом Первой мировой войны за период с 1914 г. по 1916 г., поземельный налог в Туркестане увеличился более чем в 2 раза и достиг 14 311 771 руб., промысловый налог повысился с 1 149 676 руб. до 2 838 240 руб. Кроме того, правительство установило дополнительный военный налог на хлопок в размере 2 руб. 50 коп. за пуд хлопка-волокна[8].

С 1913 по 1915 г. доходы казны в Туркестане, включая поземельный и промысловый налог, таможенные сборы и т.д., увеличились на 66%[9].

Такое резкое повышение налогов по отношению к политике, которую можно охарактеризовать как «политику наибольшего благоприятствования», не могло не вызвать недовольства населения*.

Война ухудшила социально-экономическое положение в крае, сопровождавшееся снижением уровня жизни населения.

Одновременно развернулась активная деятельность многочисленных российских уполномоченных по заготовке сырья, продовольствия, фуража, топлива для промышленности и армии. На военные нужды у населения реквизировался рабочий и вьючный скот, повозки, юрты, кошмы.

Только из Сырдарьинской и Семиреченской областей в 1914 г. было вывезено 1 млн голов овец.

В 1916 г. вследствие сокращения поставок зерна дефицит хлеба составил в Туркестане 22 млн пудов[11].

В 1915–1916 гг. при значительном повышении цен на зерно, рис, сахар и другие продукты были установлены твердые заниженные цены на хлопок; процветала спекуляция; на почве дороговизны во многих местах вспыхивали стихийные волнения и акции протеста.

Как с тревогой констатировалось в одном из секретных донесений жандар-

---

* Налоги были увеличены не только в Туркестане. Например, в Закавказье законом от 24 декабря 1914 г. земельный налог был увеличен на 50%, а с 1915 г. была увеличена рента с государственных земель, находившихся в постоянном пользовании крестьян[10].

мского управления тех лет, «нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возбуждение».

В то же время порочная практика изъятия земель у коренных жителей края для создания русских поселений продолжалась[11].

С началом Первой мировой войны в Туркестан начинают отправлять военнопленных.

Первая партия пленных прибыла в сентябре 1914 г.

К июню 1915 г. их численность превысила 148 тыс.[12] К марту 1916 г. общее число военнопленных в крае достигло 200 тыс.[12] Их количество стало превышать количество населения городов, в которых они размещались.

Краевая администрация была этим крайне обеспокоена, считая, что в случае каких-либо беспорядков это усугубит ситуацию.

Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев (с июля 1915 г.), которых к 1916 г. насчитывалось до 70 тыс., привело к продовольственному и жилищному кризису[12].

В 1914 г. состав высшей администрации в крае значительно изменился. Генерал-губернатор генерал А.В.Самсонов в момент объявления войны находился в отпуске. В Ташкент он больше не вернулся и получил назначение на должность командующего армией на Западном фронте.

Его помощник генерал от инфантерии В.Е.Флуг последовал за ним.

На фронт также были направлены начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Л.В.Леш, военные губернатор Самаркандской области генерал-майор И.З.Одешелидзе.

Ушли на фронт и кадровые части ТуркВО.

Новым генерал-губернаторам края в 1914 г. был назначен генерал от инфантерии Ф.В.Мартсон, которому шел 62-й год и который был серьезно болен. На своих должностях остались уже отошедшие от строевой службы военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Семиреченской областей – генерал-лейтенанты А.С.Галкин, А.И.Гиппиус и М.А.Фольбаум, многие годы прослужившие в крае.

Эти кадровые изменения также сказалось на принятии административных решений и дальнейшем развитии ситуации.

«Турецкий след»

Национальный и религиозный вопросы для Российского государства всегда были непростыми и злободневными.

В первые десятилетия XX в. проблемы конфессиональной и этнической принадлежности стали одним из ключевых факторов противоречивого отношения народов России к выбору внешнеполитического курса империи.

Еще в начале 1910 г. министерство иностранных дел России стало получать сведения о готовящемся в Османской империи плане по сбору средств на усиление армии и флота. План содержал обращение к российским мусульманам оказать турецкой армии посильную материальную помощь. Это не могло не насторожить официальные власти. Подавляющее большинство мусульман России проживало в недавно завоеванных, а потому не вполне благонадежных окраинах империи.

В этих условиях руководство МИД и МВД с большой долей вероятности полагало, что в случае военного столкновения с Османской империей приверженцы ислама в России встанут на сторону «братьев-мусульман», и отсюда – требование установить самый тщательный контроль за перемещением по территории России лиц, имеющих турецкое подданство.

В секретном циркуляре военного губернатора Ферганской области, разосланном уездным начальникам и полицмейстерам, выражалась глубокая обеспокоенность ситуацией и, в частности, говорилось: «Считаю еще раз необходимым подтвердить вопрос о необходимости зорко следить за настроениями туземного населения в нынешнее тревожное время, и в случае появления среди него агитаторов с целью возбуждения населения против правительства немедленно мне об этом доносить, принимая в то же время надлежащие законные меры...»[11]

В августе 1910 г. дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе в секретном сообщении информировал Туркестанское районное охранное отделение, что по сведениям, имеющимся в МИД России, замечается усиленная панисламистская деятельность младотурок в отношении многочисленного мусульманского населения империи, а именно: в Россию под видом купцов и паломников посланы опытные турецкие эмиссары. В министерстве не без оснований полагали, что определенная их часть устремится в Туркестан, поэтому и просили установить самый тщательный надзор за всеми подозрительными иностранцами[11].

Власти на местах тоже реагировали на ситуацию.

Туркестанский генерал-губернатор А.В.Самсонов и районное охранное отделение, ссылаясь на текущие события на Балканском полуострове, которые турецкой стороной расценивались как джихад – «священная война против неверных», настаивали на строжайшем контроле со стороны военных губернаторов областей края за турецкими шпионами и сочувствующими Османской империи.

«Сочувствие» имело весьма конкретный, материальный характер.

Так, в Закаспийской области Туркестана был известен случай сбора денег в пользу «Красного Полумесяца», разрешенный(!) начальником Красноводского уезда. Сбор денег был прекращен по распоряжению начальника области, а собранные деньги сданы в местное казначейство[11].

Мусульманские печатные издания в России выпускали специальные номера, где открыто публиковали фамилии жертвователей в пользу раненых турецких солдат.

Более того, на фоне разгоравшегося Балканского конфликта (1913 г.) среди российских мусульман все сильнее обсуждался вопрос о якобы предстоящей войне России с Китаем. При этом турецкие эмиссары в случае действительного начала такой войны вполне могли вести агитацию за объединение мусульманских народов и их отделение от России с планированием нападения на нее в союзе с Японией и Китаем[11].

Такая ситуация была закономерным следствием непродуманной и несгкоординированной национальной политики. Большинство российских мусульман ощущали себя гражданами второго сорта.

В 1914 г. в соответствии с планом военных действий, разработанным в начале войны, задача турецких войск заключалась в том, чтобы, ведя наступательную войну против России, войти в соприкосновение с ее мусульманским населением.

Операции на Кавказском направлении преследовали цель реализации одновременно и панисламистских, и пантюркистских идей на Кавказе, в Поволжье и Средней Азии. Наступление турецкой армии должно было быть поддержано организацией в русском тылу восстаний, волнений, диверсионных актов и т.п.[13]

Имелись сведения, что так называемым «мусульманским комитетом» из Тифлиса рассылались прокламации на турецком языке, направленные против России и призывающие мусульман объединиться и «кровью защитить ислам, дабы не дать христианам восторжествовать и уничтожить мусульманство»[11].

Германия и Порта накануне и во время Первой мировой войны были крайне заинтересованы в нагнетании внутриполитической обстановки в России всеми доступными им средствами. Самый эффективный способ – спекуляции на

имеющейся в России религиозной и национальной нетерпимости. Однако простые мусульмане империи не всегда были в состоянии воспринять идеологические установки, активно внедряемые германо-турецкой пропагандой.

В Османской империи признавали, что одной из главных причин медленного распространения панисламизма в России является «малая культурность низших слоев мусульманского населения, невежество их духовенства и существующая между мусульманскими сектами религиозная ненависть»[11].

Поэтому было решено разделить панисламизм как движение на две части: на политический и религиозный и начать вести дело на фоне религиозного объединения мусульман, обратив особое внимание на развитие фанатизма в народных массах и поднятие их культурного уровня, «возложив обязанности по пропаганде панисламистских идей в России на избранных местных мусульман, сочувствующих этим идеям»[11].

Этими «местными мусульманами» стали татары-джадиды. И если турецкими агентами в основном пугали, то следы влияния поволжских татар в Туркестане были вполне очевидны. При этом мусульмане-татары были, несомненно, ближе и понятнее коренному населению Туркестана, чем младотурки.

Призыв на тыловые работы

Уже к концу 1915 г. в Центральной России стали заметны признаки нехватки людских ресурсов.

15 января 1916 г. постановлением Совета министров было образовано междуведомственное совещание по вопросу о применении на территории России труда корейских и китайских подданных.

Были утверждены нормативы и принципы, на основании которых иностранцы могли привлекаться для работы на российских предприятиях. Но эта мера не решала проблемы дефицита неквалифицированной рабочей силы. Поэтому правительство приступило к мобилизации на восточных окраинах.

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Целью указа являлось обеспечение рабочей силой оборонных объектов и военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт русских рабочих за счет замены их коренным населением ряда регионов империи, освобожденных от несения воинской повинности. Стоит отметить, что еще до объявления мобилизации, коренное население Туркестана добровольно вербовалось на работу.

Например, в Аулие-Атинском и Черняевском уездах Сырдарьинской области военно-инженерной организацией на тыловые работы было набрано около 10 тыс. чел.[16]

За отбывание трудовой повинности в рамках указа от 25 июня 1916 г. рабочие должны были получать денежное вознаграждение и находиться на полном обеспечении государства. В первую очередь мобилизации подлежало мужское население в возрасте от 19 до 31 года включительно.

Для сельского населения это означало потерю основной части работников в разгар полевых работ на хлопковых полях.

В Туркестане мобилизация была начата 29 июня 1916 г.

По наряду край должен был направить на тыловые работы порядка 250 тыс. чел. Но уже 2 июля 1916 г. на совещании, состоявшемся у временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р.Ерофеева, с участием Сырдарьинского, Ферганского и Самаркандского военных

губернаторов краевая администрация пришла к единодушному выводу: наряд необходимо уменьшить, хотя бы до 200 тыс.[14]

Совещание возложило практическую реализацию указа на низовую администрацию из числа коренного населения и выразило полную уверенность в том, что беспорядков удастся избежать.

Военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант А.И.Гиппиус возразил против организации мобилизации рабочих силами волостной и сельской администраций, считая ее крайне ненадежной, и не сомневался, что, выгораживая от призыва имущие категории населения, низовая администрация постарается всю тяжесть призыва переложить на бедняков. Это обстоятельство могло привести к массовым возмущениям.

Как оказалось, военный губернатор Ферганской области не преувеличивал проблемы.

Сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, восприняли императорский указ по-своему.

Судя по всему, именно они стали распространять слухи, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для заселения освободившихся земель русскими[15]. Поэтому население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы как отказ со стороны русского правительства от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав*.

Вскоре стали очевидны нарушения и злоупотребления, допускаемые при мобилизации представителями местной низовой администрации, нередко использовавших мобилизацию для наживы.

Сыновья богатых откупались, а бедняки лишались единственных кормильцев.

Последствия не замедлили сказаться: спустя несколько дней на огромной территории Туркестана, а затем Степного края разгорелось массовое восстание, реально угрожавшее как социально-политическому спокойствию на азиатских рубежах империи, так и ее экономическому могуществу.

Восстание в Туркестане**

Первым проявлением восстания в 1916 г., вылившимся в расправы с чинами местной и русской администрации, стали события 3–4 июля в г. Ходженте. 4 июля 1916 г. городская беднота и дехкане (крестьяне) Ходжента собра-

---

* После принятия в 1865 г. нового «Устава о воинской повинности», среди мусульман Поволжья стали распространяться «нелепые слухи» о принудительном крещении при призыве на воинскую службу, что вызвало серьезные волнения.

Эти слухи были инспирированы агентурой Османской империи в целях срыва воинских призывов и даже возникла угроза массовой эмиграции поволжских мусульман в Турцию. Это мнение сформировалось на основании донесений местных властей и ему придавалось серьезное политическое значение[19].

** Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области управлялись на основании Положения 1886 г. Семиреченская и Закаспийская области административно в состав Туркестанского генерал-губернаторства вошли позже из Степного края и Кавказского наместничества, соответственно. В Семиреченской области действовало временное Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областями, а в Закаспии – временное Положение об управлении Закаспийской областью. Поэтому Самаркандскую, Сырдарьинскую и Ферганскую области называли «коренными областями» Туркестана. Новое Положение об управлении, единое для всех пяти областей, работы по созданию которого велись с конца XIX в., должно было нивелировать различия в управлении.

лись на демонстрацию против набора на тыловые работы.

6 июля начальник Туркестанского районного охранного отделения (ТРОО) полковник Д.В.Волков докладывал директору Департамента полиции, что в крае распространились слухи о призыве в войска, тревожащие население.

«Видимо, для разъяснения слухов, – писал Волков, – толпа сартов (так в конце XIX в. – начале XX в. называли оседлое, преимущественно городское население Туркестана. – *Авт.*) с женщинами в Ходженте подошла к полицейскому управлению. Требования полиции разойтись они не исполнили, полиция употребила оружие, убито три сарта, ранено три и одна женщина»[17]. Власти объявили город на военном положении.

В Ташкенте, столице Туркестанского края , восстание вспыхнуло одним из первых. Волнения в городе начались сразу же после обнародования указа.

Первоначально было объявлено, что город должен поставить около 7 тыс. чел. На самом же деле наряд по набору составлял 12 600 чел.[18] Сведения о значительном увеличении набора еще больше усилили возмущение[19].

7 июля начальник Ташкента вызвал в Шейхантаурскую мечеть всех имамов и пятидесятников, объявил им указ и обязал оказать помощь в организации набора[19].

11 июля 1916 г. в полицейском управлении туземной части Ташкента (все города Туркестана были поделены на «новую», то есть «русскую», и «старую», «коренную» части) должны были собраться все пятидесятники для приведения в исполнение распоряжения правительства. Ранее означенного времени на дороге около полицейского управления собралась толпа женщин. К ним стали присоединяться мужчины...

Полицмейстер города Н.Е.Колесников дальнейший ход событий в своих показаниях обрисовал следующим образом: «Подъехав к управлению, я видел, что вся решетка около сада сломана, во дворе масса народа, около двух-трех тысяч. Я с казаками пробрался к управлению, пробовал говорить, убеждал толпу, но слушать никто не хотел. Я обратился к казакам, чтобы они оттеснили толпу от здания нагайками, но вскоре нагайки у них были вырваны. Я видел, что один сарт вооружился шашкой и бросается на меня. Угроза револьвером не подействовала, и сарт двигался на меня с поднятой шашкой. На расстоянии двух шагов я убил его наповал. Дальше я должен был отказаться увещать толпу»[20].

Казаки Колесникова в упор стали стрелять в толпу. Несколько человек из числа восставших были убиты и ранены.

Восставшие порвали телефонные провода и продолжали атаковать здание полицейского управления, где укрылись полицейские и казаки. Им на помощь прибыла рота ташкентской школы прапорщиков, которой удалось разогнать восставших.

Жители города стремились привлечь на свою сторону военнопленных и лиц, настроенных против царизма. Так, 16 июля 1916 г. генерал-губернатор края сообщил военному министру: «<...> Около саперного лагеря близ Ташкента задержан местный туземец, предлагавший добровольцам-сербам, живущим в этом лагере, принять участие в сартовском беспорядке, в котором, по его словам, должны принять участие пленные Ташкента и афганцы»[18]. Однако эти попытки не увенчались успехом.

Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля 1916 г. в Джизаке. В нем участвовало несколько тысяч человек.

13 июля в старой части города было объявлено о представлении списков мобилизованных в десятидневный срок, но мобилизация так и не была проведена. Тогда уездный начальник созвал в мечети население и обратился к нему с угрозами. Народ делегировал ишана Назир-ходжу Абдусалямова в Ташкент узнать, как там проходит мобилизация. Вернувшись из Ташкента, Назир-ходжа сообщил, что там набор отложен до 17 июля? и стал призывать население к уничтожению списков.

Восстание охватило весь Туркестан: в 100 местностях Ферганской области, 28 – Самаркандской области, 20 – Сырдарьинской области. Во всех местах, охваченных восстанием, ситуация развивалась примерно одинаково.

Местные власти стали принимать экстренные меры по подавлению очагов восстания. Для наведения порядка были брошены карательные отряды[21].

На фоне все набиравшего силу восстания в официальной переписке между Петербургом и Ташкентом можно встретить за первую половину июля 1916 г. неожиданные, но регулярно повторяющиеся сообщения временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии М.Р.Ерофеева: «Во всех местностях края спокойно <...>»[17].

18 июля 1916 г. Туркестан был объявлен на военном положении.

Наиболее массовый и в какой-то степени организованный характер под предводительством религиозных лидеров восстание носило в Ходженте и Джизаке – двух бухарских крепостях, оказавших ожесточенное и длительное сопротивление русским войскам во время присоединения Средней Азии. При этом, если бы из мусульманского духовенства сделали государственных чиновников, а именно так правительство поступило в Поволжье и Крыму, ситуация в Туркестане выглядела бы иначе.

Духовные лидеры в Туркестане всегда имели большое количество мюридов-последователей. Достаточно было их письменного или словесного распоряжения «о послушании русским властям» и беспрекословном исполнении указа от 25 июня о поставке рабочих в тыл действующей армии. Если бы такие распоряжения были отданы, то, по мнению сотрудников ТРОО, «все было бы тихо и выступлений не происходило»[11].

Учитывая возникшие проблемы, 30 июля 1916 г. был объявлен новый царский указ об отсрочке мобилизации до 15 сентября. В правящих кругах подумывали о полной отмене мобилизации для Туркестана, как это было сделано в отношении Кавказа.

Побоявшись, что эта мера «будет объяснена туземцами не иначе как слабостью русского правительства», в Петрограде решили заняться кадрами и усилить местную администрацию. Во главе ее поставили генерал-адъютанта А.Н.Куропаткина, командующего Северным фронтом, а в прошлом военного министра России.

23 июля 1916 г. генерал А.Н.Куропаткин записал в своем дневнике: «Вчера у меня сидел генерал Покотило, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создалось серьезное. Власть в плохих руках. Эмиссары Германии работают во всю. Массы пленных избалованы.

Мартсон, и. о. генерал-губернатора, развалился. Сырдарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкошин – слепой. Ферганский – Гиппиус – с гвоздем. Закаспийский – Колмаков – слаб, болезнен. Семиреченский – Фольбаум – лучше других. Правитель канцелярии Ефремов <...> очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела. Помощник генерал-губернатора Ерофеев очень неподготовлен <...> . Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале»[22].

Из опыта полумесячной борьбы в крае, предшествовавшей его назначению, А.Н.Куропаткин сделал вывод, что нельзя полагаться только на силу оружия, нужна политика уступок и лавирования, необходимо обновить саму систему управления краем.

Он пишет 29 августа 1916 г. начальнику Управления земледелия и государственного имущества Н.М. Булатову: «К прекращению беспорядков мною ныне приняты соответственные меры <...> Но наряду с вооруженной силой, нужной для предупреждения и пресечения открытого сопротивления или возмущения, необходимы меры и иного характера <...> Русской власти за полувековое владычество в крае не удалось не только сделать инородцев верными слугами Российского императора и преданными гражданами Российского государства, но и вселить в их сознание единство их интересов с интересами русского народа»[11].

Далее генерал Куропаткин обращал внимание на следующие моменты: «В этом, думается мне, повинны, в известной мере, и несовершенство закона, нормирующего управление Туркестанского края, и приемы управления, и, наконец, мероприятия, издававшиеся для устройства быта местного населения. Действую-

щим законом туземное население поставлено в обособленное положение от коренного населения Империи как в отношении управления и устройства быта, так и в отношении личных прав»[11].

Как видно из документа, в очень непростой ситуации генерал Куропаткин достаточно трезво оценивал истинное положение вещей.

Вновь назначенный генерал-губернатор ввел особый порядок, согласно которому количество мобилизуемых рабочих от каждой области, волости и уезда утверждали специально избранные представители от населения.

23 августа приказом Куропаткина были освобождены от набора следующие категории коренного населения:

– должностные лица;
– полицейские чины;
– имамы, муллы и мударисы;
– служащие учреждений мелкого кредита;
– учащиеся в высших и средних учебных заведениях;
– лица, занимающие классные должности в правительственных учреждениях;
– лица, пользующиеся правами дворян, потомственных почетных граждан и личных почетных граждан.

При общении с русским населением Куропаткин пытался всеми доступными ему средствами успокоить его и вернуть в край хотя бы видимость стабильной жизни, поскольку правительство не справлялось со своей основной задачей – не смогло обеспечить безопасность людей, поселив их на далекой окраине. Недовольству «туземцев» было решено противопоставить непоколебимую мощь Российского государства в Русском Туркестане.

Это чувствуется из выступления генерала Куропаткина (21 августа 1916 г.) перед депутацией от европейского населения Ташкента: « <...> Воля Государя должна быть исполнена. И она будет исполнена во что бы то ни стало (речь идет о мобилизации коренного населения на тыловые работы. – *Авт.*) <...> Но нельзя допустить, чтобы на этой земле туземцы проливали русскую кровь <...> У меня уже находятся планы земель, где в Джизакском уезде были убиты русские люди, по которым испрашивается отчуждать от туземцев 2000 десятин земли, и я буду о том ходатайствовать... Что касается русского населения, как ранее, так и теперь, я буду заботиться, чтобы среди всех народностей Туркестанского края вы чувствовали себя старшими братьями»[11].

По мнению одного из очевидцев, подавлением восстания царское правительство отвело в сторону опасность, угрожавшую сегодня, но не уничтожило ее окончательно, а национально-освободительные идеи после этого «сделались более навязчивыми, чем раньше».

Восстание в Семиречье и Закаспии

Восстание в городах и кишлаках, населенных узбеками и таджиками, длилось относительно недолго, уступив место эпизодическим всплескам насилия. Однако «успокоения» не наступило. В начале августа 1916 г. власти столкнулись с большим по своей силе восстанием среди кочевого (казахского и киргизского) населения в Сырдарьинской и Семиреченской областях Туркестана и Тургайской, Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края.

В Семиречье восстание охватило обширную горную территорию Пишпекского и Пржевальского уездов.

Близ селения Рыбачье был захвачен транспорт с оружием. 170 берданов и 40 тыс. патронов, которые предназначались в г. Пржевальск на вооружение чинов формировавшегося там отряда конного запаса.

В горах были устроены мастерские для выделки холодного оружия, выводились из строя дороги, телеграфные линии и т.д. В Пишпекском уезде взбунтовались 6 волостей, было прервано телеграфное сообщение с Пржевальском.

В верховьях Таласа сосредоточились большие группы восставших, совершавших набеги на русские поселки. В августе в Пишпекском уезде был убит пристав Загорных волостей со своим конвоем.

В Пржевальском уезде восстание началось 9 августа с нападения на село Григорьевку, откуда оно стало распространяться на восток. 11 августа к киргизам присоединились дунгане. Восставшие уничтожили несколько переселенческих поселков. Сообщение с Пржевальском и другими пунктами было прервано до 20 августа.

Согласно сообщениям временно исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора М.Р.Ерофеева, в Аулиеатинском уезде восставшим киргизам провиантом помогали немецкие колонисты, а в числе мятежников находился турецкий мулла.

В Пржевальском уезде был задержан немецкий шпион. По показаниям пленных, отбитых у восставших, в Пржевальском уезде восстанием якобы руководил турецкий генерал и двое европейцев. В некоторых местностях Семиречья восстанием руководили молодые киргизы, одетые в форму русских учебных заведений[17].

19 августа 1916 г. в телеграмме, направленной в МВД, генерал-адъютант Куропаткин, ссылаясь на донесения военного губернатора Семиречинской области, следующим образом сформулировал причины восстания казахского и киргизского населения:

– объявление реквизиции рабочих;

– деятельность землеотводных партий;

– дороговизна жизни, воспринимаемая населением как слабость власти;

– пропаганда со стороны Китая (Кульджа) под руководством германских агентов;

– вывоз из Семиречья огнестрельного оружия, необходимого на фронте[17].

По данным российского консульства в Кульдже, в уезды Семиречинской области тайным китайским монархическим обществом было послано 6 агентов для организации восстания.

В донесении о жертвах восстания генерал-губернатор Куропаткин сообщает, что по Семиречью со стороны русского населения киргизами было убито 2000 чел. Около 1000, преимущественно женщин, уведено в плен, сожжено 1300 усадеб, разгромлено 100. По другим сведения, в одном Пржевальском уезде переселенцев пострадало до 3244 чел., из них убито 1998 чел.[23]

Это стало возможным вопреки выводам прежнего генерал-губернатора Туркестана генерала от кавалерии А.В.Самсонова, который за несколько лет до описанных событий (1913 г.) писал в докладе о политической ситуации в крае: «Семиреченские киргизы, в 800-тысячную массу коих вкраплено уже 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично осознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю»[24].

Крестьянин селения Токмак Н.Миханков рассказывает в своих воспоминаниях, что в 1915 г. среди киргизов собирались средства для закупки оружия. Для этого было проведено обложение 37 киргизских волостей.

В паломничество в Мекку в это время собирался один из известных манапов*, Дур Соромбаев. Поездка не состоялась из-за того, что русское правительство не выдало заграничного паспорта, поэтому отправить собранные средства предполагалось через Афганистан.

Производилась вербовка людей, знающих военное дело, с целью обучения ему киргизской молодежи[23].

Другой очевидец событий, дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе С.В.Чиркин, так описал восстание: «Беспорядки с исключительной силой проявились в отдельных уездах Семиречья, где киргизы бесчинствовали над беззащитными русскими поселенцами. Дома их сжигались, имущество расхищалось, мужское население беспощадно вырезалось, а женщины и дети уводились в горы, где подвергались всяческим надругательствам <...>»[25].

По мнению итальянского исследователя Марко Буттино, оппозиция злосчастному царскому приказу превратилась в кровопролитное противостояние русским особенно там, где уже и до войны сложились конфликтные отношения, то есть в недавно образованных русских посел-

---

* *Манап* – глава родового объединения.

ках. Здесь складывалась особенно тяжелая ситуация, поскольку рекрутирование мужчин делало села беззащитными перед угрозой со стороны мятежников[26].

В стороне от восстания не осталось и население Закаспийской области Туркестана. Основу населения области в основном составляли два крупных племенных союза туркмен: иомуды и текинцы.

Пользовавшаяся большим уважением и авторитетом среди текинцев ханша Гульджамал, выражая полную готовность «исполнить монаршую волю», обратилась к Куропаткину как к бывшему начальнику Закаспийской области с ходатайством посодействовать перед военным министром и императором об отсрочке призыва рабочих до окончания сбора хлопка[17]. В итоге текинцы, в отличие от иомудов, подчинились указу о мобилизации рабочих.

Иомуды в основном вели кочевой образ жизни. Среди них были русские и персидские подданные, подданные Хивинского хана и лица, имевшие двойное подданство, кочевавшие по территории России и Персии. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин называл иомудов «наиболее беспокойными и наименее подверженными русскому влиянию» населением.

Центром восстания в Закаспии стал Красноводский уезд. Документы указывают на связь восставших с Персией (оттуда поставлялось оружие и туда же во время восстания бежала значительная часть иомудов).

Восставшие нападали на войсковые части, казачьи пикеты, поджигали русские поселения, нападали на рыбные промыслы.

Русское население пришлось эвакуировать из района восстания туркмен. Иомуды были хорошо вооружены и совершали нападения большими группами. Очевидцы отмечают очень упорный характер восстания в туркменской среде и сильное сопротивление войскам.

Так, 27 сентября 1916 г. между царскими войсками и иомудами произошло сражение за укрепление Ак-Кала на Гургене. Войска применили пулеметы и артиллерию.

Восстание среди туркмен-иомудов продолжалось до конца января 1917 г. (в других районах края восстание было подавлено в конце 1916 г.), когда были ликвидированы их основные силы и сдались руководители[17].

УБАЙДУЛЛА ХОДЖАЕВ. После объявления указа о мобилизации от 25 июня 1916 г. по предложению представителей национальной интеллигенции были созданы и ею возглавлялись комитеты по содействию набору тыловых рабочих. Ташкентский комитет по отправке коренного населения на тыловые работы возглавил Убайдулла Ходжаев, один из известных и влиятельных политических лидеров края.

Вот какую характеристику дает Ходжаеву исполняющий дела военного губернатора Ферганской области полковник П.П.Иванов: «<...>Перед беспорядками (речь идет о восстании 1916 г. – *Авт.*) Ходжаев создает себе марку панисламиста. После беспорядков едет в Петроград, проникает благодаря газетным связям в думские круги, освещает тенденциозно положение вещей в крае и везет в Туркестан Керенского и Тевкелева, с которыми появляется везде, распуская в народе сведения о том, что он нашел влиятельных защитников туземному населению в Петрограде»[11].

Из агентурных донесений ТРОО за сентябрь 1916 г. известно: «<...>10 августа Ходжаев прибыл в Ташкент с Тевкелевым, после чего по Ташкенту и др. городам стали ходить слухи, распускаемые самим Ходжаевым, что он привез населению нового генерал-губернатора и членов Государственной думы, которые устроят все для блага туземного населения»[11].

ДЕПУТАТЫ. Действительно, Государственной думой было принято решение направить в край свою комиссию, состоявшую из члена мусульманской фракции Государственной думы К.-М. Б.Тевкелева, а также представителя фракции трудовиков А.Ф.Керенского. Депутаты пробыли в Туркестане немногим более полумесяца (с 15 августа по 2 сентября). Они побывали в ряде городов (Ташкент,

Самарканд, Джизак, Андижан, Коканд) и сельской местности (Ассаке, Тойтюбе и др.).

Прежде чем отправиться в Туркестан, А.Ф.Керенский от имени членов Государственной думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя начальника Штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева[11]. В ней, в частности, говорилось, что «экономически изъятие части рабочих, волнения среди остальных в период хлопковой компании грозит гибелью значительной части урожая хлопка, столь необходимого для государства»[11].

Тевкелев прибыл в Ташкент 15 августа 1916 г. в сопровождении местных джадидов Шакира Мухамедиарова и Мустафы Чокаева, а глава депутации А.Ф.Керенский приехал 17 августа. Керенский (многие годы проведший в Туркестане), несомненно, имел некоторые представления о проблемах края*.

Губернаторам областей и чинам полиции предлагалось не чинить препятствий депутатам при посещении ими некоторых местностей Туркестана и ознакомлении с причинами беспорядков. По документам ТРОО можно восстановить достаточно полную картину пребывания депутатов в Туркестане.

В Андижане и Коканде вокруг депутатов «собирались толпы туземцев, и последние обращались к туземцам с речами, причем приближавшихся к месту сборищ чинов полиции просили удалиться»[11].

Докладная записка начальника туркестанской охранки Д.В.Волкова заканчивается следующим выводом: «Принимая во внимание, что член Государственной думы Керенский – председатель трудовой фракции – таким путем может пропагандировать среди туземцев идеи, противные задачам государственного управления, и вселять среди туземцев надежды на осуществление их мечтаний националистического характера»[11].

Во время пребывания в Андижане Керенский заявил, что постарается устроить для коренного населения все, о чем оно просит. Он просил верить, что и в Туркестане, и в России есть русские люди, которым не безразлична судьба туземного населения, которые не считают туземцев толпой, «с которой все дозволено». И он, Керенский, готов для них работать так же, как и для своего народа[11].

За время своего двухдневного пребывания в Андижане депутаты, по приблизительным подсчетам, опросили около 100 чел. Они собрали большой материал, изложенный в форме жалоб, петиций, заявлений и т.п.

Керенский дал интервью корреспонденту газеты «Туркестанский курьер».

Он положительно оценил действия нового генерал-губернатора Куропаткина. На вопрос, что явилось причиной возникновения столь масштабных беспорядков, Керенский ответил, что происшедшие волнения были вызваны неправильным толкованием Высочайшего Указа как самими местными жителями, так и некоторыми представителями государственной власти в крае.

В заключение Керенский высказал твердое убеждение в том, что коренное население края благожелательно и лояльно настроено по отношению к русскому населению. При этом он сослался на совместный банкет 30 августа и увиденное там «проявление единения между европейским и туземным населением, каковой радостный факт ему приятно констатировать, так как только такие отношения без проявления национальной и религиозной розни способны провести край по пути экономического процветания и свободной культурной жизни»[28].

---

* Для поездки в Туркестан фигура А.Ф.Керенского была выбрана не случайно. Его детство и отрочество прошло в Туркестане, поэтому Керенский считался в Думе «экспертом» по туркестанским вопросам. В начале 1889 г. Керенские переезжают из Симбирска в Ташкент, в связи с назначением отца главным инспектором народных училищ края. После окончания гимназии (1899 г.), накануне отъезда в Петербург, директор гимназии Николай Петрович Остроумов так охарактеризовал молодого Александра Керенского: «В развитие природных наклонностей гимназиста Керенского были заложены преобладающие черты – живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики»[27].

ОБ ИДЕАЛИЗАЦИИ «НАРОДНЫХ ГЕРОЕВ». 30 августа 1916 г. ташкентская политическая и торговая элита устроила пышный банкет в честь прибывших в край депутатов.

Организатором банкета являлся У.Ходжаев.

На банкете «в небольшой искренней речи» Ходжаев высказал мысль, что беспорядки произошли вследствие неподготовленности населения к отбыванию каких-либо государственных повинностей, с одной стороны, а с другой – были в недостаточной мере осведомлены об истинной цели высочайшего распоряжения.

В сентябре 1916 г. У. Ходжаев подал на имя генерал-губернатора Куропаткина прошение, в котором, в частности, говорилось: « <...> Довожу до вашего сведения, что всем этим лицам (коренному населению. – *Авт.*) внушается под угрозой ареста мысль, как внушалась она и перед приездом членов Государственной думы, не подавать Вашему Высокопревосходительству никаких заявлений и жалоб на действия администрации»[11].

После этого краевая администрация в очередной раз запретила Ходжаеву издавать газету «Садои Туркестан» и проживать в Андижане и Ташкенте.

В документах за февраль 1917 г. содержится информация о намерении Ходжаева обжаловать это решение генерал-губернатора в мусульманской фракции Государственной думы.

«Проживающие в городе Ташкенте сарты прогрессивного направления, – указано в донесениях охранки, – весьма обрадованы разнесшимися слухами о том, что генерал-губернатором объявлено Убайдулле Асадуллаевичу Ходжаеву о воспрещении ему жительства в пределах Туркестанского края, причем Ходжаев обязан оставить пределы края тотчас по ликвидации вопроса об отправке рабочих сартов в тыл действующих армий. Вообще туземное население города Ташкента, наконец, убедилось, что названный Ходжаев представляет из себя не защитника интересов сартов, а лицо, стремящееся побольше набить собственный карман за счет слепо доверяющих ему сартов, в чем ему удалось достигнуть весьма благоприятных результатов под предлогом расходов, сопряженных с отправкой рабочих команд»[11].

Агент ТРОО отмечает интересную деталь: « <...> Между прочим, Андижанская партия "Таракки парварлар" * снабдила его (Ходжаева. – *Авт.*) деньгами в количестве 1700 руб. и уполномочила возбудить ходатайство в Государственной думе о назначении сенатской ревизии края, об увеличении прав мусульманских судей, отмене 64-й статьи Положения об управлении Туркестанским краем** и изменении закона о выборах в Государственную думу, в смысле имения Туркестаном своего представителя»[11].

Это не единственное упоминание о «добровольных сборах и пожертвованиях».

Осенью 1916 г. в Ташкенте пятидесятники продолжали взыскивать с каж-

---

* Организация «Таракки парварлар» («Общество равенства или единения и прогресса»), лидером которой являлся Ходжаев, выросла на базе благотворительного общества «Умид» («Надежда»), также организованного Ходжаевым.

** Ст. 64 Положения об управлении Туркестанским краем гласила: «Уездные начальники и Участковые приставы имеют право подвергать туземцев за маловажные проступки и ослушание законным распоряжениям властей: первые – аресту не свыше семи дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей, а вторые – аресту не свыше трех дней или взысканию не свыше пяти рублей. Наказания сии налагаются по постановлениям названных лиц, причем копии с постановлений об аресте препровождаются в места заключения, одновременно с подвергаемыми аресту. Денежные средства поступают в особый капитал на усиление средств для устройства мест заключения края». К статье имелось примечание, которое раскрывало понятие «маловажные проступки». Кроме дурного поведения, шума в общественных местах, пьянства, дебоша, оскорбления родителей и т.д., к ним относились «непочтение, грубость и дерзость против лиц, облеченных правительственной или общественной властью».

дого двора от 200 до 500 руб., заявляя, что эти деньги идут на обмундирование и содержание отправляемых рабочих. Такие незаконные поборы тяжелым бременем ложились на население. Люди сомневались в действительности существования подобного распоряжения, но не обращались к властям с жалобой, опасаясь, что их сочтут бунтовщиками.

По имеющимся сведениям, большая часть денег расходовалась не по назначению, а просто прикарманивалась теми же пятидесятниками и другими чинами местной администрации. Шли они и в Ташкентский комитет по набору и отправке тыловиков, в том числе его председателю Убайдулле Ходжаеву и членам комитета якобы «на различные надобности, вызываемые возложенными на них обязанностями»[11].

Косвенным доказательством этого может служить тот факт, что в качестве места постоянного проживания кандидата в депутаты Учредительного собрания, которое указывалось окружной избирательной комиссией, у Ходжаева таковым значится одна из самых дорогих тогда гостиниц Ташкента – «Националь», а у Чокаева – гостиница «Регина». Кроме того, Ходжаев, будучи членом подкомиссии по национальным языкам Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы), не посетил ни одного рабочего заседания.

Согласно донесению ТРОО от 3 января 1917 г., частный поверенный Убайдулла Ходжаев предложил ташкентским сартам свои услуги по защите их интересов как в правительственных кругах, так и в Государственной думе, для чего он был намерен переехать на жительство в Петроград при условии получения им гонорара в размере 6 тыс. руб. в год[11].

Исследователям не стоит слишком идеализировать «народных героев» и не следует забывать, что это были крайне амбициозные люди со всеми свойственными человеку страстями и заблуждениями. Очевидно одно: за короткий промежуток времени Ходжаев сделал стремительную карьеру – из подпольного адвоката он превратился во влиятельного политического деятеля, получившего возможность проживать огромные деньги. В глазах населения У.Ходжаев стал сановником, и свои прошения теперь они адресовали прямо ему как лицу, по их мнению, облеченному громадной властью.

ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ. Восстание продолжалось, а местные официальные газеты пестрели победными реляциями наподобие: «Туземное мусульманское население <...> с пониманием и готовностью откликнулось на исполнение высочайшего повеления о наборе на тыловые работы»[29].

Согласно официальным рапортам Туркестанского генерал-губернатора генерала Куропаткина, первый эшелон рабочих края был отправлен из Ташкента 18 сентября. С 18 сентября 1916 по 5 февраля 1917 г. было отправлено 106 эшелонов (около одной тысячи человек в каждом)[17].

По сообщениям газет, эшелоны с набранными рабочими шли просто один за другим. Но вскоре стали появляться сообщения иного рода, например, о забастовках 10–25 ноября 1916 г. тыловиков-ташкентцев на строительстве Черноморской железной дороги.

В декабре 1916 г. окончательно выяснилась неудача новой мобилизации на тыловые работы. Группа членов Государственной думы обратилась от имени фракций прогрессистов, кадетов, мусульман и меньшевиков с запросом к председателю Совета министров, министру внутренних дел, юстиции и к военному министру по поводу событий в Туркестане и Степном крае.

Депутаты прямо обвиняли правительство в нарушении основных законов империи, и в частности 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и утверждения Государя-Императора. Возникает вопрос: почему народные избранники не предприняли никаких действенных мер сразу после незаконной, на их взгляд, публикации указа?

Наконец, события в Туркестане стали предметом особого рассмотрения на

пятой сессии Государственной думы четвертого созыва.

Заявление, сделанное А.Ф.Керенским, сводилось к незаконности самого «высочайшего повеления», решение о котором было принято без консультации с местными губернаторами.

Депутаты М.Ю.Джафаров, С.П.Мансырев, по сути, тоже говорили о непродуманной государственной акции.

Дебаты в Государственной думе передают серьезную обеспокоенность за судьбу российских интересов в Туркестане. Разговоры о происках панисламистов и германо-турецких шпионов в этом восстании не нашли в Думе сторонников. По мнению большинства депутатов, они были беспочвенны и вместо помощи уже идущей войне, по сути, был создан новый театр военных действий – Туркестанский фронт.

В министерствах начались внутренние разбирательства.

Так, в докладной записке по Главному штабу от 21 декабря 1916 г. отмечалось, что для ответа на этот запрос необходимо иметь точные данные, насколько справедливы заявления членов Государственной думы о неправильных действиях местной администрации.

Для получения этих сведений копии депутатских запросов были направлены Туркестанскому генерал-губернатору и начальникам штабов Казанского и Омского военных округов с просьбой сообщить свое мнение. К направленным запросам прилагались выдержки из речей Керенского и Джафарова с просьбой сообщить о справедливости выдвинутых обвинений в адрес местной администрации. На основании этих мнений в военном министерстве предполагалось составить проект ответа Государственной думе.

Туркестанской администрации ситуация виделась по-иному.

Управляющий делами канцелярии Туркестанского генерал-губернатора В.Н.Ефремов в своем докладе туркестанскому генерал-губернатору отмечал: «В результате обследования, притом крайне скороспелого и затруднявшегося незнакомством депутатов с бытом и языком туземцев, и явилась та картина <...> картина односторонняя, а часто и неверным тоном подкрепленная к тому же фактическими данными, которые были подвергнуты неправильному обобщению или не стояли в действительности ни в какой связи с беспорядками, или же совершенно не имели места, и ввиду всего этого получилась картина, совершенно не соответствующая действительности»[11].

О ЖЕРТВАХ И СУДАХ. Для усмирения беспорядков летом 1916 г., по официальным данным, части ТуркВО дополнительно были усилены 14 батальонами, 33 сотнями, 42 орудиями и 68 пулеметами[30].

Летом-осенью 1916 г. войска потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 259 чел. Погибло 7 русских и 22 «туземных» чиновника. Больше всего пострадали крестьяне-переселенцы Семиречья: 2325 чел. убито и 1384 пропало без вести[21].

Итоговые данные по Семиречью позже скорректировали в сторону понижения – 1905 убитых и 1105 пропавших без вести [18].

Согласно официальным данным, представленным Туркестанским генерал-губернаторам Куропаткиным в Совет министров в конце 1916 г., общее число пострадавших русских семей достигло 8 тыс., из которых 6 тыс. потеряли все свое имущество, при этом особенно сильно пострадало население Семиреченской области. Куропаткин просил у правительства для оказания помощи пострадавшим (просьба была удовлетворена) 502 тыс. руб. (около 60 руб. на семью)[31].

К концу ноября 1916 г. численность бежавших из России в Илийский край – казахов, киргизов, дунган и уйгур – составила, по данным российского консульства в Кульдже, около 100 тыс. чел. По пути своего бегства мятежники сжигали все русские деревни, вытаптывали поля, угоняли скот. Всего в Китай ушло более 300 тыс. чел.[32].

В донесении директору Департамента полиции начальник Туркестанского районного охранного отделения 15 января 1917 г. отмечал: «<...> Приходится констатировать тот факт, что суд в большинстве случаев вынес обвинительные приговоры с осуждением целого ряда туземцев к смертной казни, но в конечном результате все приговоры на основании существующих на сей предмет правил были представле-

ны командующему войсками генерал-адъютанту Куропаткину на конфирмацию, и в большинстве случаев смертная казнь была заменена иными, более легкими наказаниями до ареста включительно. <...> Неутверждение смертных приговоров рассматривается туземным населением как страх перед ними и объясняется боязнью их раздражать[11].

Судебные процессы продолжались в крае до конца февраля 1917 г. По одним данным, суду было предано 3 тыс. чел., 1588 из них были казнены или осуждены на разные сроки тюремного отбывания, по другим – было арестовано более 3 тыс. чел., из них около 350 были приговорены к смертной казни (приговор был утвержден и приведен в исполнение для 51 чел.), другие отправлены в ссылку[12].

«Таким образом, – делал вывод начальник ТРОО, – в конечном результате оказалось, что многие главари <...> восстания уже ныне находятся на свободе, причем население при освобождении их из-под стражи и возвращении домой встречало их весьма торжественно, что не только отмечено агентурой, но даже чины полиции обращают на это внимание. <...> Возвращение подобных лиц в среду косного туземного населения Туркестанского края, враждебно настроенного против русских вообще и, в частности, против русского владычества в крае, является весьма нежелательным и опасным, тем более подобные лица рассматриваются туземным населением как герои, борцы за свободу народа, и население, несомненно, вновь может подпасть под их влияние и совершить новые попытки к выходу из повиновения»[11].

Начальник Туркестанского районного охранного отделения оказался прав. Русское население Туркестана, несмотря на заверение Временного правительства, с опасением и недоверием встретило амнистированных участников восстания.

В результате восстания арестованы и осуждены судом были и представители русского населения края.

От осужденных и находящихся под следствием, а также их родственников на имя Туркестанского генерал-губернатора поступали многочисленные ходатайства с требованием для них полной амнистии: «Мы же, крестьяне, <...> совершившие преступления одни в запальчивости, другие в молодости и по неведению, также лишившиеся от киргиз всего имущества томимся в тюрьмах <...>»[17].

Генерал-губернатором Куропаткиным в адрес Временного правительства была направлена телеграмм «о желательности амнистии проживающим в крае русским уроженцам». Обсудив эту телеграмму, Временное правительство поручило Туркестанскому генерал-губернатору разъяснить населению, что те русские, которые совершили во время восстания преступные действия против коренного населения, подлежат амнистии на равных основаниях с последними[1].

ВОЗВРАЩЕНИЕ. После восстания на тыловые работы из Туркестана было мобилизовано около 123 тыс. чел. При этом мобилизованные рабочие, отправленные из Туркестана еще до начала Февральской революции, не успев доехать до места, застревали на железнодорожных перегонах в Пензе, Сызрани, Самаре и других городах. Новые власти не знали, что с ними делать, но и вернуть их обратно домой не решались.

О мобилизованных не забывали дома, и окончательного «успокоения» в крае не наступило.

Начальник ТРОО 15 января 1917 г. докладывал начальнику Департамента полиции: «Признаки возможности новых беспорядков в Фергане налицо. Население упорно продолжает думать, что туземцы, отправленные в тыл действующих армий в качестве рабочих, должны возвратиться домой через три месяца, а так как со дня отправки некоторых эшелонов рабочих уже прошло более трех месяцев, то в Ферганской области были случаи, когда женщины с детьми являлись к чинам полиции и предъявляли требования о возвращении мужей с работ, грозя побросать своих детей, которых якобы они не в состоянии прокормить[11].

Возвращение тыловых рабочих из прифронтовых районов в Туркестан началось после прихода к власти Временного правительства. В первую очередь это касалось хлопкосеющих районов края.

Так, на заседании Временного правительства 9 марта 1917 г., среди прочих представлений министра земледелия был вынесен вопрос «О возвращении с фронта на места сартов Ферганской области для производства работ по культуре хлопка».

В результате обсуждения последовало следующее решение: «Признать вопрос о возвращении с фронта на места сартов Ферганской области, не требующим в данное время каких-либо распоряжений как вследствие невозможности при современной загруженности железных дорог обратной с фронта перевозки сартов, так и ввиду последовавшего уже прекращения дальнейшей их отправки на фронт»[1].

В тот же день министром юстиции А.Ф.Керенским был инициирован к обсуждению вопрос «О приостановлении призыва инородцев и об образовании Особой комиссии для выработки нового порядка управления Туркестанским краем»[1].

Спустя полтора месяца (24 апреля 1917 г.), по представлению министерства торговли и промышленности, Временное правительство вновь вернулось к вопросу о возращении на родину реквизированных сартов, независимо от общего решения вопроса о возврате прочих «инородцев».

На этот раз Временное правительство постановило «принять меры к возвращению сартов на родину», а министру путей сообщения «озаботиться скорейшей, с соблюдением должной постепенности, перевозкой упомянутых сартов»[1]. Официальная реализация этих мероприятий началась в мае 1917 г., хотя многие явочным порядком возвращались в Туркестан с марта 1917 г.

Несколько слов об историографии

Чем же являлось восстание 1916 г. в Туркестане: ответной реакцией на ошибку власти, принявшей непопулярное решение и проведенное непопулярными мерами, или «исторической закономерностью»?

Был ли процесс спонтанным или кем-то планировался заранее?

В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства товарищ министра внутренних дел С.П.Белецкий писал: «Начавшееся же небольшое брожение среди сартов в Туркестане, ввиду дошедших до меня слухов о наборе, также в этот период было улажено путем моего (за министра) проекта в Совет министров против срочно проводимого военным министерством закона о наборе кочевников вопреки привилегий, данных им грамотами при присоединении их. Впоследствии это уже вылилось в крупные беспорядки в Туркестане, когда военное ведомство настояло на своей мере»[33].

Министр внутренних дел А.Д.Протопопов с сентября 1916 г. до Февральской революции в показаниях комиссии говорил: «Призыв инородческого населения <...> привел к бунту, ибо проведен был без согласования с особыми условиями быта народов того края»[33]. Бывший военный министр генерал Д.С.Шуваев также говорил об ошибке.

Чиновник министерства земледелия в Туркестане А.А.Татищев считал восстание одной из печальных страниц русского господства в Туркестане, которого вполне можно было избежать. Ошибка, по мнению Татищева, заключалась в спешном проведении мобилизации без серьезной разработки вопроса, без согласования его с туркестанской администрацией. Возможно, предполагает Татищев, этой административной ошибкой умело воспользовались «турецкие агенты». Для них указ создавал благоприятную почву для активизации антирусской пропаганды[34].

Вообще версия «административной ошибки» наиболее характерна для представителей власти. Но чьей именно? Туркестанская администрация обвиняла власть центральную, центральная – администрацию краевую.

Годы спустя Татищев, очевидец восстания, напишет в воспоминаниях: «Трудно ответить на вопрос: снискали ли мы любовь местного населения. Должен признаться, что человек, всю жизнь проведший в крае и, казалось, хорошо его знавший, Н.П.Остроумов, директор учительской семинарии, подготовлявшей преподавателей так называемых русско-туземных училищ, говорил мне, что и дня не остался бы в крае, если бы из него вывели войска. Думаю, однако, что он не совсем прав: во время войны гарнизоны Туркестана были ослаблены очень заметно, но... восстание... было, во-первых, местным, а главное, вызвано нашей административной ошибкой...» Татищев отмечает, что в самый разгар событий он совершил служебную поездку по Семиречью, практически не заметив никаких волнений[34].

С.В.Чиркин, как представитель МИД, был больше склонен к системному анализу: «Освобожденные со времени занятия русскими края от военной службы туземцы, подстрекаемые духовенством, не усвоив сущности принимаемых правительством ввиду тяжелых условий войны чрезвычайных мер и отстаивая свои, казалось им, незыблемые привилегии, подняли бунт в тех местах, где или непродуманность и крутость администрации и влияние мулл оказались особенно чувствительны, или местные условия, вследствие недостатка путей сообщения, были особенно благоприятны»[25].

Один из крупных политических деятелей Туркестана, очевидец и участник событий Т.Рыскулов, уже в советское время, давая оценку восстанию, отметит: «В народных массах "инородцев" постепенно нарождалась надежда, воспользовавшись благоприятной ситуацией (большая часть русских войск, расквартированных в Туркестане, была отправлена на фронт. – *Авт.*) <...> свергнуть гнет царской колониальной власти»[35].

В телеграммах от различных мусульманских обществ Туркестана, которые в большом количестве поступали министру юстиции, военному министру, председателю Государственной думы, руководству мусульманской фракции уже после прихода к власти Временного правительства, отмечалось, что беспорядки явились следствием «преступной бездеятельности и вызывающими приемами агентов старой власти», «беспорядочного к нам обращения старого правительства, поддерживавшего между нами национальную рознь», «национальной неприязни русского населения с киргизами поддерживавшейся при старом правительстве и явившейся результатом беспорядочного к нам отношения местной администрации»[17], и т.п.

При сопоставительном анализе этих телеграмм легко прослеживается некий шаблонный текст, легший в их основу, хотя отправителями были мусульманские общины различных уездов Семиреченской области.

По мнению П.Г.Галузо, «слабые зачатки национально-освободительного движения» в предвоенные годы не шли ни в какое сравнение с регулярными войсками и «ополчением» из числа русских крестьян. И только то, что значительная часть винтовок была отправлена на фронт, предотвратило в 1916 г. широкую киргизо-русскую бойню.

По мнению Е.Сыдыкова, поводы для восстания у нерусских народов Российской империи находились всегда, однако их причины и движущие стимулы изменялись вместе с политической и экономической обстановкой в метрополии. К началу века национально-освободительное движение по «исламскому поясу» империи обусловливалось рядом причин как объективного, так и субъективного порядка:

– *во-первых*, к этому времени у мусульманских народов уже сформировался (пусть и в незначительном количестве) средний класс, который был недоволен положением ущемленного нацменьшинства;

– *во-вторых*, среди мусульман России значительно возросла политическая активность;

– *в-третьих*, нарастающая угроза в связи с массовой переселенческой политикой по превращению автохтонного населения в национальное меньшинство стимулировало протест и агрессивность даже самых деполитизированных групп;

– *в-четвертых*, активизация борьбы за гражданские права и представительство в центральных и региональных органах управления становятся реальностью того времени[36].

И ранее и сейчас восстание многим представляется неожиданным, спонтанным, стихийным и т.п. Как считает ряд историков, особенно в независимых государствах Центральной Азии, в восстании 1916 г. проявилось формирование национальной идеи или идеи национальной независимости.

Авторы современного академического издания «История Казахстана» пишут, что «постепенно стихийное движение стало принимать организованный характер, перерастая в вооруженное восстание», которое было направлено:

– против военно-колонизаторской и широкомасштабной русификаторской политики царизма;

– против феодально-байской верхушки (в определенной степени);

– против империалистической войны (в этом плане оно смыкалось с революционной борьбой в Центральной России)[37].

Из этого следует, что восстание было направлено против всего и всех! Но побудительной причиной восстания, прокатившегося по всему Туркестану, стала отправка местного населения на тыловые работы…

В результате восстания 1916 г. значительная часть казахов и киргизов бежала через Боомское ущелье в Китай. Многие из них погибли по пути от голода и холода. Сегодня в Киргизии день 7 августа отмечают как День памяти жертв трагических событий августа–сентября 1916 г. Его называют уркун – «массовое бегство», «исход», считая события в Боомском ущелье «гуманитарной катастрофой киргизов».

На основании данных дореволюционной и советской статистики утверждается, что: «<…> в 1913 г. на территории современного Киргизстана проживало 864 тыс. чел., а киргизов – около 650 тыс. По переписи населения 1926 г. киргизов оказалось 668,7 тыс., то есть нулевой прирост численности за 13 лет, что было результатом жестокого подавления восстания 1916 г. и бегства в Китай; низкого темпа роста численности киргизов из-за гибели в годы басмачества; нищеты, широко распространенных болезней, голода – извечных спутников кочевых и полукочевых колониальных народов»[38].

К цифрам, приводимым дореволюционной статистикой в части определения национальной принадлежности того или иного народа, необходимо относиться с осторожностью. Поэтому трудно из 864 тыс. казахско-киргизского населения, воспринимавшегося в дореволюционной русской этнографии, а значит и статистикой, как один народ, вычленить 650 тыс. именно «киргизского»*.

Теперь о причинах «нулевого прироста численности» киргизов за 13 лет. Потери в результате подавления восстания 1916 г. и вызванной им миграции в Китай сомнений не вызывают. Годы Гражданской войны и басмаческого движения – тоже. А вот нищета, болезни и голод были «извечными спутниками» не только «кочевых и полукочевых колониальных народов», а подавляющего большинства населения (в том числе русского) всей Российской империи.

---

* Первоначально, в 20-х годах, в рамках национального размежевания Средней Азии была образована Кара-Киргизская автономная область, в 1925 г. переименованная в Киргизскую.

Авторы коллективной российско-узбекской монографии «Россия – Средняя Азия» в разделе, посвященном борьбе Петербурга и Стамбула за влияние в Центральной Азии, в качестве повода восстания 1916 г. реанимируют версию советского историка и этнографа А.В.Станишевского (псевдоним Азиз Ниалло).

Указ от 25 июня был обнародован 2 июля 1916 г., в момент получения известия о поражении корпуса генерала Н.Н.Баратова в Персии. Германо-турецкие войска вынудили русскую армию начать отступление в районе Керманшаха.

Известие о неудаче на «мусульманской территории» подорвало престиж царской армии в глазах жителей края. Начались разговоры о том, что скоро турки появятся в Туркестане в роли освободителей местных мусульман. «Все это, – по мнению авторов, – вылилось в знаменитое восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

Загнанные вовнутрь волнения продолжались и подогревались извне вплоть до Российской революции 1917 г.»[39].

Современные российские военные историки считают, что ситуацию, сложившуюся в районе Керманшаха, нельзя считать поражением, тем более такого масштаба, которое позволило бы стать ему столь резонансным.

Действительно, генерал Баратов решил не оборонять Керманшах и приказал в ночь с 17 на 18 июня 1916 г. оставить город. Что же касается турецких войск, то они к этому времени прекратили наступление и перешли к обороне. Турецкое командование было в состоянии вести борьбу против пехоты корпуса Баратова, но оно опасалось огромного превосходства числа русских кавалерийских частей и нехватку боеприпасов у турецкой артиллерии.

Существовало ли в 1916 г. единство интересов представителей всех коренных народов Туркестана?

Чтобы провести национальное размежевание в 20-е годы, необходимо было наличие государственности, основу которой составляет титульная нация, а ее не было ни у одного из коренных народов Средней Азии (узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, таджики). Кроме того, среди лозунгов восстания не было лозунгов, призывавших к интеграции народов Туркестана и Степного края.

Отсутствие единства подтверждают документы, как предшествующие восстанию, так и 20-х годов.

Вот выдержка из доклада секретаря ЦИК РКП(б) Я.Э.Рудзутака (с 1922 г. председателя Средазбюро ЦК) на Пленуме ЦК РКП(б) о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик от 26 октября 1924 г.: «До сих пор не было ни одного съезда и ни одного вопроса, практического и политического, которые обсуждались там без национальных трений. Правда, они очень часто выплывают под чисто деловым соусом, под деловой оболочкой. Если обсуждался, например, вопрос о государственном бюджете, тогда вставали такие невинные вопросы: нужно ли тратить больше денег на восстановление хозяйства киргизского оседлого населения в Семиреченской, теперешней Джетысуйской, области, или дать больше денег на закупку инвентаря в Ферганской, Самаркандской областях? Вопросы чисто экономического порядка, но они имели национальную подкладку, поскольку землеустроительные работы касались киргиз, а вопрос об инвентаре касался узбеков»[40].

А вот строки из письма Таджикского обкома И.В.Сталину от 1925 г.: «<...> Уже давно таджики занимают в Средней Азии положение угнетенной народности. Таджикских школ (особенно новометодных) там не было, и огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большой охотой и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называет себя узбеками»[40].

Как отмечает А.В.Ганина: «Только осознание себя частью большого единого целого, для народов Туркестана <...> являлось государственнической пози-

цией и соответствовало интересам России. Как видно, в 1916 г. такое мироощущение отсутствовало. Немалая вина за это лежала не только на коренном населении, но и на русской администрации и переселенцах.

В советское время для привития подобного "правильного" взгляда было сделано много, однако последующие события продемонстрировали, что такая самоидентификация являлась лишь внешней»[41].

Национальная политика и проблемы межнациональных отношений – вопросы очень деликатные, требующие научной взвешенности и корректности в оценках.

Все чаще складывается ощущение, что историки «нашего времени» зачастую освободились не только и не столько от «партийно-идеологических оков», сколько от профессионализма, здравого смысла и от нравственно-этических норм.

Вместо заключения

В начале XX в. в Туркестане Россия столкнулась с целым набором крайне невыгодных для себя обстоятельств. Прежде всего это так называемый «мусульманский вопрос», к обострению которого привели просчеты как во внутренней, так и во внешней политике.

Начав с политики «игнорирования» мусульманского вопроса в Туркестане, царское правительство и местная администрация ничего не смогли противопоставить тенденции к консолидации мусульман в рамках империи. В общественном и политическом сознании жителей Центральной России, особенно накануне и в годы Первой мировой войны, на фоне реально существовавших и мнимых антирусских фобий при оценке степени политической лояльности местного населения нередко ставился знак равенства между понятиями «мусульманин» и «враг». В свою очередь, для подавляющего большинства туркестанской мусульманской среды, чье сознание не поднялось выше сиюминутных проблем выживания, Россия зачастую была тождественна понятиям «чужой» – «враг», а «Османская империя» – «свой» – «друг».

Не стоит представлять мусульманское население Туркестана как «монолитную среду», объединенную в единое целое против русского господства. В Туркестане и ранее, и после прихода русских происходили постоянные столкновения на национальной почве в основном по вопросам земле- и водопользования. Одной из причин порождавших это, было отсутствие исторического опыта государственности, основу которой составляла титульная нация. Тем не менее ислам как связующая основа конфессионального единства коренного населения являлся, пожалуй, важнейшей проблемой, с которой столкнулись русские чиновники в Туркестане.

Наибольшее его обострение приходится на период с 1898 г. (Андижанское восстание) по 1916 г. После 1917 г. проблема переходит несколько в иную плоскость и существует уже в рамках иного политического строя и иной государственной идеологии.

Немногочисленная часть туркестанского общества из числа коренного населения была задействована в политической жизни края и принятии управленческих решений. Ее можно обозначить термином «интеллектуальная элита». Она испытала на себе наибольшее влияние русской (европейской) культуры и социально-правовой мысли, а также передовых реформаторских течений исламского мира. При этом она

чувствовала себя ущемленной, так как представляла элиту национального меньшинства, что позволяло конфликтным ситуациям сохранять свою устойчивость в реалиях туркестанской действительности.

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было ни одной политической партии, созданной представителями коренного населения и отражавшей его интересы, а значит, способной возглавить восстание.

В начале XX в. край был далек от окончательной интеграции в общеимперское здание России. Очевидно, что острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах России существовала в той мере, в какой наблюдалась интеграция с империей в целом. Туркестан являлся примером последнего «имперского приобретения», наименее интегрированного с метрополией.

Говоря о степени интеграции Туркестана следует различать интеграцию края в государственную систему Российской империи и интеграцию переселенцев в местную среду. И тот и другой вид интеграции требует значительного времени. В случае с Туркестаном его не было.

Подход к внедрению в крае русского элемента со стороны правительства был однобоким и очень кратким по времени. Он не мог оказаться прочным в политическом плане, а в экономическом – не принес значительных дивидендов. Проводясь планомерно всего десятилетие, кампания по переселению явилась мощнейшим раздражителем.

Правительственная линия на поддерживание переселенцев и создание для них условий наибольшего благоприятствования (предоставление различных льгот, выдача ссуд, освобождение от несения воинской повинности и уплаты налогов и податей и т.д.) имела свою негативную сторону.

Переселенцы оказались своеобразными заложниками, на которых сфокусировалась большая часть недовольства коренного населения края в 1916 г. и безопасность которых не смогло обеспечить государство. Переселение было драматичной страницей истории не только для коренных народов края, но и в не меньшей степени для крестьян.

Освобождение от воинской повинности – одной из основополагающих обязанностей гражданина любой страны – это еще один показатель низкой степени интегрированности Туркестана с империей. Не позволяя «инородцам» по разным, как объективным, так и субъективным, причинам выполнить эту обязанность, Российское государство, осознанно или нет, культивировало у подавляющего большинства нерусских народов ощущение себя как «иных», если не «чужих», но и не вполне «своих».

В отсутствие интеграции скрывается парадоксальность ситуации. Ограничения (особая система управления и административной подчиненности, «особые правила» вместо общеимперских законов) не позволяли идти процессу интеграции, а низкая степень интеграции порождала тезис о том, что коренное население Туркестана «не прониклось до конца идеей имперского общежития», а потому его «права» и даже «обязанности» (например, несение воинской повинности) стоит ограничивать и регулировать способами отличными, к примеру, от Архангельской, Московской или Курской губерний, механизмами.

Нередко власть пыталась найти ответы на вопросы нового времени, прибегая к старым способам решения проблем, но устаревшие механизмы руководства многонациональной империей все чаще давали сбой или работали не столь эффективно.

В арсенале власти имелся достаточно стандартный комплект действий или бездействий, порождавший негативное, протестное настроение нерусских народов империи.

Сделав ставку в Туркестане в основном на силовое присутствие, центральная власть успокаивала себя тезисом, что местное население понимает, признает, уважает и боится только метод постоянной демонстрации «мускулов». Подобная политика в немалой степени способствовала значительному снижению лояльности и политической активности части мусульманского сообщества Туркестана.

Послесловие

После Февральской революции 1917 г. Временное правительствол, учитывая причины восстания 1916 г. и его последствия, приняло ряд решений. Но ни одно из них не было реализовано.

17 июня 1917 г. уже бывший генерал-губернатор Туркестана Куропаткин напишет в своем дневнике: «В Туркестане безначалие и можно ожидать больших волнений на почве голодовки ввиду полного неурожая. Давлетшин (А.А. Давлетшин – генерал-майор, в то время делопроизводитель Азиатской части Главного штаба, с 31 июля 1917 г. – начальник Азиатской части Главного штаба. – *Авт.*) очень пессимистически настроен относительно возможных событий в Туркестане. Особенно тревожно положение в Семиречинской области. Русское население, поддержанное солдатами, обнаруживает непримиримую ненависть к киргизам. Инженер Танышпаев, киргизский патриот, очень разумный деятель, считает единственным выходом образование двух уездов: русского (Пржевальского) и киргизского (Нарымского), как-то было мною предложено»[42].

В 20-х годах XX в. идею о выделении русского населения Семиречья в отдельную административную единицу не только не забудут, но даже попробуют претворить в жизнь. После 1917 г. основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым населением, безусловно, продолжал оставаться вопрос земельный. С новой остротой он проявил себя в рамках земельно-водной реформы, которая проводилась в Средней Азии в начале 20-х годов прошлого века.

Так, в письме секретаря Букеевского губкома в ЦК РКП(б) (осень 1923 г.), говорилось: «Главным вопросом распрей между русскими и киргизами является земельный вопрос. Русское крестьянство как более сильное производит захват земельных участков.

Для урегулирования земельного вопроса необходима помощь центра. Нет средств для производства землеустроительных работ. КНКЗ (Киргизский народный комиссариат земледелия. – *Авт.*) средств не ассигнует – необходим нажим, ибо это вопрос большой политической важности, не говоря уже об экономической стороне дела»[40].

Вот выдержка из заявления руководящих работников Киргизской области в Киргизский обком от 22 июня 1925 г.: «Основным вопросом, определяющим взаимоотношения между коренным и пришлым населением, является, безусловно, вопрос земельный[40].

В письме секретаря Джетысуйской области С.Ч.Чекпарбаева в ЦК РКП(б) о национальных отношениях в области за 1925 г. отмечалось: «Национальные взаимоотношения в результате национально-территориального размежевания освободили Джетысуйскую губернию от трений, каковые имелись между каракиргизами и узбеками, с одной стороны, а также значительно повлияли на ход взаимоотношений между населяющими губернию национальностями и, главным образом, между русским и казахско-киргизским населением»[40].

Партийный руководитель Джетысуйской губернии через несколько меся-

цев оценивает ситуацию следующим образом: «Нередко земли общественные вызывают споры и межнациональные трения. Например, недавно в Алма-Атинском уезде возникли 4 случая земельных споров между киргизами и русскими. Пришлось посылать на место комиссию»[40].

Единственным выходом из создавшегося положения руководители южных губерний Казахстана и Киргизской автономной области видели в выделении районов с преобладающим русским и украинским населением в самостоятельные автономные единицы и подчинением их непосредственно РСФСР[40]. Но не стоит думать, что это была исключительно инициатива «сверху». Русское (особенно казачество) и украинское население также неоднократно поднимали вопрос об административной самостоятельности территорий с их компактным проживанием[40].

Апрельский пленум ЦК РКП(б) 1925 г. заслушал специальный доклад о положении в районах с казачьим населением. В резолюции по указанному докладу в п. 10 пленум признал допустимым, чтобы районы с компактным проживанием казачьего населения в национальных областях выделялись в отдельные административные единицы.

Для проведения в жизнь этого постановления Президиум ВЦИК 1 февраля 1926 г. образовал особую комиссию, которой поручил всестороннее рассмотрение вопроса о выделении казачьего и русского населения Киргизской АССР в особые административные единицы. Тем не менее и год спустя постановления пленума ЦК и Президиума ВЦИК по этому вопросу оставались до конца невыполненными.

Работа по административному выделению казаков и русских крестьян была проведена к этому времени только в Киргизской АССР. В Казахской АССР, где сосредоточился наибольший контингент переселенцев, решения партии и правительства в жизнь проведены не были.

Примечания

[1] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII // Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года. В 4-х томах. Март-апрель 1917 года. М., 2001. Т. 1. С. 35, 124–125, 59, 65, 343.

[2] РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1026, 1030, 1033; Д. 1056, 1058, 1059; Ф. 400. Оп. 1. Д. 2211. Л. 12 об.

[3] *Чокаев М.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха [публикация С.М.Исхакова] // ВИ. 2001. № 2. С. 7.

[4] Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 334.

[5] *Кривошеин А.В.* Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. (приложение к всеподданнейшему докладу). СПб., 1912. С. 53–54.

[6] *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917 гг.). С. 50.

[7] *Голованов А.А., Саидов И.М.* Дехканство Узбекистана на историческом повороте второй половины XIX — первой трети XX вв. Самарканд, 2007. С. 9.

[8] История Самарканда. Ташкент, 1969. С. 354.

[9] История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 184.

[10] *Басилая Ш.И.* Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968. С. 204–205.

---

* Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

[11] ЦГА РУз*. Ф. И–17. Оп. 1. Д. 32. Л. 83; Ф. И–25. Оп. 1. Д. 164. Л. 41–42; Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1147. Л. 184; Д. 1140. Л. 149–150; Ф. И–300. Оп.1. Д.133. Л.1; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 948. Л. 8; Д. 443. Л. 25; И-462. Оп. 1. Д. 443. Л. 88, 252; Д. 479. Л. 65; Ф. И–461. Оп. 1. Д. 2118. Л. 75 об; Ф. И–7. Оп. 1. Д. 4. Л. 17, 18; Ф. И–274. Оп. 1. Д. 8а. Л. 5–8; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 6; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 5 об–6; Д. 1158. Л. 222; Д. 202. Л. 3; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 23; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 27 об; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1139. Л. 15; Д. 1144. Л. 54; Ф. И.-461. Оп. 1; Д. 2144. Л. 129; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1968. Л. 31; Д. 2144. Л. 127; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 7; Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100. Л. 20; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 2 об; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 3 об.–4 об; Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 4.

[12] История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1968. С. 525, 556.

[13] *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 51.

[14] *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957. С. 32–33.

[15] *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 305–306.

[16] *Лукьянов С.А.* Роль Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий МВД Российской империи в реализации государственной вероисповедной политики (1800–1917 гг.). М., 2008. С. 259.

[17] РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 105; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 283, Л. 450; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24–25; Д. 1933б. Л. 357, 331–452; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 460; Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 62а-62б; Л. 56.

[18] Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. / под. ред. А.В.Пясковского. М., 1960. С. 271, 64, 88–90, 415.

[19] *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. С. 255.

[20] Цит. по: *Турсунова Р.Ю.* Городское самоуправление в Туркестане (1877–1918 гг.): дис... канд. ист. наук. Ташкент, 2000. С. 80–81.

[21] *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2008. Т. V. С. 152–214.

[22] Восстание 1916 г. в Средней Азии [публикация П. Галузо] // Красный архив. 1929. Т. 3(34). С. 45.

[23] Цит. по: *Зорин А.Н.* Революционное движение в Киргизии (северная часть). Фрунзе, 1931. С. 19, 18.

[24] Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг. Сб. док. / авт.-сост. Д.А.Аманжолова. Караганда, 2005. С. 91.

[25] *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006. С. 256.

[26] *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. С. 66–67.

[27] Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 60–69.

[28] Туркестанский курьер. 1916. 2 сент.

[29] Туркестанские ведомости. 1916. 20 сент.

[30] Восстание 1916 г. в Средней Азии: сб. док. / под ред. П. Г. Галузо. Ташкент, 1932. С. 73.

[31] Особые журналы заседания Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 605–606.

[32] *Сулейманов Б. С., Басин В. Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. С. 93.

[33] Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.-Л., 1926. Т. IV. С. 130, 21; Т. VII. С. 293.

[34] *Татищев А.А.* Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906–1921). М., 2001. С. 247–248; С. 178–179.

[35] *Рыскулов Т.* Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 г. Кызыл-Орда, 1927. С. 71–72.
[36] *Сыдыков Е.* Проблемы идейной эволюции национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Алма-Ата. 1998. № 4. С. 43.
[37] История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 3. С. 639.
[38] *Джунушалиев Д.Д.* Особенности аграрной политики в Кыргызстане в 20–30-х гг. XX века // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2007. № 2. С. 110.
[39] Россия – Средняя Азия. Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М., 2011. Т. 1. С. 222.
[40] ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 / сост. Л.С.Гатагова, Л.П.Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 244, 29, 133, 288, 307, 331, 407, 431.
[41] *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 539.
[42] Дневник генерала А.Н.Куропаткина, 1917 год [публикация И.В.Карпеева, Е.Ю.Сергеева] // ИА. 1992. № 1. С. 164.

Подписка на 2011 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER
http://www.rau.su
E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

ISSN 2074–2975 AUGUST 2011 No 8 (259)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Interaction of party system and civil society: possible contradictions 5

D. Gudkov

Article is devoted to the problem of interaction of party systems and civil society in Russia and abroad. Thus the special attention is given to possible contradictions which arise during such communications. In particular, for transitive societies the danger is the threat to return one-party system, and the project of "party pluralism" which frequently leads to political chaos. Speaking about Russian Federation, the author believes, that gravitation of electorate to a format of party system with a few number of parties, with dominating party "United Russia" is observed. Thus numerous attempts of realization of the two-party project appeared unsuccessful, on the one hand, in view of their artificial character of formation "from above", with another - due to absence of social inquiry concerning the given model.

Key words: Elections, political parties, civil society, one-party system, two-part system, party pluralism, transitive societies.

About the author: **Gudkov Dmitry Sergeevich** - postgraduate student, political science department, Finance University under Government of RF.

Information war in Russia: bitter results of "westernization" 14

D. Khalidov

The article, on basis of many examples, reveals an evolution of national mass media (for last 20 years) in direction of socially, morally and politically irresponsible "PR", which can be characterized as information war against nation. The article identifies the subject of the war and its main goals, which can be described as "4D": devastation, defilement and degeneration plus debilizing of mass conscience.

In an answer to the question: "What should be done?" the author proposed as minimum program, to defend the society from the media terror on the basis of: 1) introduction of a bill titled "National security and freedom of speech" and creation of monitoring system, sentiment and content analysis of information in framework of the Federal Agency of Press and Mass Media; 2) establishment of a state commission on broadcasting, federal mass media and study of foreign experience; 3) establishment of a supervisory council on broadcasts at federal TV channels.

As maximum program to include some amendments to the Constitution of the RF related with a regulation of activities of mass media. The amendments should include: control over advertising and internet; principles of personnel policy at state mass media. It has been also proposed to create a state popular science TV channel titled "Education".

Key words: cultural intervention, westernization, D-marketing, chaotization of conscience, mediacracy, national security and freedom of speech.

About the author: **Khalidov Denga Shakhrudinovich** - PhD in philosophy, Doctor of politology, Vice-President of AGP.

The security problems of Europe 26

N. Anikeeva

Leaders of Russia and Spain pay great attention to the security problems of Europe at the end of XXth and at the beginning of the XXIst century. Zapatero government approved with enthusiasm the initiative of Russian President Dmitry A.Medvedev to prepare the Treaty on European Security in 2009. The Spanish government has its own attitude to the question of missile defense system in Europe. On the other hand Madrid will remain a loyal partner of NATO.

Key words: European security, Madrid foreign policy, Moscow foreign policy, North Atlantic Treaty Organization.

About the author: **Anikeeva Natalia E.** - Prof. Dr. Moscow State Institute of international relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Russia's policy towards Cyprus: a case of "pragmatic idealism"? 34

C. Melakopides, M. Salvaridi

This essay is analyzing different aspects of the bilateral relations between Russia and Cyprus during the Cold War period and, especially, during the last twenty years. The authors seek to identify those characteristics that distinguish Russian policy towards the Republic of Cyprus from the classic Realpolitik canons. This search leads them to the conclusion that, in the final analysis, Moscow's policy towards Cyprus exhibits those distinctive features that constitute an authentic case of "pragmatic idealism".

Key words: "pragmatic idealism", "Realpolitik", Cold war, bilateral relations Cyprus-Russia, international legal principles, UN principles, ethical values, political culture, soft power.

About the author: **Melakopides Costas** - Ph.D. in Political Philosophy (Queen's University, Kingston, Canada), Associate Professor of International Relations (retired from teaching, associated as Senior Researcher) Department of Social and Political Sciences, University of Cyprus;

Salvaridi Marina Nikolaevna - PhD student School of International Relations, Department of World Politics Saint Petersburg State University.

Parliamentarism: elections, political rivalry and political struggle 46

A. Borshch

In connection with the approach of elections in parliaments of some the countries, including Russia, in article the characteristic of the pre-election company, parliamentary activity and public actions which can accompany them is given.

Key words: parliament, parliamentary elections, parliamentary parties, parliamentary activity, parliamentary rivalry, parliamentary struggle.

About the author: **Borshch Alexandr Alexandrovich** - candidate of legal sciences.

Political party as a social organization 57

L. Yaskova

The article discovers theoretic sides of conception of political party as a social organization through the notions "community of people" and "commonality of ideas". Empirical examination permits to describe scientifical methods of political party's planning.

Key words: collectivism, mission, ideology, the electorate's activity, political territory, motivation to political participation, hierarchical structure, network organization.

About the author: **Yaskova Ludmila Valeryevna** - a post-graduate student of the Chair of Philosophy and Sociopolitical Theories, the deputy of Lipetsk Region Councils of Deputies, An assistant of chair of Contemporary History of Russia State Educational Institution of Professional Higher Education "Lipetsk State Pedagogical University".

Contraband on the crest of the third wave of liberalization of the criminal code of the Russian Federation 65

A. Majakova

In this article the question of a parity of item 188 of the Criminal code of Russian Federation ("Contraband") and item 194 0f the Criminal code of Russian Federation ("Evasion from payment of the customs payments raised from the organization or the physical person") is investigated. The author pays attention to discrepancy of specific and direct objects of analyzed structure of a crime, stops on necessity of specification of the list of subjects of contraband and a place of its fulfillment. The author also argues on difficulties which arise during qualification of contraband's subjects of a plant and animal life.

Key words: contraband, evasion from payment of customs payments, object of contraband, a place of fulfillment of contraband, wood contraband, contraband of anyimals.

About the author: **Majakova Anastasia Stanislavovna** - the candidate of legal science.

Image of judicial authority in contemporary Russia 79

V. Seriy

The present article is devoted to ensuring a role of judicial authority of system of the government in Russia, to define scientific and applied basis of formation and development of contemporary judicial authority, suggested proposes for its improvement.

Key words: the government's power, image, the Constitutional Court of Russia, corruption, public prosecutor's office, court, judge, court's power.

About the author: **Seriy Vladislav** - justice adviser of the Public prosecutor's office, Nanaisky region, Habarovsk krai.

Legality of compulsory measures taken with accordance of the UN's a Charter 85

L. Tarasova

Aspects of legality of use of international compulsory measures are analyzed in this thesis. The author comes to conclusion, that compulsory measure are legality only in case, when they are taken in accordance with the conditions of legality, that are legally based on the UN's Charter, and with the criteria's of legality, that are justified.

Key words: international law, international security, Human Rights, sanctions, compulsory measures, violation of peace, aggression.

About the author: **Tarasova Ludmila** - candidate of legal sciences, associated professor of the Chair of State and Legal theories in the Moscow financial and juridical academy.

Rising in Turkestan in 1916: a political mistake or historical legitimacy? 98

T. Katyukova

In 1916 in Turkestan there happened one of the biggest risings since Russian conquest of Central Asia. For the last 95 years, our and foreign historiography has made many investigations on this theme. Despite this, there are still many white spots in the history of this event.

Key words: Turkestan, Russian empire, The First World War, rising of 1916, Russian peasant-settler, rear worker.

About the author: **Katyukova Tatiana** - candidate of History, Leading Researcher at the Institute of Military History of the Military Academy of General Staff.

Òðåáîâàíèÿ ê ìàòåðèàëàì, ïðåäñòàâëÿåìûì äëÿ ïóáëèêàöèè â æóðíàëå “Îáîçðåâàòåëü–Observer” â ñîîòâåòñòâèè ñ óêàçàíèÿìè ÂÀÊ

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

http://www.rau.su

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
мвркетинг, реализация, реклама
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.
E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: http://www.rau.su
Подписано в печать 26.07.2011. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 196.